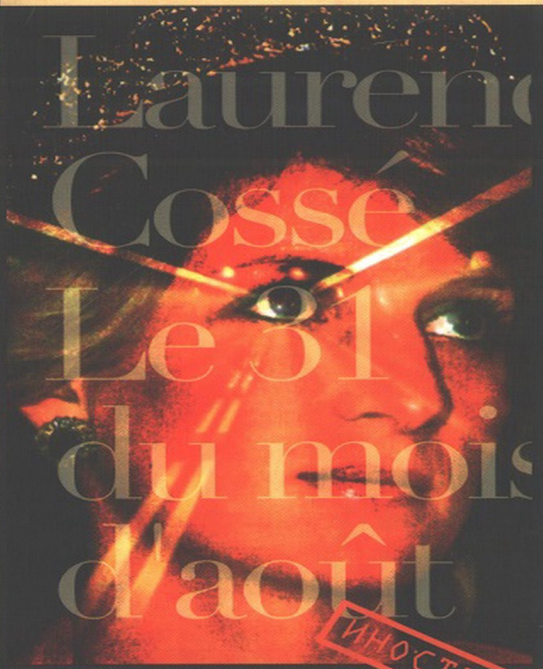
ЛОРАНС КОССЕ

31 августа

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Литература нового века

©



9 "785941"453917

О Ч Ь

[Все рухнет, ничто не будет как прежде. От такого клейма не избавишься до конца дней. Сколько ни проживи, ты всегда будешь той, из-за кого погибла принцесса Диана...]

31 августа
Лоранс Коссе

Аннотация
Лоранс Коссе. 31 августа
I
II
III

Аннотация

Роман "31 августа" принес французской писательнице Лоранс Коссе мировую славу. Таинственный белый "фиат", послуживший, по всей видимости, причиной автокатастрофы 31 августа 1997 года в парижском тоннеле Альма, где погибла принцесса Диана и ее возлюбленный Доди аль-Файед, так никогда и не был найден. Кто сидел за рулем машины-призрака и почему скрылся с места трагедии — так и осталось загадкой. Криминалисты нашли на месте столкновения осыпавшуюся от удара краску "фиата", осколки разбитой фары, но так и не вышли на след водителя — возможно, ключевого участника происшествия. Однако Лоранс Коссе предлагает удивительно точную и достоверную версию событий. Она выстраивает захватывающую историю молодой парижанки по имени Лу, владелицы злосчастного "фиата", неожиданно оказавшейся в центре интриги, что перевернула всю ее жизнь.

Лоранс Коссе
31 августа

Тридцать первого августа видели мы:
Поднимается ветер злой
И близится к нам английский фрегат.
Режет волну за волной.

Песня моряков

I

Хуже всего, говорила себе Лу, хуже всего, что я не остановилась. Могла остановиться и не остановилась. Она выключила зажигание. Откинулась на спинку с подголовником и наконец-то закрыла глаза. Позади с ровным металлическим гудением задвинулась дверь гаража. Наступила тишина. Бешено стучало сердце, сердце и кровь — в висках, в шее, в груди, — толчками, все сильнее и сильнее.

Не может быть, чтобы это началось в тоннеле. И в таком состоянии я вела машину, проехала всю дорогу от Парижа? Да еще на такой сумасшедшей скорости?

Она открыла глаза. Фары не выключены. Она посмотрела направо, налево, настороженно вслушалась — не раздастся ли шорох, шум, какие-нибудь звуки. Полная тишина, дверь гаража плотно закрыта. Никого. Никто не гнался за ней. Может быть, никто даже не записал номер ее машины.

Мотоцикл стоял на своем обычном месте — справа, у блочной стены гаража. Ивон, наверно,

спит. Лу посмотрела на часы. Без десяти час. А может быть, ждет ее, с головой погрузившись в журналы о яхтах, в чертежи и технические описания, — он мог изучать их до бесконечности.

Сегодня я не хочу, чтобы он был здесь. Ни видеть его, ни говорить с ним. Спит он или нет, лучше б его не было.

Вернуться бы, как прежде, в пустую квартиру — эта мысль не впервые приходила ей в голову. Но сегодня она просто *не вынесет* ничьего присутствия. Добраться бы до кровати и лечь, никого не видя и не слыша. Придется выждать немного, чтобы сердце утихло, а Ивон наверняка бы заснул.

Внезапно она почувствовала, что у нее болит левый локоть. Меня, наверно, тоже ударило. Встряхнуло не слишком сильно, но что значит сильно? Машины притерлись друг к другу, раздался чудовищный скрежет, меня отбросило — кажется, вправо. Странно, почему не болит правый локоть.

Тогда же или чуть раньше, да, перед самым ударом, Лу повернула руль — она не помнила, в какую сторону. Возможно, в ту, куда нельзя было поворачивать, — влево. Раздался скрежет — конец, пронеслось у нее в голове, черная громадина

прижалась к ней сбоку и вдруг отлетела, когда Лу уже думала, что все кончено. Думала… Когда я сказала себе "конец" — в ту же секунду или после? Вот уже полчаса она безостановочно прокручивала в голове всю сцену. Все произошло так быстро: машина, летевшая на всех парах, настигла ее у въезда в тоннель, скрежеща, притерлась к ней, тут же оторвалась, метнулась вправо, влево и с жутким грохотом врезалась в один из опорных столбов.

И я нажала на газ. Шли ли рядом другие машины, Лу не смогла бы сказать. Наверняка да, ведь было всего чуть за полночь, и Лу, неторопливо возвращаясь домой, видела немало машин в городе, пока не нырнула в тоннель.

С той минуты она не помнила ничего, кроме этого чудовища, — откуда ни возьмись, оно налетело сзади, заставило ее подскочить, чиркнуло по кузову, рванулось вправо, попетляло и на глазах у нее разбилось в лепешку; она помнила только это; ужасный визг тормозов, скрежет железа, запах гари и каменный столб, в который оно въехало по самое ветровое стекло.

Кто сидел в той машине, Лу не видела: прибавила скорости и унеслась. Пулей вылетела из тоннеля, думая только об одном — бежать. В

голове, точнее, в судорожно сведенных мышцах, в ступне, до отказа надавившей на газ, жило одно-единственное желание — бежать.

Лампы в гараже разгорались все ярче, пока не установился ровный свет. Так и сдвинуться можно, ей необходимо доползти до кровати, и поскорее. Она глубоко вдохнула и открыла дверцу машины. Ей казалось, что ноги не удержат ее, однако она встала безо всякого труда. Отступила на шаг и замерла. Вдоль всего кузова тянулась царапина — блестящая и почти прямая полоса в палец шириной. Лу протянула руку к царапине, не решаясь дотронуться до нее, прошла вдоль всей полосы, от передней двери до заднего крыла. И там остановилась во второй раз. От красного заднего фонаря не осталось ничего, ни коробки, ни лампы, только несколько осколков плексигласа еще торчали в пазах. Мигалка уцелела. Бампер не пострадал.

Как, ну как я могла подумать, что выпутаюсь из этой истории? Задний фонарь разбит, значит, там, в тоннеле, остались осколки. Весь левый бок ободран, и такая же царапина осталась на правом крыле машины, врезавшейся в столб в пятидесяти метрах передо мной.

На какое-то мгновение она словно окаменела.

Потом заставила себя сдвинуться с места, отвести взгляд. Нет, я выпутаюсь. Завтра все починят, я поеду к открытию. Поменять задний фонарь, покрасить бок — это пустяки. Раз плюнуть.

Она медленно поднялась на три этажа. Уж лучше так, чем вызывать лифт и перебудить весь дом. Открыла дверь квартиры, заперла ее за собой и постояла минутку в темноте. Если бы Ивон проснулся, он бы ее окликнул. Ни звука, тишина. Лу зажгла свет. По-прежнему ни звука. На полу валялось снаряжение Ивона, приготовленное для завтрашней поездки в Ле-Мюро: спортивная сумка, парус, который он тщательно зашивал все последние два дня, плоскогубцы, коробка песочного печенья. В восемь Ренан заедет за братом, и она, вообще-то, обещала поехать с ними. Лу покачала головой. Нет, ребята, я остаюсь дома. Завтра у меня другие дела. Она тоже положила свою сумку на пол и прямиком пошла в ванную.

Посмотревшись в зеркало, она отметила, что вид у нее на удивление обыкновенный. Немного странный взгляд, а так лицо как лицо. И здесь, в ванной, свет показался ей более резким, чем обычно. На ней не было ни синяков, ни царапин. На болевшем локте тоже ничего.

Она начала умываться. В этой аварии навер-

няка есть раненые. Погибшие. Черная машина шла на скорости сто пятьдесят, если не больше. Не надо тешить себя иллюзиями, ее "фиат" заметили, не могли не заметить. Возможно, засекли радаром. Скоро начнут искать. На земле остались осколки заднего фонаря.

Тише, успокойся. Завтра все отремонтируют. Поменяют стоп-сигнал и закрасят царапину, это не займет много времени. Завтра к вечеру никаких следов не останется. Машина будет как новенькая.

Лу включила радио, услышала какую-то музыку, выключила. Она так спокойно ехала по Парижу, ночь была теплой, впереди выходной, летнее воскресенье — последнее воскресенье августа. Она въехала в тоннель — с какой скоростью? Наверно, около пятидесяти, она не любила быстро ездить, — и словно попала в фильм ужасов: этот болид, несущийся прямо на нее, удар, скрежет, визг тормозов, грохот — все произошло мгновенно, и она сбежала оттуда — тоже мгновенно.

Слава богу, мотоцикл завтра Ивону не нужен. Перед отъездом ему незачем заходить в гараж, он не увидит повреждений. А через час после его отъезда… Лу села на край ванны. Сердце опять

заколотилось. Через час после отъезда Ивона, завтра утром — это будет воскресенье, нет, сейчас *уже* воскресенье. Авторемонтные мастерские откроются только в понедельник.

Вот что, ребята, поеду-ка я с вами в Ле-Мюро. Чем меньше я буду дома, тем лучше.

Она скользнула в постель. Это была ее постель. Как-то не получалось сказать: *наша.* Ивон говорил просто "постель". Она старалась не дышать, но Ивон заворочался, что-то пробормотал. Она застыла. Как бы она хотела сделать так, чтобы он исчез. Сгинь, Ивон, растворись. Увидимся завтра. Отвали куда-нибудь, дорогой. По крайней мере, на эту ночь. Лу не видела в темноте его глаз, да и лицо различала с трудом. Но его дыхание вновь стало ровным. Он спал.

Она вытянулась на спине, медленно, сантиметр за сантиметром. Сказала себе: надо заснуть. Утро вечера мудренее. Напрасный труд, мысли неслись со скоростью двести километров в час, правая нога выжимала газ, руки удерживали руль, напряжение отдавалось в плечах, в спине, даже мышцы живота сводило от этой гонки. Почему, ну почему я удрала оттуда? Ведь я могла остановиться. Я всегда останавливаюсь. Девушка, готовая остановиться, готовая помочь, профессия

которой предполагает внимание к другим. Но я нажала на газ. Как бы то ни было, ясно одно — я и не думала останавливаться. Я удирала. Так решила моя ступня или страх, не знаю что, но вовсе не я.

Так или иначе, сделанного не воротишь. Машина разбилась у нее на глазах, и, вместо того чтобы остановиться, Лу поспешила уехать. Она, конечно, могла бы сказать: я не нарочно, я ничего не хотела, ни о чем не думала, понимаете? Это произошло помимо меня. На что ей бы ответили: побег с места происшествия. Неоказание помощи пострадавшим при автоаварии.

Другие конечно же остановились. Она была свидетелем номер один, но, разумеется, не единственным. Летом, в полночь, многие выбирают путь через тоннель Альма. И они остановились, да и не могли не остановиться, став свидетелями серьезной аварии. И все видели ее маленький "фиат", единственную уехавшую машину.

Хуже всего, что и ей ничто не мешало остановиться. Чем больше она об этом думала, тем отчетливее ей представлялось, как она первая останавливается, зовет на помощь, перекрывает движение, делает все, что положено делать.

Наверно, уже третий час. Ноги сводило от на-

пряжения. Лу боялась пошевелиться. Как бы она хотела быть этой ночью одна. Вот уже три месяца, как Ивон переехал к ней, но она так и не смогла привыкнуть к этому. Нет, она не жалела о том, что дала ему ключи.

Она жалела о том, что все произошло — так, как произошло. Вернее, о тех месяцах, когда этого еще не произошло. Мне нравилось звонить ему: пообедаешь со мной? Или когда он мне звонил: пообедаем вместе? Хотя мы и так обедали вместе каждый день. Теперь это даже не обсуждалось, уславливаться было не о чем: все уже решено. Мы обедаем вместе каждый день, спим вместе, завтракаем вместе. А утром мне так хочется побыть одной.

Она только повернула руль, неужели от этого автомобиль может вынести с дороги? Секундное столкновение — и машина становится неуправляемой, ее бросает влево, вправо, а водитель уже ничего не может сделать. И столкновение-то ничтожное, всего лишь стоп-сигнал, царапина…

Впрочем, Лу даже не была уверена, что повернула руль влево. Может, все было наоборот, может быть, она повернула руль вправо, чтобы пропустить летящую на огромной скорости машину.

В результате ее задний фонарь оказался на пути

этой машины.

И потом, она не была уверена в том, что вообще повернула руль. Ее подбросило, она запомнила какое-то движение своих рук на руле. Какое-то короткое движение, рывок — разве так поворачивают руль?

Ей хотелось кричать: я ничего не сделала! Я ехала домой, со скоростью пятьдесят километров в час, и что же — теперь, два часа спустя, я не могу спать, в голове мелькают чудовищные картины, ломит все тело. Я не сделала ничего плохого, только подскочила на сиденье — это ведь не преступление. На меня летели со всей скоростью, в меня чуть не врезались. Это мне следовало бы жаловаться.

В три часа она встала и выпила могадон. Она не собиралась прислушиваться всю ночь, не позвонят ли в дверь жандармы. Придут так придут, главное сейчас — уснуть.

Она зажгла лампу на кухне. В этот час она уже не боялась разбудить Ивона. Если он спросит, в чем дело, она скажет ему правду, что не могла заснуть и что передумала насчет завтрашнего дня. Вырвав листок бумаги из блокнота, она написала: "Три часа утра. Не могу сомкнуть глаз. Печеночный приступ или что-то в этом роде.

Постараюсь отоспаться утром. Извини, что не поеду с тобой в Ле-Мюро". И приклеила листок кусочком скотча на зеркало над умывальником.

К счастью, завтра, в воскресенье, у них серьезная тренировка, чуть ли не соревнование с такими же фанатами, помешанными на гонках. Ивон не предложил Лу подняться на борт, она должна была присутствовать просто как зрительница.

*

Вставая с постели, он разбудил ее. Очнувшись после глубокого сна, Лу лежала с закрытыми глазами, притворяясь, что спит. Ему, как и ей, нравилось вставать одному, он пил кофе, брился, а потом приходил будить ее. Но сегодня он тихо закрыл дверь спальни.

Чуть позже она услышала, что он уходит, вызывает лифт. Внизу, под окнами, завелась машина — конечно, машина Ренана.

Лу не удалось снова заснуть. Есть ли надежда, что ее не найдут? Страх уже не так сковывал ее, как ночью, несколькими часами раньше. Скорей всего, по осколкам заднего фонаря можно установить марку машины. И то не факт. Как они могут знать наверняка? Разве у всех машин не более

или менее одинаковые задние фонари? В любом случае одно дело — установить марку и совсем другое — найти саму машину, причастную к аварии. Нет, главное не в этом, главное — успел ли кто-нибудь записать номер "фиата". Если да, то у нее нет и дня — еще до вечера к ней явится полиция. Какого там дня — и двух часов нет. Вопрос надо поставить по-другому. Какова вероятность того, что заметили ее номер? В полночь, в тоннеле. Где не было пешеходов, очевидцев происшествия, которые могли бы записать номер беглеца.

Радар, все дело в нем. Если там в углу был радар и фиксировал проезжавшие машины — она влипла.

Ночной страх понемногу рассеялся. Если ее найдут, она все расскажет как есть: что ее охватила паника, потому она и сбежала, но, кроме этого, ей не в чем себя упрекнуть; она как раз собиралась пойти в ближайший комиссариат, чтобы сообщить о случившемся.

С тяжелой головой она встала и распахнула окна. Погода была чудесная. Августовское воскресенье. Тридцать первое августа.

На ночном столике Ивона остался номер "Парусов", раскрытый на статье "Как установить

спинакер на выносном бушприте". На полу, перед дверью в спальню, лежала записка: "Спи, моя Лу, выспись как следует. Поправляйся. Вернусь после полудня".

Лу прижала записку к щеке. И все же порадовалась тому, что может спокойно собраться с мыслями.

Ей впервые пришло в голову, что, в сущности, проще всего было бы пойти в полицию. Как-нибудь вывернуться: "Я была потрясена, растерялась, иногда трудно понять, почему ты поступаешь так, а не иначе; вернувшись домой, я рухнула в постель, только сейчас начинаю приходить в себя".

Она пустила холодную воду, включила маленький приемник, который днем и ночью стоял на полке в ванной, и промыла глаза.

...О том, что ее брак с принцем Чарльзом фактически распался, стало известно в 1992 году, — говорил диктор. — *Решение о расторжении брака было вынесено в августе девяносто шестого. Всем памятны последние фотографии принцессы на яхте ее друга, миллиардера Доди аль-Файеда.*

Лу выпрямилась и вытерла лицо. *Трагический финал печальной истории,* — говорил голос по

радио. Лу не шевелилась. — *Восемь сорок пять. Специальный выпуск. Сегодня ночью в Париже погибла в автокатастрофе принцесса Диана. Чуть позже полуночи "мерседес", в котором находились принцесса Диана и ее друг Доди аль-Файед, врезался в опору тоннеля под мостом Альма. Подробности в репортаже Жан-Ива Арбеля.*

Совершенно верно, — продолжил Жан-Ив Арбель, — *вскоре после полуночи, точнее, в ноль часов двадцать минут автомобиль принцессы Дианы по неизвестным причинам потерял управление и на огромной скорости врезался в опору тоннеля. В машине находились французский водитель Анри Поль, принцесса Уэльская, ее друг, египетский миллионер Эмад, известный также как Доди аль-Файед, и их телохранитель Тревор Рис-Джонс. Доди аль-Файед и Анри Поль погибли на месте. Врачи оказались бессильны спасти принцессу Диану, она скончалась четыре часа спустя. Телохранитель — единственный, кто остался в живых, — госпитализирован в тяжелом состоянии. Вернемся к событиям этой ночи…*

Водитель и три пассажира, повторяла Лу. Трое погибших и один серьезно ранен. Двое умерли мгновенно. Принцесса — через четыре часа.

…Не успела машина выехать со стоянки отеля

“Ритц", — вещало радио, — *как пассажиров узнали, и пять или шесть папарацци устремились за автомобилем на мотоциклах. Так началась эта гонка преследования. На площади Согласия фотографы поравнялись с "мерседесом".*

Продолжая путь по набережной на правом берегу Сены, машина прибавила скорость. По предварительным данным, она шла на скорости не меньше ста сорока километров в час.

После километровой гонки "мерседес" достиг тоннеля под мостом Альма. Похоже, водитель слишком поздно заметил впереди автомобиль, который медленно въезжал в тоннель. Напомним, что на этом участке скоростной магистрали максимальная разрешенная скорость — пятьдесят километров в час. Вероятно, водитель "мерседеса" потерял управление, пытаясь объехать машину-помеху. По свидетельствам некоторых очевидцев, "мерседес" даже задел эту машину, после чего резко вывернул влево и врезался в столб...

Машина-помеха. Лу впервые слышала это выражение. Они не говорят, какая машина. Не сообщают ни цвет, ни марку.

...Очевидцев потрясло, с каким остервенением фотографы снимали происходящее. Около десят-

ка автомобилистов находились в этот момент в тоннеле, и по их свидетельствам...

Около десятка автомобилистов, вслушивалась Лу. Там было около десятка автомобилистов.

Спасатели прежде всего извлекли из разбитого автомобиля тело принцессы. Врачи "скорой помощи" обнаружили черепно-мозговую травму, многочисленные раны и переломы, в том числе вдавленный перелом грудной клетки, — предполагают, что именно эта травма послужила причиной смерти леди Дай.

Дай, отметила Лу. Он говорит "Дайана", "леди Дай". В ресторанчике у Анжелы говорили "леди Ди", "Диана".

...Повреждение грудной клетки вызвало сильнейшее внутреннее кровоизлияние, — продолжало радио.

Лу посмотрела в зеркало. Под футболкой, в которой она спала по ночам, она видела собственную грудь, острые кончики сосков, выступающие из-под белой бумажной ткани. Видела широкие плечи, прекрасные круглые груди, красиво посаженные, эту грудную клетку, которая, казалось, готова к любым испытаниям, а на самом деле не прочнее спичечного домика. Она не поднимала взгляд выше, она не могла вынести вида ни ли-

ца, ни глаз. Разбитое лицо, белые глаза. Волосы, слипшиеся от крови.

…Министра внутренних дел и префекта полиции, — говорило радио. — *Сегодня рано утром президент Ширак и его супруга воздали принцессе последние почести в больнице Питье-Сальпетриер, сразу вслед за ними прибыл премьер-министр господин Жоспен…*

Лу сняла с полки транзистор и вернулась в спальню. Она закрыла окна и легла в кровать, не выключая радио.

…Сегодня не утихают обвинения в адрес фотографов-папарацци. Их считают непосредственными виновниками аварии. В самом деле, водитель был вынужден мчаться на бешеной скорости, подвергая опасности жизнь пассажиров, ради того чтобы избавиться от назойливых фотографов — этих ненасытных папарацци, которые изо дня в день преследовали леди Ди и, как не раз говорила она сама, отравляли ей жизнь.

Осы, осиное гнездо. Лу выходит из комиссариата, их там целая сотня, и все липнут к ней — жадные, настырные. Вспышки огромных фотокамер, буря света. Лу пытается спрятать лицо.

…Когда принцесса занималась на тренажерах в спортивном клубе, в арендованном для нее гим-

настическом зале. Фотограф установил камеру на тренажере, при содействии…

Лу закрывает лицо левой рукой. Ее правую руку полицейский заломил за спину. Но фотограф отводит ее руку, все вспышки щелкают разом, она кричит…

…К другим событиям в мире. В Алжире…

Лу выключила звук. О полиции не может быть и речи. Она плохо представляет себе, что делать дальше, но в полицию она не пойдет. Нужно бежать, это ясно. Ускользнуть от этих стервятников папарацци, прежде чем они возьмут ее след.

Она резко перевернулась на живот и спрятала голову под подушку. Уехать — это прекрасно, но куда? Она могла бы поехать к матери, в Ла-Сьоту, но эта клуша захочет объяснений, будет без конца спрашивать: "А что Ивон? Он плохо с тобой обращался? Нет? А в чем же дело?.. А твоя работа, что ты решила насчет работы?.."

С Эмили будет еще хуже: "Мне-то можно сказать правду. Ты же знаешь, мне можно доверять…"

Нет. Не надо ни к кому ехать. Как только они определят марку машины-помехи, они установят имя владельца и в два счета отыщут Лу, если та отправится к матери или к единственной подруге. Если уезжать, то в никуда, раствориться в

воздухе, изменить жизнь. Воскресенье, последний день месяца: скорее всего, на счету у нее ничего не осталось. Она могла бы получить какие-то гроши в банкомате. Тем лучше, она просто уедет и потом уже разберется, как быть.

Она уедет, иначе говоря, не станет чинить "фиат". И все улики будут налицо — вот они, в гараже. За невозможностью найти Лу, найдут ее машину, получат необходимые доказательства и узнают, кто был за рулем в двадцать минут первого на въезде в тоннель.

И раньше всех узнает Ивон, он первым увидит повреждения "фиата". Это случится сегодня же вечером или завтра, в понедельник. Лу исчезнет, Ивон начнет беспокоиться. Он спустится в гараж, рассмотрит "фиат" и все поймет. Из самых лучших побуждений он тут же сообщит куда следует.

Как быть? Не бросать же машину где-нибудь в чистом поле.

Она снова перевернулась в кровати. Открыла глаза. Куда безопаснее отремонтировать "фиат", а потом бежать.

Начнем сначала. Если радар сфотографировал номерной знак, я об этом узнаю через день. По идее, я бы уже сейчас это знала. Фото проявляется

мгновенно. К этому времени негативы давно проявлены, все, что засняли радары в районе моста Альма, изучено под лупой. Ну вот. Подожду до завтра. Если завтра утром полиция за мной не придет, значит, номера у них нет. Нет ни фотографии, ни свидетеля. Даже если дознаются, на это уйдет несколько дней. У меня хватит времени отремонтировать "фиат". Если он будет как новенький, можно что-нибудь наплести: "Я вернулась домой в полночь, ехала другой дорогой, вовсе не через тоннель Альма..."

А вдруг зазвонит телефон? Лу бросило в пот, она скомкала простыню в ногах. Если зазвонит телефон, я не буду снимать трубку. Меня нет. Никого нет дома.

Да нет же, надо сделать как раз наоборот. Предположим, меня не могут застать по телефону: они придут за мной прямо домой. Откройте! Полиция... Я окажусь в ловушке. Нужно снимать трубку. По крайней мере, я буду знать, кто звонит, действительно ли это полиция, на самом ли деле меня засекли. Сбежать и тогда не поздно, сразу после звонка.

Она снова включила радио. Анри Поль не был постоянным шофером Доди, он работал в "Ритце"; "мерседес" был взят напрокат; постоянный

водитель уехал первым, совершая обманный маневр. Телохранитель госпитализирован в тяжелом состоянии и не может говорить. Отделение сердечно-сосудистой хирургии больницы Питье-Сальпетриер — одно из лучших в Европе. Семь фотографов из агентств задержаны на месте происшествия и помещены в камеру предварительного заключения до выяснения обстоятельств. Королевская семья находится в это воскресенье в своем замке Балморал, в Шотландии. Королева "потрясена". Приезд в Париж принца Чарльза ожидается в ближайшие часы.

В половине одиннадцатого Лу встала и выпила полчашки молока. Хотелось есть и тошнило. Квартира была затоплена солнечным светом. Она сползла на плиточный пол кухни, скрючилась, обхватив колени руками. Она не собиралась сдаваться. Что-то нужно придумать. Их ничто не остановит, этих торговцев ворованными картинками, они фотографируют вас, когда вы лежите в кровати, когда принимаете ванну, когда стоите в нижнем белье в примерочной, они купят ваших коллег, и те подтвердят, что вы и впрямь очень странная девушка. Мари-Но не замедлит добавить: она-то уже давно поняла, что вас просто выводят из себя худенькие блондинки, вы же

кругленькая брюнетка… Вашу матушку они тоже найдут — нехитрое дело, — и что она скажет, эта сорока? Что до двенадцати-тринадцати лет вы были прелестным ребенком, нежным, послушным, доверчивым, но потом — откуда что взялось: скрытная, замкнутая… Матушка будет говорить без умолку, раз уж в кои-то веки ее слушают: "А еще — не надо записывать, это я так, чтобы вы поняли, — однажды мне позвонили из больницы в Марселе, попросили приехать за ней. Меня как обухом ударило, прибегаю, а она вся бледная, еле стоит на ногах. И что же, вы не поверите, она так и не рассказала мне, — мне, своей матери! — что с ней случилось, как она попала в эту больницу".

Ад. Твои маленькие тайны выставлены напоказ, как барахло на базаре, — копайся всякий кому не лень. И ты тоже выставлена напоказ — полураздетая, не знающая, куда девать руки, толстая и белая от страха.

И это не просто тяжелое время, вопрос трех-четырех месяцев. Это на всю жизнь. Все рухнет, ничто не будет как прежде. От такого клейма не избавишься до конца дней. Сколько ни проживи, ты всегда будешь той, из-за кого погибла принцесса Диана. Врач, булочник, муж, мои еще не рожденные дети — им непременно и с удо-

вольствием расскажут, кто их мать, — все будут показывать на меня, тыкать пальцем: это из-за нее погибла леди Ди, это она спровоцировала аварию и преспокойно уехала.

Лу не позволит общественным обвинителям поймать ее в ловушку. Она не дастся.

Нужно продержаться еще сутки. Она встала, приняла две таблетки могадона и снова легла. Через двадцать четыре часа все станет по-другому. Внизу, в гараже, никакой машины. И меня самой уже не будет в этом доме. Что такое двадцать четыре часа? Двадцать четыре раза по часу?..

Ее разбудил голос Ивона: "Ты спишь?" Бодрый голос Ивона и запах регаты, запах воды и мокрой ткани.

— Меня тошнит, — простонала Лу, не открывая глаз.

Ивон уже уселся, плюхнулся своими восемьюдесятью килограммами на кровать.

— Ты думаешь, это печеночный приступ?

— Мммммм, — протянула Лу как можно слабее.

Ивон положил руку ей на шею.

— У нас Ренан, — сказал он. — Я пообещал ему жаркое с фасолью. Мы пришли четвертыми, ужасно хотим есть. Кстати, слыхала про принцессу?

— Какую принцессу? — спросила Лу.

— Ну, ты даешь! — удивился Ивон. — Диану.

Он говорил на французский манер — Диану. Лу переспросила, произнеся ее имя так же, как он:

— Что Диана?

— Ты не знаешь? — воскликнул молодой человек. — Невероятно, ты как с луны свалилась. Она умерла этой ночью, погибла в автокатастрофе. В доке только об этом и говорили.

Лу почувствовала, как выпрямился матрас — Ивон встал.

— Не буду мешать тебе, моя Лу, — снова заговорил он, — похоже, тебе от этого ни холодно ни жарко.

И с ноткой изумления добавил:

— Скажи, что здесь делает радио?

Лу приоткрыла глаза.

— Где? — спросила она. — Это не ты принес его сюда? Оно, должно быть, попалось тебе под руку, когда ты входил?

— Радио-которое-нельзя-никуда-выносить-из-ванной? — возмутился Ивон. — Никогда бы я этого не сделал, я выучил это правило. Поэтому пойду поскорее верну его на место. Давай засыпай, Лулу.

Хоть бы он ушел, подумала Лу. Хоть бы они

оба ушли. Хоть бы они никогда и не приходили. Хоть бы сейчас было двадцатое, двадцать пятое августа…

До нее донесся густой запах жареной грудинки и смех молодых людей. Похоже, их тоже не слишком потрясло случившееся. Что они собираются делать, когда поедят? Ренан вернется к Мари, а Ивон придет вздремнуть после обеда. Я сплю. Я сплю до завтра.

Но всякий раз, как ей удавалось успокоиться, подумать о деревьях, об июньской свадьбе, когда дети разбрасывали цветы, всякий раз, как ее клонило ко сну, возникала эта черная машина, неслась как ураган, и снова Лу побрасывало на сиденье, руки вскидывались и судорожно хватались за руль, сердце чуть не выскакивало из груди, и приходилось открывать глаза и повторять, выговаривая губами каждое слово: корабли на стене, потолок, комната, голубая рама, которую надо перекрасить, кровать, моя кровать…

Входная дверь открылась и закрылась. Ренан, сказала себе Лу, вытягиваясь на спине, чтобы можно было долго не менять положения, если Ивон уляжется рядом с ней.

Она слышала, как тронулась машина Ренана и поехала по тихой улице.

И еще она услышала тарахтенье "ямахи" у дверей гаража, мотоцикл взревел и умчался, звук растаял где-то вдали.

Ее первой мыслью было спуститься в гараж и посмотреть... Посмотреть на что? Она села на край кровати, втянув голову в плечи.

Ивон ставит мотоцикл у правой стены гаража. Не было случая, чтобы эта навороченная махина стояла слева.

Мотоцикл он выводит задом, может, он обернулся и посмотрел на "фиат"? Да нет, он наверняка смотрел в другую сторону, на свой байк, или назад, на стену, чтобы ее не задеть. Он вышел из гаража, развернул мотоцикл и оседлал его. Ворота закрываются автоматически. Зачем ему оборачиваться?

Как бы там ни было, ничего уже не изменишь. Если он увидел разбитый вдребезги стоп-сигнал, это конец. Минут пять Лу кружила по квартире. Телевизор, казалось ей, раздувался от злобы. Она отвернулась от него. Стоит ему включиться, стоит его включить, она увидит себя — как она выходит из Дворца правосудия, загораживая локтем лицо, но ее все равно узнают...

Она начала набирать себе ванну. Радио — совсем другое. Оно не враждебное. Радио вас *не*

показывает. И мне нельзя его не слушать, нельзя пропустить, как там объявляют марку машины-помехи, ее цвет и результаты расследования, которые позволят эту машину найти.

Ивон вернулся под вечер.

— Ты встала? — спросил он. — Тебе лучше?

Он говорит не как всегда, тотчас же отметила Лу. Она сидела на диване, в ночной футболке, и не поднялась ему навстречу.

— Ноги меня не держат, — сказала она. — Куда ты ездил?

— К лодке, — сказал Ивон, сбросив к ногам свой непромокаемый плащ, два мешка и сумку с инструментами. — Сегодня утром Ренан почувствовал, что шверт слишком свободно ходит в колодце, и я решил пригнать его плотнее. На воде никого, что редкость для воскресенья. Похоже, вся страна сидит перед телевизором.

— Из-за того, что случилось ночью? — спросила Лу, как спросила бы девушка, которой вообще-то все равно, но не хочется показаться невежливой. — Ты думаешь, это кого-нибудь волнует?

— Еще бы, — ответил Ивон.

Он слишком внимательно смотрит на меня, решила Лу. Он какой-то странный.

— Что-то не так? — спросил Ивон. — Ты какая-

то странная.

— Голова кружится, — пробормотала Лу, — пойду лягу.

Ивон смотрел, как она укладывалась. Прямо врач, подумала Лу.

— Что ты такого могла съесть, что тебе так плохо? — спросил Ивон.

— Не знаю, — сказала Лу. — Вчера вечером, когда я вернулась, мне дико хотелось есть, и я съела паштет из кролика, может, дело в нем.

Ивон нахмурился.

— Паштет из стеклянной банки? — медленно произнес он. — Но я доел его в обед. Я был один, я очень хорошо это помню, я еще подумал, не оставить ли банку, чтобы складывать туда скобы или крючки. В конце концов я ее выкинул.

— Наверно, я что-то путаю, — сказала Лу, закрывая глаза.

На этот раз он явно что-то заподозрил. Он что-то заметил, он следит за мной.

За ширмой Ивон включил телевизор. Лу спрятала голову под двумя подушками. Авария произошла уже двадцать часов тому назад. Разумно предположить, что у следователей нет номера "фиата". Может, они узнали, что это "фиат"? Сомнительно. Но пусть даже узнали. Когда

свидетели в один голос скажут: маленький белый "фиат", останется еще выяснить, какой именно. Этой ночью Луизе Ориган нечего опасаться.

Мне нужно только одно, твердила себе Лу, — продержаться. Продержаться до завтрашнего утра. А завтра посмотрим. Ивона не будет дома. Я не стану сидеть сложа руки, я пойду в банк и посмотрю, сколько там у меня. Найду механика.

Ивон лег спать час спустя, может, два. Лу не пошевельнулась. Он скользнул к ней, не делая лишних движений. Видимо, не хотел ее будить.

Лу прислушивалась к его дыханию, дожидаясь, когда оно перейдет в мерное посапывание. Но Ивон и не думал спать. Раньше, стоило ему коснуться головой подушки, он мгновенно проваливался в сон, но сегодня ему не спалось. По его дыханию Лу пыталась понять, какие подозрения и догадки засели у него в голове.

Он знает, подумала она. Он знает, что я знаю, что он знает. Он знает, что я делаю вид, что сплю, и что я знаю, что он не спит. Он ждет, что я заговорю.

Может ждать сколько угодно, все равно не услышит ни слова. Она вытянулась в струнку, пытаясь расслабиться, как вдруг у нее засосало под ложечкой. Она вспомнила, что целый день

ничего не ела. Прочь мысли о еде, иначе спазмы усилятся, вдобавок начнет урчать в животе.

И мысль ее, словно отпущенная пружина, вернулась к той, о ком она старалась не думать вот уже столько часов, к той белокурой красавице, к знаменитой блондинке, которая лежит неподвижно, а вокруг нее — родственники, врачи, официальные лица Франции и Англии, фотографы со всего света, радиостанции, телеканалы, зеваки, соглядатаи и скорбящие, — к мертвой принцессе, ставшей сегодня центром вселенной.

Изувеченное тело приводили в порядок всю ночь, готовили к последнему появлению на публике. Лу много читала об этих технологиях, она чувствовала, как пальцы профессионалов касаются ее тела, выпрямляют кости и хрящи, заново облепляют их мясом, стягивают щипцами лоскутья кожи, сшивают и скалывают тонкими иголками, покрывают и разглаживают лицо воском, чтобы придать ему умиротворенный и чудовищно неузнаваемый вид.

Ивон наконец заснул. Как раз вовремя, Лу уже мутило от голода. Нужно хоть что-то перехватить.

На цыпочках она пробралась на кухню, открыла холодильник и, стоя в полоске зеленого света,

проглотила одинаково безвкусные остатки риса и кусок швейцарского сыра.

Когда она вернулась в спальню и собралась улечься, Ивон, ничего не говоря, обнял ее. У нее хлынули слезы.

— В чем дело? — еле слышно спросил он.

Лу всхлипывала, Ивон принялся ее успокаивать:

— Тебе лучше. Раз хочется есть, значит, ты выздоравливаешь.

Да, сказала Лу. Ей ужасно хотелось, чтобы он поцеловал ее за ухом и в шею, но она перевернула его на спину, чтобы прильнуть губами к губам.

*

— Ты что-то рано уходишь сегодня, — заметил Ивон. Он сидел на своем стуле и пил кофе, обхватив руками чашку.

Он был еще в пижаме. Лу уже успела натянуть маленький черный топик, красные полотняные "корсары", на ходу проглотила кофе.

— Это только сегодня, — ответила она. — Я начинаю как обычно, просто мы встречаемся с Анжелой у "Конфорамы" на Новом мосту, нам надо прийти к самому открытию, купить шесть плетеных кресел для террасы; на двух машинах

мы сможем все увезти.

Она подошла сзади к Ивону, наклонилась и через плечо легко поцеловала его в уголок губ.

— Вечером я свободна, — добавила она. — Вернусь к половине восьмого.

Ивон продолжал разглядывать ее:

— Что-то ты бледненькая. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Да, — сказала Лу, — все прошло.

Она схватила свою сумку и махнула на прощание рукой. Улыбайся, приказывала она себе, — и улыбалась.

На лестнице она вздохнула свободней. Это внимание, забота, пристальный взгляд... Еще немного, и она бы не выдержала.

Спустившись в гараж, она сразу же взглянула на поцарапанный кузов и осколки стоп-сигнала с какой-то дурацкой надеждой, что они окажутся целехоньки. Но чуда не произошло, кошмар был вполне реален. Лу вывела "фиат" задним ходом, развернулась, как она делала каждый день, чтобы выехать сначала на улицу Сабль, а потом на улицу Марэ в направлении авеню Генерала Леклерка, Севрского моста и Парижа.

Оказавшись на улице Марэ, где Ивон уже не мог ее видеть, она повернула в противоположную

сторону — к Версалю.

Через пятнадцать километров, миновав Поршфонтен и Версаль, она обогнула замок и выехала на дорогу в Сен-Сир. Погода стояла великолепная. Лу вспомнила, что всякий раз, когда она ходила на похороны, тоже стояла великолепная погода.

Она припарковала машину в центре Сен-Сира, возле красивых старинных зданий. Наверно, монастырь, — предположила она и быстро зашагала вперед. Ее переполняло такое ощущение свободы, что хотелось бежать. Но сейчас не стоило привлекать внимание; она замедлила шаг.

Метров через двадцать она обнаружила отделение Парижского национального банка с банкоматом, достала кредитку и решила попытать счастья. В тысяче франков ей было отказано. Она попробовала запросить триста. Запрос принят. Никогда не пойму, как он считает максимально возможный запрос. Попробую еще раз сегодня днем.

Вроде бы никто не следил за ней. Естественно, сказала она про себя. Кому это надо следить за мной? Однако она прекрасно знала кому. Среди гущи прохожих на улице Жана Жореса она боялась увидеть Ивона.

Впрочем, она заглядывалась на прохожих, как

будто никогда не видела снующей толпы. Она чувствовала себя так, словно между ней и ими была пропасть. Наверно, так смотришь на других, когда знаешь, что у тебя рак, а никому это и в голову не приходит, подумала она.

Ее раздразнил запах теплого хлеба из булочной перед монастырем, ноги сами понесли ее к дверям. Она купила два круассана и, едва сдерживая желание проглотить их тут же на месте, спросила продавщицу насчет автомастерских в Сен-Сире.

— Автомастерские? — с идиотским видом переспросила девушка.

— Где автомеханики работают, для машин, — сказала Лу, которой эти слова обжигали губы.

— Мадам Одуэн! — крикнула девушка в дверь за спиной. — Тут интересуются ремонтом машин.

Лу захотелось сбежать, но мадам Одуэн уже вышла к ней и взяла все в свои руки.

— Вам нужна автомастерская? — повторила она. — Чтобы починить машину?

— Нет, не для того чтобы чинить, — ответила Лу, — но да, автомастерская.

— Какая у вас машина? — громко спросила дама и продолжила, не дожидаясь ответа: — Мастерские "Рено" на авеню Дивизьон-Леклерк, "Ситроен" подальше, на улице Пьера Кюри, все

зависит от того, какая у вас машина…

— "Рено", прекрасно, — быстро сказала Лу, — спасибо, большое спасибо.

— Не забудьте ваши круассаны, — напомнила продавщица.

— Спасибо, — повторила Лу.

Она бросилась прочь и метров пятьдесят почти пробежала. Эти две гренадерши орали так, что их, наверно, было слышно на улице. Еще легко отделалась. Я чуть было не проболталась про "фиат", чуть было не сказала, что мне нужно починить "фиат". Все, хватит расспросов. Надо найти почту и телефонные справочники.

— Почта есть на улице Гамбетта, на другом конце Сен-Сира, — объяснила ей загорелая, экстравагантно одетая блондинка.

Сознавать, что ты сама по себе, отдельно ото всех, да еще когда никто об этом не догадывается, значит быть одинокой вдвойне, отметила Лу. Такое испытываешь, когда вдруг оказываешься в каком-то непривычном месте, когда вынужден скрываться. Или когда рвешь с жизнью, которую больше не можешь выносить, когда расстаешься со своей сущностью. Если я пущусь в бега, моя жизнь будет именно такой.

Листая телефонный справочник и наспех загла-

тывая свои круассаны, она нашла шесть адресов авторемонта. Она снова вышла из машины и купила в киоске рядом с булочной "Либерасьон", "Фигаро" и карту Сен-Сира.

Вернувшись в машину, она сразу же заперла обе дверцы, не переставая насмехаться над собой: какая глупость, чем тебе это поможет? У нее не хватало духу открыть газеты. Потом, потом, повторяла она, а пока искала и отмечала на карте местонахождение мастерских. Единственная, которая не занималась конкретными марками — "Павийон, ремонт всех автомобилей", — находилась на самой окраине. Сразу две причины, чтобы выбрать именно ее, решила Лу.

Расположенная у восточного выезда из Сен-Сира, над железнодорожными путями, это была старая автомастерская широкого профиля, с цементным полом, грязью всевозможных цветов и непроницаемыми стеклами, за которыми, как водится, скрывалась заваленная бумажным хламом контора.

В конторе никого не было, однако следом за Лу вошел большой и мрачный мужчина лет шестидесяти.

— Что нужно? — спросил он с сильным русским или хорватским акцентом.

— Надо кое-что подправить в двух местах, ничего серьезного, — объяснила Лу. — Посмотрите?

Она повела его к "фиату", холодея при мысли о том, что произойдет через минуту.

— Это случилось сегодня ночью, — уточнила она. — Я оставила машину на своей улице, в спокойном месте, и вот пожалуйста. И никакой визитной карточки, как вы догадываетесь.

— Я и хуже видел, — заметил человек, который, как показалось Лу, был хозяином мастерской.

— Не сомневаюсь, — тут же поддакнула она.

— Ну, хорошо, — сказал русохорват, — сделаем к среде.

Лу не смогла скрыть разочарования.

— А сегодня никак нельзя?

— Не получится, — сказал хозяин мастерской. — Задний фонарь — это ерунда, фонарь к "фиату-уно" мы для вас найдем сегодня в магазине бэушных запчастей в Маньи. Вам ведь не обязательно нужен новый фонарь?

— Нет, — ответила Лу. — Чем дешевле, тем лучше.

— Задний фонарь я вам поменяю к вечеру, — продолжил хозяин мастерской. — Но что касается покраски, на это уйдет два дня, если вы хотите, чтобы мы положили краску как следует, в два

слоя.

— Но мне необходима машина, чтобы ездить на работу, — сказала Лу.

— Это не проблема, — сказал хозяин. Он может выдать Лу другую машину на время ремонта. — Это будет не "мерседес", — предупредил он.

Лу почувствовала, как кровь отлила от ее лица. Он показал малолитражную модель "рено" серо-голубого цвета, в хорошем состоянии.

— Вам не очень далеко ехать до работы? — спросил он.

— Нет, — сказала Лу, восхищенная этим предложением — тут же получить другую машину.

— Можете забрать "фиат" завтра вечером, — сказал хозяин.

— Лучше я приеду за ним в среду, рано утром, — ответила Лу и безнадежно фальшиво, несмотря на то что эту фразу она репетировала про себя сто раз, добавила: — Черт! Я вдруг подумала, что, наверно, не взяла с собой техпаспорт.

— Ничего страшного, — сказал хозяин. — Кстати, неплохо проверить, лежит ли в бардачке техпаспорт от "рено". Пойдемте, я запишу вашу фамилию и номер телефона.

В конторе Лу продиктовала номер телефона Анжелы.

— Это ресторан, где я работаю, — сказала она. — Там меня проще застать, чем дома.

— Имя, фамилия? — спросил хозяин.

— Луиза Леруа, — сказала Лу, как она решила еще накануне. — Леруа, — повторила она. — Спросите Луизу, я там одна.

Она уезжала от автомастерской все дальше и дальше, мадемуазель Леруа за рулем своего голубого "рено", и физически чувствовала, какая гора свалилась с ее плеч. Лу наконец вздохнула полной грудью, впервые за целые сутки.

Она ехала минут десять, повернула к Поршфонтену и остановилась, чтобы собраться с мыслями, в одной из боковых аллей основной дороги, что вела к замку, рядом с двумя павильонами, обозначавшими въезд в Версаль. В принципе, она могла бы пойти на работу. Но предпочла провести день так, как решила прошлой ночью, — разузнать про аварию, послушать, что говорят о машине-помехе, и быть наготове, если придется уносить ноги.

Она вышла, поискала глазами телефон-автомат, заметила кабинку на обочине дороги и набрала номер ресторана.

— Анжела? — слабым голосом произнесла она. — Анжела, я заболела. Не знаю, что я такого могла съесть… Нет, конечно, не у вас. У себя дома,

вчера, думаю, это яйца-кокот…

А теперь газеты. На этой боковой аллее Лу чувствовала себя куда лучше, чем в своей маленькой квартирке. Тут она и прочтет газеты, в чудесном стареньком "рено", где ее никто не сможет найти.

"Либерасьон" посвятила аварии десять страниц, "Фигаро" — четыре.

Лу принялась сперва за "Либерасьон". Вначале она наспех пролистала страницы, пытаясь выудить все, что касается машины-помехи. "Lady Dies" — гласила шапка. Лу пробежала глазами по очереди все десять страниц и не нашла ни "машины-помехи", ни "автомобиля, ехавшего со скоростью пятьдесят километров в час". Какая же я дура, подумала она. Просмотрела помедленней газетные колонки и все равно ничего не нашла. Действующие лица трагедии — принцесса, королевская семья, папарацци, доктора — интересовали "Либерасьон" несравненно больше, чем виражи "мерседеса".

Про саму аварию писали только на второй странице. Лу медленно перечитала все колонки от первого до последнего слова. Внизу прилагался план развязки у площади Альма, со стрелками в две стороны и черным крестиком посередине; под

рисунком текст, в котором предлагалась такая версия: "Мерседес" движется на большой скорости. Дорога идет вниз и поворачивает налево, потом чуть направо, около тридцати цементных столбов разделяют четыре ряда на две полосы. На полном ходу "мерседес" врезается в тринадцатый столб, и разбитую вдребезги машину выносит на середину тоннеля".

Лу перечитала и то, что было выше. Она не верила своим глазам, но в статье ничего не говорилось ни о машине, которая неторопливо въезжала в тоннель и преградила дорогу "мерседесу", ни о столкновении, ни об осколках заднего фонаря. Только скупые строчки: "Более десяти человек присутствовали при аварии, среди них пассажиры машины, следовавшей непосредственно перед автомобилем леди Ди".

На следующих страницах речь шла о папарацци, о принцессе и принце, о наследниках, о королеве, писали о всеобщей скорби, о "снимках, сделанных на месте аварии, ценой в миллион долларов".

И ни слова о машине-помехе.

Лу перешла к "Фигаро". Обстоятельства аварии подробно разбирались на последней странице. На одной из фотографий большого формата был

изображен искореженный корпус "мерседеса", на другой — гроб принцессы, проплывающий между шеренгами почетного караула. В описании аварии те же подробности: "В середине тоннеля автомобиль потерял управление и на полном ходу врезался в тринадцатый столб, разделяющий встречные полосы. Столкновение было такой силы, что "мерседес" перевернулся, отлетел к правой стене тоннеля и лишь затем остановился посреди дороги; гудок замкнуло, сработали подушки безопасности".

И здесь ничего не было про медленно ехавшую машину.

Может быть, робко сказала себе Лу, может быть, решилась она предположить, за отсутствием доказательств и свидетельств они не станут искать среди возможных причин аварии машину-улитку на въезде в тоннель.

Но ведь о машине-помехе сказали уже наутро, сразу после аварии. Значит, должны быть если не доказательства, то хотя бы свидетельства.

В "рено" не было радио. Лу решила купить оставшиеся утренние газеты и вернуться домой, чтобы по радио следить за ходом расследования.

Возле одного из павильонов она нашла газетный киоск. Продавец посмотрел на нее и покачал

головой:

— Утренние газеты? Все закончились, ни одной не осталось. Вы знаете, что случилось в субботу вечером в Париже?.. Под мостом Альма?

Лу не хватило смелости ответить ни да, ни нет.

— Все как с ума посходили, — продолжал продавец, — наверно, дневные газеты удвоят тираж.

— В котором часу вы получаете дневные газеты? — спросила Лу.

Продавец не мог сказать точно.

— Обычно "Монд" приходит к трем, но если и там решат удвоить количество страниц, тогда мы получим его позже…

Было почти одиннадцать. Лу поехала в сторону Вирофле. Она побудет дома три-четыре часа, оставшиеся до выхода "Монд". Пора слушать радио.

Поднявшись на свой этаж, она опять почувствовала слабость в ногах. Причина была ей ясна. Она боялась, что Ивон остался дома, намереваясь уличить ее во лжи. Она приложила ухо и замерла у двери. Тишина. Не в его стиле было красться, как кошка, но этот хитрюга мог сидеть где-нибудь в кухне или в комнате и читать, поджидая ее.

"Только мы купили кресла на Новом мосту, — приготовилась Лу, — как меня снова начало

тошнить. Было полдесятого. Анжела — она ужасно милая — говорит мне: отправляйся домой и ложись в кровать. И знаешь, что произошло, когда я проезжала через перекресток, в конце Версальской улицы, у ворот Сен-Клу? Какой-то кретин подрезал меня... Слава богу, в двух шагах была мастерская, механик дал мне машину на время ремонта..."

Но в квартире было пусто. Пустая квартира, где наводил порядок молодой человек ровно за пятнадцать секунд, где остались крошки от завтрака на столе, чашки в раковине, неубранная кровать.

А если он вернется? — подумала Лу. Если вдруг откроется дверь и он спросит: "Что это за "рено" там внизу?" Спокойно, увещевала она себя, ты же все продумала. Я встретилась с Анжелой, не прошло получаса, как меня снова затошнило, и Анжела сказала: тебе не надо было являться на работу в таком состоянии, я поехала домой, и на перекрестке, прямо перед воротами Сен-Клу, какой-то кретин, пришлось менять правое крыло...

Она рухнула на тахту и заметила, что держит в руках "Либерасьон" и "Фигаро". Вот так всегда, пытаешься все предусмотреть и забываешь о какой-нибудь мелочи, которая тебя и погубит.

Смотри-ка, теперь ты заинтересовалась этой аварией? Ты же никогда не читаешь газет…

Она вздохнула. Если я услышу, как Ивон вставляет ключ, брошу газеты на диван, вот и все. Мне надо все-таки поверить в свои способности к экспромту, невозможно *все* просчитать.

Прямо перед ней стоял телевизор, Лу вдруг заметила, какой он огромный, в такой маленькой комнате. Она *не могла* его включить. Ей не давала покоя мысль, что она там увидит сенсацию, любительскую съемку, переданную прямо на Первый канал, и услышит захлебывающийся голос комментатора: "Смотрите внимательнее, не теряйте из виду маленький белый "фиат", вот он, заметили? Как ни в чем не бывало проезжает мимо. Вы сами прекрасно видели: авария произошла прямо перед носом водителя, а он не только не притормозил, но нажал на газ!"

Хватит, хватит. Никто не снимает ночью. К тому же в тоннеле недостаточно яркий свет.

А точно ли для съемки нужен свет? Лу ничего в этом не понимала. Может, новейшие камеры снимают и в самой непроглядной тьме — маленькие инфракрасные или ультрафиолетовые японские шедевры.

А потом, сенсация — это не обязательно съем-

ка. Это может быть просто свидетель. А теперь вы услышите того, кто *был там* и после серьезных раздумий счел своим долгом рассказать всем телезрителям о том, что видел. Лу тут же представила себе этого свидетеля. Он разочарован приемом, который оказала ему полиция: ни рекламы, ни денег... Ушлый тип, проныра. Мигом сообразил: если уж превращать свой рассказ в деньги, нельзя терять ни минуты, надо высказаться, прежде чем полиция подтвердит и обнародует его показания. Слушайте внимательно, эксклюзивное интервью господина Проныры, которое он дал Первому каналу...

Лу оставила газеты на диване и пошла в ванную за радиоприемником. Убавила громкость до минимума, чтобы с полоборота услышать скрежет ключа в замочной скважине, приложила приемник к уху, вернулась в комнату и вытянулась на тахте.

Она слушала "Франс-Инфо" около часа. Сообщали то же, что и вчера. О самой аварии говорили коротко, она перестала быть новостью. Большую часть времени занял репортаж собственного корреспондента в Лондоне. Накануне, в воскресенье вечером, в Лондон были привезены останки Дианы. Тысячи англичан пришли к Букингем-

скому и Кенсингтонскому дворцам с цветами и венками. Принц Чарльз вернулся в Балморал. В воскресенье вечером состоялись похороны Доди, церемония прошла в главной мечети Лондона. Сегодня, в понедельник, темой была ответственность папарацци за случившее. Все единодушно выступали против желтой прессы. Брат Дианы обвинял фотографов ни больше ни меньше в убийстве своей сестры. Семь фотографов-репортеров, задержанных ночью на месте происшествия до выяснения обстоятельств, по-прежнему находятся в камере предварительного заключения.

Лу выключила радио. У нее слипались глаза, и не только оттого, что ей хотелось спать, но от безумного желания хоть ненадолго забыть об этой истории. В спальне она завела будильник на четверть третьего и как была, не раздеваясь, улеглась на разобранную постель.

Когда прозвенел будильник, ей показалось, что она спала всего пять минут. Наверно, она заснула, едва коснувшись головой подушки. "Монд", вспомнила она. Настало время "Монд".

Она решила купить газету не в Вирофле, а где-нибудь в другом месте. Все эти поездки туда-сюда начинали ей надоедать. Ужасно утомительно оглядываться на каждом шагу — как бы не вы-

дать себя, обдумывать каждое действие, словно за тобой неотрывно наблюдает камера.

Она спустилась в гараж, вывела "рено" и за пять минут доехала до Шавиля. Ей не хотелось есть, но она остановилась на улице Салангро, заметив газетный киоск и два-три продуктовых магазина. Нужно что-то проглотить. Она не может вечером наброситься на еду — ведь она еще не совсем выздоровела, нельзя забывать об этом.

В мясной лавке она купила киш лоррен[1] и яблоко.

— Это закуска и десерт, — заметил продавец, — основное блюдо у нас сегодня — ветчина с чечевицей, я вам скажу…

— Нет, — перебила Лу, — мне хватит того, что я взяла.

— Если вы хотите что-нибудь более легкое, — настаивал продавец, — есть очень вкусная селедка с картошкой…

Взяв свой обед, Лу вернулась к "рено". Внутри стоял запах старой, нагретой на солнце машины; в отличие от новых машин, отдавало больше резиной, чем пластиком. Наверно, запах шел от резиновых сеток внутри кресел.

---

1 notes: 1

Киш лоррен — традиционный лотарингский пирог со шкварками и омлетом. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

Пирог был суховат. В жизни Лу случались обеды и повеселее, она отложила яблоко и вышла за "Монд".

У репортеров "Монд" времени было больше, чем у корреспондентов утренних газет, и они могли написать подробнее. Она мельком взглянула на газету, пока ждала сдачу. "Трагическая гибель принцессы Уэльской. Обстоятельства. Реакция в мире. Мнения об ответственности фотографов".

Лу захотелось отшвырнуть газету — хватит, она сыта по горло. Но она превозмогла себя и здесь же, в машине, прочла все шесть страниц, посвященных аварии. Она быстро проглядела статьи: "Сказочная свадьба", "Откровения, потрясшие Букингемский дворец", "Поцелуй за десять миллионов франков", и вернулась на вторую страницу, где подробно описывались обстоятельства аварии. "Погоня… Сразу после полуночи… Отвлекающий маневр… Уловка была раскрыта…" Ей казалось, что она в очередной раз смотрит фильм, который уже знает наизусть. Вандомская площадь, площадь Согласия, набережные… Начиная с набережных она стала читать медленнее, обращая внимание на каждое слово. "На бешеной скорости машина проехала около километра и оказалась у тоннеля Альма. Ей преградила путь

другая машина, соблюдавшая ограничение скорости (50 км в час), действующее на данном участке трассы Жоржа Помпиду. Пытаясь объехать этот автомобиль, водитель "мерседеса" не справился с управлением".

Чпок — Лу увидела, как расплылась по бумаге капелька пота. Это было написано, черным по белому, прямо посреди страницы: медленно ехавшая машина стала причиной аварии. Она вновь и вновь перечитывала этот абзац. "Монд" выразилась совершенно ясно: машина-помеха сыграла решающую роль.

Она откинула голову на спинку сиденья и заставила себя дышать глубоко. Еще не все потеряно. Собственно, газета повторяла то, что говорили вчера по радио. "Другая машина", "этот автомобиль", ничего более конкретного. Еще один день подходит к концу, скоро закончится еще один выигранный день для того, кто был за рулем.

Наверно, это просто отсрочка. Марку машины назовут в газетах завтра или сегодня вечером объявят по радио. И Лу с ужасом представляла себе взгляд хозяина мастерской, когда в среду утром она приедет забирать машину: "Вот ваш "фиат", мы вернули ему первозданный вид. По-моему, должно сойти. При беглом осмотре полиция ни-

чего не заметит".

Или кое-что похуже. А, белый "фиат". Сейчас привезем, подождите минуту. А вместо "фиата" приедут два полицейских.

Или еще хуже, орава фотографов.

Лу немного проехалась по Шавилю, так, безо всякой цели. Увидев деревья, край леса, подумала, что, наверно, это Медон, потом припарковала машину на обочине и с полчаса посидела на скамейке. Что, если сегодня, задумалась она, ее последний день на свободе. Не преувеличивай, просто последний день безвестности, жизни не на виду. Я и не преувеличиваю: последний день свободной жизни никому не известной девушки.

Когда она вернулась домой, было уже больше пяти. По привычке, чтобы чем-нибудь занять руки, она навела порядок в квартире — Ивон внушал ей страх, хотелось стереть следы его присутствия. Она убирала в тишине, пытаясь сосредоточиться на вещах, никак не связанных с аварией. Секунд десять у нее получалось, потом мысли вернулись к искореженному железу, расплющенным телам, фотографам, которые распахивают дверцы, отталкивают друг друга локтями, чтобы удобнее было снимать. В конце концов она не выдержала, включила радио и

послушала минут двадцать, пока надраивала кухню. Два выпуска новостей, ничего нового. Ах да, стала известна дата похорон леди Ди. Церемония прощания состоится в эту субботу, шестого, в Вестминстерском аббатстве. Ожидается, что придет не менее миллиона человек. Переговоры о праве трансляции ведутся со всеми телекомпаниями мира.

Лу вытерла руки и невидящими глазами уставилась в окно, мысли ее бродили бог знает где. Она вынула из стенного шкафа в прихожей свою старую дорожную сумку и сложила в нее то, что берут с собой, когда уезжают среди ночи. Ничего особенного — футболку, две пары трусов, джинсы, косметичку, фен. В косметичку она сунула купюру в двести франков, потом вытащила ее оттуда. Само собой разумеется, что, уходя, она возьмет свою сумочку. Сумочку: она подумала о королеве Англии с ее маленькой теткинской сумочкой, как будто пришитой к локтю. Лу не представляла, зачем нужна такая штука. Сама она носила сумку на ремне, всегда надевала ее на плечо, выходя из квартиры.

Она убрала дорожную сумку в шкаф, задвинула подальше на полку, в самую глубину, за фиолетовый спальный мешок из нейлона и полотняную

сумку-холодильник, которую они получили как бесплатное приложение к какому-то заказу из "Ла Редут" и которой ни разу не воспользовались.

Ивон вернулся, как обычно, в половине восьмого. И конечно же, как и следовало ожидать:

— Что это за "рено" внизу? — спросил он.

Лу на автомате проговорила заготовленную речь: затошнило, только доехала до работы и сразу назад, повернула у ворот Сен-Клу, какой-то кретин, пришлось менять крыло…

— Ты взяла протокол? — спросил Ивон.

— Ну да, — ответила она.

— Там все правильно? — спросил он.

— Смеешься, — сказала она, — по-моему, да.

— Хочешь, я посмотрю? — предложил он.

Ну вот. Самое время проявить свои способности к импровизации.

— Его нет, — сказала она.

— Нет? — переспросил Ивон.

— Я уже отправила его, — объяснила Лу. — Вернулась домой, перечитала, проверила, положила в конверт и бросила в почтовый ящик.

— Ты специально выходила из дому еще раз из-за этого?

— Нет, — сказала Лу. — Я поспала два часа и почувствовала себя лучше. Хотела купить газету,

надо же было как-то убить время. И заодно отправила протокол. А как прошел день у тебя?

Когда Ивон выключил свет, Лу первая сделала шаг навстречу. Ивон был всегда не прочь. Она не поспевала за ним, мысли ее были далеко. Пришлось притворяться, она ненавидела это.

Потом Ивон сразу заснул, а к ней сон не шел. Она попыталась пересказать себе какой-нибудь фильм. Ей нравился "Английский пациент", она вызывала в памяти Жюльет Бинош — бесстрашную медсестру на вилле в Тоскане.

Но и это не помогало, перед глазами стоял тоннель, неуправляемый "мерседес", на полном ходу врезающийся в опору, опять вспоминались те полчаса после аварии, когда она неслась по спящему пригороду и в голове стучала единственная мысль — бежать, как можно быстрее укрыться у себя дома.

И снова впивался неотвязный, мучительный вопрос, вопрос, на который не было ответа: почему я сбежала? Почему не остановилась? Что на меня нашло, почему я превратилась в перепуганного кролика, не думала ни о том, чтобы позвать на помощь, ни о том, чтобы рассказать, как все случилось, ни о чем, кроме одного — бежать, спастись бегством?

Спастись бегством, повторяла Лу, осознавая двусмысленность этих слов. Бежать изо всех сил, чтобы спасти свою шкуру.

И вдруг ее озарило. Она бежала от смерти — той ночью, в субботу, — да, от смерти, лязгающей, скрежещущей смерти под грудой искореженного железа, раскромсанного, кромсающего. От смерти, раздирающей и заливающей кровью белую кожу.

И сейчас она пытается спрятаться — тоже от смерти. От смерти, которая ищет ее и будет преследовать день за днем, раз уж она ввязалась в эту адскую игру — бежать с ней наперегонки.

*

Когда она проснулась, ее первой мыслью было: нет, только не это. Только не эта авария, только не со мной. Но она успокоила себя: ну что ты, сегодня у тебя есть "рено", ты поедешь на работу, чем ты рискуешь?

Ивон ходил туда-сюда по квартире, Лу слышала звук радио, который перемещался туда-сюда вместе с ним. Радиостанция FIP сообщала о пробках на дороге. До магазина в Монруже было всего три километра, но Ивону хотелось как-то исхитриться миновать пробки, мчаться без помех.

— Сегодня твой черед быть ранней пташкой? — спросила Лу, ласкаясь к нему, словно кошка.

Ивон поцеловал ее в макушку:

— Ранней пташкой? Ты знаешь, который час? Я убегаю, я уже опоздал. Ты проспала свои десять часов, тебе должно быть получше.

— Да, — сказала Лу.

— Пойдешь на работу? — спросил Ивон.

— Надо, — сказала Лу, — конец отпусков, все возвращаются в свои конторы, Анжела, наверно, не может обслужить такую прорву народа.

Ивон взял свой шлем.

— Ты думаешь, эта развалюха "рено" доедет до Парижа?

— Надеюсь, — ответила Лу, — у меня как-то нет выбора. Я даже рассчитываю, что ее хватит и на дорогу обратно.

Обыкновенные вопросы, настойчиво повторяла она себе, закрывая дверь. Без двадцати девять, обычный рабочий день. Вторник как вторник.

"Сенсационное известие", — прозвучало по радио. Новостью дня стало подтверждение информации о том, что Анри Поль, шофер отеля "Ритц", в момент аварии находился в нетрезвом состоянии. Неизвестно, с какой скоростью он ехал, по одним источникам, сто восемьдесят, по

другим — не более ста десяти километров в час, однако результаты анализов однозначно показали, что содержание алкоголя в крови составляло 1,75 грамма.

Пьяный водитель, перевела Лу, который мчался как бешеный и вмазался в стену.

Что это меняет лично для меня, размышляла она за рулем "рено" всю дорогу от Вирофле до подземной стоянки у Биржи. Серый день, нависшее небо, но все-таки жарко. Что это меняет? Достаточная ли причина для аварии — 1,75 грамма алкоголя в крови, да или нет? Да, снова и снова повторяла Лу. Им не нужно будет искать других виновников.

И какой из этого вывод? Вывод тот, что надо придерживаться прежней линии. Не высовываться. Главное — не выдать себя. Втянуть голову в плечи и переждать грозу.

У Анжелы пахло салом и травами. Ну конечно, кролик по-провансальски, каждый вторник, вспомнила Лу.

— Ты поменяла машину? — бросила ей Мари-Но из глубины зала, где расставляла стаканы.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лу как можно естественнее.

— Я тебя видела на светофоре у метро "Катр-

Септамбр", — сказала Мари-Но, — ты как раз трогалась, я тебе помигала, но ты была вся в своих мыслях и не заметила меня.

— Да, — ответила Лу, — не знаю, что там с "фиатом", он не завелся утром. Невестка одолжила мне свою старую тачку.

— У тебя есть невестка? — вытаращила на нее глаза Мари-Но.

— Девушка, которая живет с братом молодого человека, с которым живу я, — сказала Лу, — ты как бы ее назвала?

Из кухни вышла Анжела, суровая, как и все корсиканки за шестьдесят, — но вряд ли она была другой и в тридцать.

— У тебя проблемы с машиной?

— Да нет, — сказала Лу. — Наверно, сел аккумулятор, Ивон разберется вечером.

— Тебе лучше? — поинтересовалась Анжела.

Лу не сразу вспомнила, что накануне она просидела весь день дома из-за печеночного приступа.

— Да, спасибо, — ответила она.

Она кусала себе локти — зачем было говорить о неполадках с машиной. Она чуть не заплакала, когда лепила из каштановой муки шарики для пуленты. Нужно было сидеть дома, пока машина в ремонте. Я могла сказаться больной на эти два

дня. А теперь они знают: с "фиатом" что-то не так. Вот именно этого и нельзя было допустить: чтобы на следующий день они связали между собой аварию и Лу-не-на-своей-обычной-машине.

Мари-Но зашмыгала носом.

— Опять лук? — спросила Анжела.

— Не будьте такой бессердечной, — сказала девушка. — Я два раза просыпалась сегодня ночью, все думала о ней.

— Хватит, — прикрикнула Анжела.

— О ком ты думала? — спросила Лу.

— О Диане, конечно, — ответила Мари-Но. — Мне ее так жалко. А тебе нет?

— Конечно, как и всем, — кивнула Лу.

— А Анжеле — не жалко, — сказала Мари-Но. — Знаешь, что она об этом думает? Вчера целый день только и повторяла: какой позор.

— Вот именно, — подтвердила Анжела. — Если бы моя дочь ушла от мужа, запихнула бы детей в пансион и разбилась насмерть, выезжая из "Ритца" с очередным хахалем, я бы умерла со стыда.

— Чем больше думаю, — продолжала Мари-Но, — тем больше мне кажется, что все это похоже на сказку. Если бы кто-то захотел снять фильм о принцессе, это был бы самый классный конец. Что скажешь, Лу?

— Не знаю, — ответила Лу.

Каждая фраза давалась ей с огромным трудом. Ей казалось, что она похожа на бездарную актрису, которую вытолкнули на сцену и заставили импровизировать, сочинять на ходу. Она уже не могла говорить как раньше — выпаливать все, что приходит ей в голову, не заботясь о последствиях. Приходилось взвешивать каждое слово; она знала, что говорит фальшиво, что ее могут освистать в любой момент, прогнать со сцены, что игра идет не на жизнь, а на смерть.

Но Мари-Но пропускала ее реплики мимо ушей, ничто не могло ее остановить.

— Знаете, у моей подружки Сандры муж работает в полиции, так она его с воскресенья не видела, он приходит черт знает когда. Расследование только началось. Они бросили на это дело пятьдесят человек — неслыханно! Хотят во всем разобраться.

— А в чем еще надо разбираться? — спросила Лу.

— Во многом, — ответила Мари-Но. — Для начала с фотографами. Известно, что их было гораздо больше, хотя на месте застали лишь семерых. Понимаешь? Те, что сбежали, вполне могли быть виновниками аварии. А кроме того, есть еще

машина-помеха…

— Какая машина? — спросила Лу, не сумев сдержать дрожь в голосе.

— Невероятно! — воскликнула Мари-Но. — Ты не знаешь? Машина на въезде в тоннель…

— И что? — спросила Лу.

— А то, она *могла стать причиной* аварии, — бросила Мари-Но.

— Стать причиной аварии? — эхом повторила Лу.

Мари-Но кивнула:

— Ну да. Она могла *нарочно* помешать "мерседесу".

— Но зачем? — спросила Лу.

— Ну, для того, чтобы было удобней фотографировать, — объяснила Мари-Но, — понимаешь? Наверно, это была машина какой-нибудь газеты, с фотографом. Фотографы из одного агентства работают вместе, кооперируются друг с другом. Они перезваниваются, у всех есть мобильники: "мерседес" шпарит по набережной Альберта Первого, задержи его на въезде в тоннель Альма…

— Ты правда думаешь, что такое возможно? — спросила Лу.

— Я только повторяю то, что Сандра знает от мужа, — сказала Мари-Но. — Жандармы свернут

горы, чтобы найти эту машину.

— А при чем тут они? — спросила Лу.

— У них есть специальный отдел, где определяют машины, уехавшие с места преступления, — охотно растолковывала Мари-Но. — Ты же понимаешь, такое часто случается. Они там, в полиции, умеют это делать, к тому же на этот раз у них есть улики.

— Ах вот как? — с отсутствующим видом спросила Лу.

— Муж Сандры говорит, что остались следы, — ответила Мари-Но. — Я не знаю подробностей, но расследование уже началось, теперь это только вопрос времени.

Между тремя и четырьмя, после обеденного аврала, Лу пошла прогуляться по чинным унылым улицам — Тебу, Лаффит, Виктуар, — где находились офисы посетителей ресторана, размещались за буржуазными фасадами представительства крупных страховых компаний, финансовых групп, а также разные сомнительные маклерские, туристические, экспедиторские конторы.

В киоске на бульваре Османна она купила "Монд" и "Фигаро" и, остановившись на пятачке, именуемом площадью Адриена Удена, пролистала их, ничего не запомнив. Может, потому,

что ничего нового не писали — по крайней мере, о том, что ее интересовало. Но и потому, что в голове у Лу была лишь одна мысль, ставшая наваждением. Она все яснее понимала, как неосторожно поступила накануне. Вчера она вздохнула с облегчением, радуясь, что сумела тайком отдать машину в ремонт, избавиться от нее хотя бы на пару дней, а теперь спрашивала себя, не было ли это идиотским поступком, не подставилась ли она.

Ее загоняли в угол, как крысу.

Допустим, завтра я забираю "фиат", езжу на нем каждый день — в общем, веду себя так, словно не имею к аварии никакого отношения. Но как только станет известна марка машины-помехи, как только в газетах напишут: белый "фиат-уно", меня возьмут на заметку как владельца и водителя такого автомобиля.

Я могу оставить машину в мастерской — просто не приехать за ней. Но так я себя выдам. В тот день, когда определят марку машины-помехи, хозяин мастерской тут же вспомнит брошенный у него автомобиль. Полиции не составит труда найти меня.

Значит, отдать машину в ремонт было не так уж и глупо.

Начнем сначала. Я забираю машину и езжу на ней, как всегда: в любой момент меня могут арестовать.

Итак. Итак, нужно забрать "фиат" и перестать на нем ездить. Продать его и купить что-нибудь другое.

Здорово! Как только полицейские установят марку машины-помехи, знаешь, что они сделают? Они тут же составят перечень всех "фиатов-уно", выставленных на продажу после 31 августа.

Нет, единственный выход — забрать отремонтированную машину, как сделал бы тот-кто-ни-при-чем, и купить себе другую, а "фиат" утопить в Сене.

Однако у Лу в помине не было таких денег. Она наискось перешла улицу Прованса, не глядя по сторонам, водитель такси едва успел затормозить, повернулся к ней и заорал: "Что, с головой совсем плохо?"

Куда уж хуже. Денег нет, да и не сможет она сбросить машину в Сену.

Как бы повел себя человек, которому вчера у ворот Сен-Клу помяли крыло? Но это же очевидно, в сотый раз повторяла себе Лу, забрал бы из мастерской свою машину и ездил бы на ней как ни в чем не бывало.

Тупик. Все-таки ей казалось, что самым безопасным будет вести себя так, словно она не имеет к аварии никакого отношения.

Прежде чем вернуться на работу, она остановилась у банкомата возле почтамта на улице Шоша. Придется каждый день снимать какую-то сумму, столько, сколько выдаст банкомат, и эти деньги не тратить. В любую минуту она должна быть готова к отъезду, возможно, она не успеет заскочить домой, ей надо иметь при себе как можно больше наличных.

Вечером, возвращаясь в Вирофле, она попала в пробку на Севрском мосту. Машины почти не двигались, и вдруг ее охватил страх, как будто на плечи вспрыгнула дикая кошка. В голове вертелась фраза, попавшаяся ей сегодня в газете, она уже не помнила в какой. Три строчки о телохранителе, по которым она скользнула взглядом, должно быть, отложились в сознании; эти строчки внезапно вспыхнули перед ней. "Состояние Тревора Рис-Джонса крайне тяжелое, — писала газета, — он получил множественные переломы, особенно пострадало лицо. Он не может разговаривать, следователям придется подождать с расспросами несколько дней".

Еще несколько дней, высчитала Лу, и его допро-

сят. Ему станет лучше, и даже если он не сможет говорить, он напишет. Он сидел рядом с водителем — он, единственный выживший, сидел на "месте смертника". С этого места он лучше всех мог заметить машину-помеху на въезде в тоннель и записать ее номер.

Бомба замедленного действия, подумала Лу, еле-еле двигаясь по мосту. Когда она взорвется? Сколько еще ждать? Сколько еще она будет как сумасшедшая хвататься за газету, трястись над каждым словом? Только не плакать, сказала себе Лу. Я не заслужила такого. Почему это случилось именно со мной?

*

В эту ночь опять она спала мало и плохо. И проснулась очень рано, открыла глаза, чтобы избавиться от кошмара.

Она лежит в разбившемся "мерседесе", на полу, что-то давит на нее, она задыхается. Хочет позвать на помощь, но голоса нет. Она чувствует, что скоро умрет. Видит, как открывается дверца машины, фотографы склоняются над ней, их лица перекошены кривой ухмылкой, потом фотокамеры превращаются в один огромный экран, щелкают, щелкают, щелкают вспышки.

Как всегда, она пытается закрыть лицо руками, но руки не слушаются. Фотографы снимают как заведенные, наконец-то они получили возможность работать без помех.

В комнате было еще темно, и Лу с трудом верилось, что она цела и невредима. Снова заснуть она не смогла, лежала и смотрела, как начинает светать.

Она встала первой и в тишине поджарила хлеб. Слушать радио не было сил. Она больше не могла слышать ни слова об этой принцессе, об этом "мерседесе", об этой аварии.

Ей казалось, что кошмар вот-вот улетучится — от запаха хлеба, от ясного утра, от того, что в кухню нагрянет Ивон. Но когда она осталась одна в наполненной светом квартире, всюду, куда бы она ни бросила взгляд, маячили хищные лица фотографов.

Нужно все же послушать новости, у нее нет выбора. Прежде чем ехать в гараж за машиной, она должна узнать, насколько продвинулось расследование. Допустим, марка машины-помехи уже известна, — и что тогда делать? Куда деваться?

Но вопрос о машине-помехе даже не поднимали. В эту среду обсуждали реакцию королевской семьи, и прежде всего королевы. Во всей Англии

только члены королевской семьи не проявляли, казалось, особенной скорби. Они даже не сочли нужным уехать из своей летней резиденции в Шотландии. Ограничились формальными сожалениями, и не более того.

Лу выключила радио. Еще одно выигранное утро, в ближайшие часы ее не припрут к стенке. Она поедет за своей машиной. А если хозяин мастерской скривит лицо, когда ее увидит, она не станет придавать этому значения. Не будет весь день гадать, что бы это могло значить. Она займется своим делом и проведет замечательный день в теплой обстановке единственного в Париже корсиканского ресторана, который держат три женщины.

По правде говоря, хозяин мастерской даже не взглянул на нее, когда она вошла в контору. Он говорил по телефону, если можно назвать разговором односложное мычание в трубку. Он, казалось, просто не заметил Лу, не торопясь, закончил разговор, положил трубку.

— Здравствуйте, — сказала Лу.

— Здрасте, — одарил ее русохорват, царапая что-то на бумаге.

— Я пришла за своей машиной, — с трудом выговорила Лу.

Он поднял глаза, и в его взгляде Лу не увидела ничего, кроме смертельной усталости и скуки. Вялый взгляд шестидесятилетнего мужчины в девять часов утра.

— Одну минуту, — сказал он. И, дотянувшись правой рукой до того, что, по видимости, было внутренним переговорным устройством, буркнул в трубку: — Выведи белый "фиат-уно".

Счет был уже готов. Это оказалась та самая бумага, на которой он что-то царапал. Лу увидела, что хозяин вполне удовольствовался тем, что она сообщила раньше, — имя: Луиза Леруа, телефон: номер Анжелы.

Она заплатила восемьсот франков наличными. Он молча принял деньги.

"Фиат" медленно подъехал к стеклянной двери.

— Вот он, — сказал хозяин мастерской, кивнув подбородком в сторону "фиата" и не двигаясь с места.

Механик, пригнавший машину, вылез, легко выгнувшись всем телом, точно большое животное. Лу умирала от желания поскорее отсюда уехать, но она заставила себя проверить вместе с ним произведенный ремонт.

— Задний фонарь, — пробормотала она, — по-

краска. Все в порядке.

Механик молчал. Она оглянулась на него и заметила узкие глаза, глядящие на нее в упор. Узкие глаза и лицо индейца.

— Что ж, спасибо, — промямлила она, открывая переднюю дверцу. — До свидания, месье.

— До свидания, мадам, — сказал механик издевательским тоном, который плохо сочетался с учтивостью образцового работника.

Два раза за день Лу была вынуждена усмирять пыл Мари-Но, которая каждый час выдавала новую информацию о тайной радости королевы Елизаветы или о составе коктейля, который выпил Анри Поль в субботу между десятью часами и полуночью. Виски, джин и прозак, представляешь?

— Тебя еще не тошнит от этой истории? — не выдержала Лу. — Она у всех уже в печенках сидит. И знаешь, я, как и Анжела, не могу сказать, что меня все это страшно волнует.

Нет, Мари-Но еще не насытилась. Она уже освободила себе субботнее утро. Ничто на свете не помешает ей смотреть по телевизору похороны леди Ди.

— Как я буду плакать! — заранее предвкушала она. — А ты, что ты будешь делать в субботу

утром?

— Понятия не имею, — ответила Лу, невольно вздрагивая при мысли, что больше не властна распоряжаться собой.

Где она будет через три дня? В четырех стенах? За границей? Увенчаются ли успехом поиски полицейских? Узнает ли весь мир о том, что девушка двадцати пяти лет по имени Луиза Ориган была за рулем белого "фиата", ставшего роковым для принцессы Уэльской, и не может объяснить, почему она уехала с места аварии?

*

Но в субботу, шестого сентября, в десять часов утра, как и Мари-Но, как и миллионы людей по всему миру, Лу следила за трансляцией похорон принцессы. Девушка, непричастная к аварии, смотрела бы, сказала она себе, вот я и смотрю.

Ощущение нереальности доходило до дурноты. Она не могла поверить, что эта обожаемая, боготворимая всеми женщина, чьи останки медленно везли на лафете перед несметной толпой англичан с красными от слез глазами, неделю назад лихо и, может быть, весело пронеслась в своем "мерседесе" на волоске от ее "фиата", в тридцати сантиметрах от нее, Лу, — в ушах до сих пор

отдавался, стоило ей только про это подумать, чудовищный скрежет кузова об кузов.

Телохранитель пока не мог ни говорить, ни писать. Результаты исследований специальной лаборатории задерживались. Лу сходила с ума, ожидая каждую минуту, что висящий на ниточке меч упадет на ее голову. Это не жизнь — то, как я живу эти дни. На вид все осталось по-прежнему, я все так же хожу на работу, но на самом деле я прячусь. Я отвечаю, когда со мной заговаривают, шучу с посетителями, а по-настоящему — либо молчу, либо вру. Все изменилось. Я боюсь, до смерти боюсь — долго я не выдержу.

Хлопнула входная дверь. С порога их маленькой гостиной Ивон увидел Лу, сидевшую перед телевизором. Он постоял несколько секунд, слушая скорбный комментарий. В руках он держал дыни, несколько бутылок сока, круглый хлеб. Он отнес покупки, вернулся в гостиную и, по-прежнему стоя за спиной Лу, спросил:

— Ты можешь объяснить мне, *зачем* ты это смотришь?

Лу не вставая выключила звук, откинула голову на спинку кресла и с притворной яростью произнесла:

— Не думаешь ли ты, что я впервые решилась с

кем-то вместе жить, для того чтобы мне указывали, что мне делать в тот или иной час, что хорошо для меня, а что нет, какие передачи мне подходят по возрасту, а на какие не стоит тратить время? Мне уже не шесть лет.

— Не сердись, Луиза, — сказал Ивон.

— И не называй меня Луизой, — взорвалась Лу. — Пока я не встретила тебя, мне почти удалось забыть это имя.

— Слушай, ты заметила, как здорово на улице? — совсем другим тоном спросил Ивон. — В ближайшие дни тоже будет тепло. Я не брал отпуск этим летом…

— Напомню тебе, что и я отодвинула свой отпуск, чтобы разделить твою участь, — заметила Лу.

— Мне не хочется сидеть дома, — продолжил Ивон. — Предлагаю небольшую вылазку на побережье Нормандии. Ты работаешь сегодня вечером?

Лу поднялась. Уткнулась лицом в плечо Ивона:

— Это именно то, что я хотела услышать. Плевать мне на эти похороны, я свободна до понедельника. Я работала в прошлую субботу, теперь очередь Мари-Но. Куда ты меня повезешь?

Ивон вынул из бумажника крошечный обры-

вок газеты: в Ле-Трепоре продается "Гелиум 765". "Пятерка" — настоящее чудо, она не устаревает, но глубина в Ле-Мюро или в озере Муассон-Лабакур с морем не сравнится. Когда-нибудь Ивон купит себе маленькую килевую яхту, ему хотелось посмотреть ближайшие к Парижу порты.

Мотоцикл оказал на Лу просто волшебное действие. Меня это успокаивает, сказала она себе, прижавшись щекой к кожаному плечу Ивона, странно, ведь это такая опасная штука, и от нее столько шума. Но чувствуешь себя куда спокойнее, чем в тишине, в уютном кресле.

Они остались на ночь в Велетте, в маленькой старой гостинице на берегу. Их комната выходила на море, Лу открыла окно. На обед они ели мидии в местном кафе. Вернувшись в полночь в гостиницу, они не стали включать свет. Все и так было видно, а обои только выиграли оттого, что рисунок на них стал почти неразличим.

— Знаешь, — чуть позже сказала Лу, — я люблю быть с тобой в непривычной обстановке. Вне обыденности, вне повседневной рутины.

— С чего это ты вдруг стала такой правильной, — полушепотом ответил Ивон, уже засыпая.

— Мы совершили ошибку, когда решили жить вместе, — настаивала Лу.

— Я не согласен, — с трудом выговорил Ивон. — Я… совершенно… не… согласен, — повторил он еще раз, все медленнее и медленнее, прежде чем окончательно погрузиться в сон.

В воскресенье тоже была хорошая погода, хотя и не такая ясная, как накануне. Небо словно терзалось сомнениями, но море сверкало и танцевало. У Лу несколько раз сводило живот. Я хотела бы не возвращаться домой. Уехать, уехать далеко, и не только для того, чтобы скрыться от преследования, нет, это была давняя мечта — стать другой, начать все сначала.

— Я не хочу возвращаться домой, — прошептала она Ивону на ухо, когда они стояли на светофоре, уже по дороге в Париж.

— И куда бы ты поехала? — резко сказал Ивон. — Ты можешь мне объяснить? Что бы ты делала?

За всю оставшуюся дорогу Лу не проронила больше ни слова.

Вечером, в своей квартире, опьянев от долгих километров дороги и чувствуя, что глаза ее настолько полны пыли, что она, кажется, уже никогда не сможет их закрыть, Лу приняла ванну, вымыла голову. Фена не было на обычном месте, она поискала его несколько секунд и вспомни-

ла, что убрала его в сумку, приготовленную для побега.

Словно что-то щелкнуло, ее опять охватила тоска, а вместе с тоской — страх, что она сделала именно то, чего не следовало делать, что она оставила за собой следы, белые камушки на дороге.

Ивон приготовил запеканку из макарон.

— А что, если нам переехать? — внезапно спросила Лу. — Такие, как ты, должны жить у моря, ты же бредишь кораблями.

— Да что с тобой? — спросил Ивон, протянув через стол свою ладонь, чтобы коснуться ее руки.

— Ничего, — сказала Лу и убрала свою руку.

*

В понедельник она с огромным трудом заставила себя поехать в Париж. Был ясный погожий день, а перед глазами у нее колыхалось лунного цвета море. Как бы ей хотелось жить другой жизнью, заниматься разведением устриц или варить соль; никуда не ездить — разве что катить на велосипеде по проселочным дорогам и узким горным тропинкам. Никаких тебе полицейских, радаров, фотографов, никаких газет.

Она решила слушать новости только утром и вечером и читать одну газету в день. Ей нужна

хоть какая-то передышка. Теперь она почти не сомневалась, что ее найдут. Будь у нее хоть один шанс из ста проскользнуть сквозь расставленные сети, она сделала бы все, чтобы его использовать. Но она не обманывала себя. Больше она узнает или меньше, это уже ничего не изменит.

— Ну что, ты смотрела? — спросила она с ходу, встретившись в ресторане с Мари-Но. — Вслед за Дианой откланялась Мать Тереза. Что за неделя!

Мари-Но пожала плечами:

— Ты просто дура, это не одно и то же.

Мари-Но грустила. Она больше не могла пролить ни слезинки по своей поверженной фее. И понимала, что через две недели окончательно забудет о ней. Так грустят при расставании с чудесной книгой. Ты прожил с ней волшебные часы, но вот все кончилось. Можно, конечно, прочитать книгу еще раз, но прежнего чувства уже не вернешь.

Лу прикусила язык. Зачем было дразнить ее? Мари-Но — ходячее радио, она узнавала новости раньше газет и из крайне надежного источника. Надо быть идиоткой, чтобы испортить с ней отношения.

— Знаешь, — сказала Лу, — в субботу я тоже смотрела похороны. Я смеюсь, как будто мне

все до лампочки, но когда видишь этот гроб, эту безумную толпу, невозможно остаться равнодушной.

Мари-Но только этого и ждала. Все утро она выкладывала сведения, добытые за последние два дня.

Трое фотографов, которые присутствовали при аварии, но не были задержаны, добровольно явились в полицию. Трое *новых.* Нам еще предстоит узнать много интересного.

Неоказание помощи в такой ситуации карается пятью годами тюрьмы, это считается более тяжким преступлением, чем непреднамеренное убийство. За него только три года. Это правильно. Непреднамеренное убийство — оно и есть непреднамеренное, в нем нет злого умысла. Неоказание помощи — это преднамеренно, понимаешь? Тут не случай, а умысел, сознательное решение. Это ведь подлость, правда?

— Да, конечно, — сказала Лу.

Через неделю Мари-Но сообщила, что полиция располагает материалами, снятыми камерой наблюдения. Эта камера, установленная на въезде в тоннель Альма, работает безостановочно.

Лу готовилась к этому. Но услышанное так потрясло ее, что, наскоро придумав, будто ей

необходимо обслужить новых посетителей, она выскочила из кухни, чтобы никто не увидел выражения ее лица.

Мари-Но сообщила об этом во вторник, но в среду, крайне раздосадованная, призналась, что на самом деле никакой пленки нет, и объяснила почему. Камера-то на въезде была и снимала безостановочно. Но ничего не записалось. Представляете? Камера непрерывно работает, и дежурный может следить за всем, что происходит. Но ничего не остается, ничего не записывается, знаете почему? Есть какой-то закон, который запрещает запись. Оказывается, записывать нельзя! Закон "Об информационных технологиях и правах личности", так он называется. И если кто-то вовремя не посмотрел на экран наблюдения, все пропало.

В четверг Мари-Но приободрилась. Одно дело видеокамера, другое — радар. Радар фотографирует. Он для этого и установлен, чтобы фотографировать машины, превышающие скорость. А "мерседес", как известно, скорость превысил. Все это к тому, что уже неделю работа в фотолаборатории кипит днем и ночью.

Почему неделю? Лу не осмелилась спросить. Почему об этом ничего не говорилось в прессе? Если у полиции есть фотографии, почему они

хранят это в тайне?

В пятницу все объяснилось. Реальность обескураживала. Вечером тридцатого августа в тоннеле Альма не было никакого радара. Ни постоянного, ни передвижного, никакого. Стало быть, нет и фотографий. Это же надо! В какой бы точке Парижа автомобиль ни превысил скорость, его тут же фотографируют, у полиции куча таких снимков, нет лишь снимка "мерседеса" Дианы.

Тут вот что надо понять. Тридцатого был еще август, в августе полицейский состав не укомплектован. Полицейские греются на пляжах, как и все. Поэтому радаров было меньше, и фотографий меньше. Случись авария двумя днями позже, все было бы по-другому, сокрушалась Мари-Но, оправдывая, однако, Сандру и мужа Сандры. Они тоже имеют право на отдых. Я имею в виду, полицейские.

Из огня в полымя. Всю неделю от известий Мари-Но ее бросало то в жар, то в холод.

В перерыве, в районе трех, когда они успевали накормить всю округу, Лу говорила, что ей хочется размять ноги и выйти на солнышко, раз уж установилась прекрасная погода; каждый день, с понедельника по пятницу, она гуляла с четверть часа, всякий раз выбирая себе новый маршрут,

покупала газету и просматривала ее в первом попавшемся кафе.

В понедельник она купила "Либерасьон" в конце улицы Тронше, пролистала ее в баре "Ампир", на углу улицы Матюрен. "Либерасьон" посвятила похоронам принцессы, помимо первой полосы, еще шесть. Шесть полных страниц в честь "Последнего выхода к народу народной принцессы" и треть страницы в честь Матери Терезы и "Национального траура по "святой из Калькутты". Лу торопилась, ей хотелось как можно скорее покончить с этим. Но все-таки она успела заметить, как маленький Гарри кладет на гроб матери свой букет, несколько белых роз, и подпись: "Mummy"[2]. Что я могу поделать? — повторяла она. Разве я в чем-то виновата? Она оставила "Либерасьон" в кафе.

Ночью ей приснился сон. Два миллиона светловолосых мальчиков шли за гробом, у всех серьезные торжественные лица. Вокруг розы, море роз. В гробу Лу плакала навзрыд. Никому не было до этого дела, ее несли хоронить, и плачь не плачь, ничего не изменишь. Она проснулась в холодном поту.

---

2 notes: 2
Маме *(англ.).*

Во вторник она купила "Фигаро". Во вторник, девятого сентября. В киоске на улице Оперы. Устроилась она в соседнем баре, в "Пирамидах".

Ей бросился в глаза анонс на первой полосе: "Леди Ди: загадки расследования". В статье на тридцатой странице перечислялись "Восемь вопросов, связанных с трагедией в тоннеле Альма". Два из них напрямую касались Лу. Полиция исключает ("похоже, исключает") вероятность того, что другая машина помешала движению "мерседеса", телохранитель, "главный свидетель", в скором времени представит свою первую версию событий в письменном виде ("должен представить").

Лу перечитывала эти строки снова и снова. Сердце у нее колотилось, она повторяла себе, что ничего еще не ясно, нельзя сказать, угрожает ей что-нибудь или нет. "Полиция, похоже, исключает вероятность того, что другая машина помешала движению "мерседеса". "Тревор Рис-Джонс должен представить свою версию событий в письменном виде".

Ночью Лу снилось, что она разглядывает фотографии на большом экране. Она сама меняет слайды в маленьком проекторе, в полной темноте. И на всех фотографиях снята она сама, за

рулем, в профиль, анфас, на экране четыре на четыре метра. У нее лицо человека, замыслившего побег, сжатые губы, тяжелый взгляд.

Теперь ей каждую ночь снились сны. Проснувшись, она продолжала думать об этих снах. Кошмары преследовали ее, возвращаясь с той же неизбежностью, с какой по утрам, после ночного забытья, возвращаются тяжелые мысли, мучившие накануне. Ей приходилось по целому часу убеждать себя, что это всего лишь сон, иногда на это уходило все утро. По радио больше не говорили об аварии, говорили о разрушенных израильскими танками палестинских домах, о погромах в Алжире, о министре образования, который не в меру резко критиковал преподавателей, вызвав тем самым всеобщее возмущение. Лу не вслушивалась. Ее кошмары были куда реальнее, чем голоса журналистов, ее наваждения — куда страшнее радиотрескотни.

В среду она купила "Монд" в киоске, гнездившемся рядом с кинотеатром "Гран Рекс", на бульваре Пуассоньер. Было еще тепло, она присела на скамейку перед театром "Жимназ", спиной к бульвару. И сразу все померкло. Материал об аварии вынесли на первую полосу, все начиналось сначала, заголовок гласил: "Следствие по

делу о гибели Дианы Спенсер". А внизу длинная статья: "Порядка тридцати сотрудников уголовного розыска продолжают расследование аварии. Опрошено около сотни свидетелей. Работа полицейских осложняется большим количеством ложных показаний и распространением слухов".

А внутри на целую страницу: "Диана: факты против слухов".

"Крайне редко дорожная авария привлекает внимание всего мира, — так начиналась статья. — Крайне редко судебному расследованию сопутствует такая волна ложных показаний и невероятных слухов". "Пятьдесят следователей", "отдел криминалистики полиции Парижа", "судебное дознание"... Все то же кровавое кино — "превышенная скорость", "водитель в состоянии тяжелого алкогольного опьянения", "сильнейший удар". Все те же кадры, те же жалкие второстепенные персонажи. И в самом низу второй колонки: "С первых же дней расследования возникло предположение о том, что на пути "мерседеса" оказался автомобиль, двигавшийся с умеренной скоростью и вынудивший — умышленно или нет — водителя "мерседеса" резко взять в сторону; этот автомобиль до сих пор не идентифицирован".

"Возникло предположение", "не идентифицирован", — перечитывала Лу, пытаясь понять. Значит, они думают, что в тоннеле была какая-то машина-улитка, но не могут это доказать. Предположение, всего лишь предположение, повторяла про себя Лу. Стало быть, у них нет фотографий, нет точных свидетельств, нет ни марки, ни номера машины.

Она принялась читать дальше. Одного из фотографов звали Рат. Ромуальд Рат. Это он отодвинул руку Дианы, чтобы открыть лицо.

Лу остановилась на следующем абзаце. "Долгожданное свидетельство телохранителя". Тревору Рис-Джонсу оторвало язык. "Он не может говорить, хотя находится в сознании. Однако, учитывая пережитый им шок и длительную кому, неизвестно, сможет ли он ясно вспомнить минуты, предшествовавшие аварии".

Лу снова ощутила солнечный день, почувствовала, как солнце жарит ей плечи. Ликуя, она вздохнула полной грудью. Тревор лишился языка, и если даже он напишет что-нибудь, у него могут быть провалы в памяти. Предположение о машине-помехе не доказано. И о самой Лу здесь не сказано ни слова. О ней, о беглянке. Прошло уже две недели после аварии, и ни разу не всплыло

имя… Лу не осмеливалась даже мысленно произнести это имя. Если она его не назовет, никто его не услышит и, может быть, никогда не узнает.

*

Вечер и весь следующий день она провела, терзаясь сомнениями. Она получила наконец передышку. Но не обрела покоя. Она чувствовала себя так, словно у нее с головы сорвали мешок, который мешал дышать, облепив глаза, рот, ноздри, и теперь она, жадно ловя воздух, видит, что находится в тюрьме, в карцере, без единого лучика света.

Свободна — но не больше, чем мышь, когда кошка ненадолго ослабит хватку, чтобы насладиться ее метаниями, жалкая, глупая мышь, которая не знает, где спряталась кошка, не понимает, что происходит, и так ничего и не увидит и ничего не поймет, когда кошка внезапно прихлопнет ее.

Тысячу раз Лу спрашивала себя, не лучше ли во всем признаться. Чтобы успокоиться, ей не хватало одного — ей нужен был четкий и ясный приговор: либо да, вы виновны, либо нет, вы не виновны. Но она не была ни виновной, ни невиновной, в этой трагедии она была *неизвестной,* той, кого все искали. Прожекторы продолжали

вращаться вокруг корпуса "мерседеса", и круг их поисков становился все шире. Они шарили в потемках. Лу вжалась в стену; может быть, ее все-таки не заметят.

Пятничный выпуск "Фигаро" только усилил чувство неопределенности. Теперь в центре внимания был "немой свидетель", человек без языка, способный реагировать на обращенную к нему речь "только взмахами ресниц". Врачи в один голос заявляли, что "не исключают полной потери памяти у этого важнейшего свидетеля". Полицейские не возлагали особенных надежд на его показания. "Допустим, он что-то вспомнит, — сказал один из следователей, — его слова придется проверять и перепроверять. Стопроцентной уверенности у нас не будет".

Собачий лай доносился все глуше. Лу в первый раз подумала, что, возможно, *ее и в самом деле* не найдут. Всю свою жизнь она будет подскакивать от каждого звонка. В десятый раз она спросила себя, не пойти ли в полицию.

Ей представлялось, что она несется вперед, плавными, широкими прыжками, как в замедленной съемке. Она высокого роста, у нее светлые волосы, туфли на низком каблуке, она смеется. Свора фотографов осталась далеко позади. Все

происходит в каком-то парке, великолепная погода, она бежит по прекрасной лужайке. Потом ее нога застревает в какой-то выбоине, она падает навзничь. Она не может встать, лежит, вытянувшись, на траве. Волосы темнеют, она снова превращается в пухленькую брюнетку, фотографы, десятки фотографов склонились над ней, скалят зубы, щелкают камерами, она не может ни отвернуться, ни пошевелиться, ни спрятать лицо.

Она никогда не видела столько снов. Ей снилось, что она в гробу, ее глаза открыты, руки сложены на груди. Она столько плакала, что не осталось уже ни слез, ни сил. Крышка гроба опускается, вспышки слепят глаза. Папарацци обнаружили ее, прокатывается гул: "преступница, преступница". Она кричит — безголосо, беззвучно.

Страх терзал ее все сильнее — она и сама не понимала почему, ведь, казалось бы, все складывается не так уж плохо. Может быть, потому, что больше не знала, *чего именно* она боится.

Утром и вечером, все полчаса, что она сидела за рулем своей маленькой белой машины, у нее ныл живот.

Ивон продолжал вести себя так, словно ни о

чем не догадывается. Она хотела бы, чтобы он *заговорил.* Но он молчал. Было, конечно, что-то неестественное в том, что, не считая утра после аварии, он ни разу не вспомнил ни о самом происшествии, хотя о нем говорили все, ни о принцессе, хотя все любят принцесс, не рассуждал о таком явлении, как *дианомания,* вызывавшем всеобщий интерес.

Когда Лу с ним познакомилась, ее больше всего привлекла его цельность. Она никогда не встречала такого цельного человека, по-настоящему цельного, который бы говорил то, что думал, делал бы то, что говорил, верил бы в то, что делал.

Но за последние две недели она поняла, что нет, не так уж он прост. Вернее, совсем не прост, напротив того — в нем уживались два разных человека.

У него было две страсти: паруса и мотоцикл. Он любил паруса за тишину и ветер, а мотоцикл — за двигатель. В море он никогда не вышел бы на моторной лодке, а по земле ни за что не поехал бы на велосипеде. И даже не понял бы, как можно разделять эти две страсти. "А в чем дело?" — спросил бы он.

В том дело, что у этого человека два лица: земное и морское. Этот прекрасный открытый

парень был одновременно расчетливым молчуном.

Лу больше не могла доверять ему. Она выходила из себя, не понимая, что именно он знает.

Она считала, что он знает. И недоумевала, почему он молчит. Она больше не могла выносить эту тишину рядом с собой, это постоянное настороженное молчание, эту пугающую власть над ней.

Она боялась его. На самом деле ей ясно было только одно: он предпочитает делать вид, что ничего не знает. Но почему? С какой целью? Щадит ее? Ждет, что она расколется? Хочет *держать ее в руках*? Обезопасить себя? Отмежеваться от нее?

Минутами, но все реже и реже ей приходило в голову: а может, он попросту ничего не знает? Такие минуты отдаляли их друг от друга. Лу видела, насколько они чужие люди. Она чудом сумела выбраться оттуда, откуда выбраться невозможно, а он ничего не заметил. Как может она продолжать жить с ним, если он не знает того, что с ней случилось, ее *единственной* истории? И если она сама, в свою очередь, недостаточно знает его, чтобы ему довериться?

*

В субботу, тринадцатого, Ивон уехал на мотоцикле в Ла-Рошель. Там проходил Салон морской техники и водного спорта, а он старался не пропускать ни одной навигационной выставки.

Лу не захотела поехать с ним вместе.

— А я думал, тебе нравится быть со мной вне повседневной рутины, — сказал он.

— Я тоже так думала, — ответила Лу.

Ей необходимо остаться одной. Побыть в одиночестве два дня, она и сама не знала зачем. Может, для того, чтобы остаться одной в полночь с субботы на воскресенье, вернее, в ноль часов двадцать минут.

И вот она осталась одна и в полночь убрала обратно в шкаф дорожную сумку, которую в полдень положила на обеденный стол, — весь день она избегала на нее смотреть. Уехать — одна из немногих вещей, которые в ее власти, но, наверно, это не самое удачное решение. Лу все время возвращалась к этой мысли. Уехать — значит выдать себя. Подсказать тем, кто не догадывается. Это значит признаться.

Лучше придерживаться другой линии поведения, очень трудной, требующей мужества: ничего

не делать, ничего не менять, как поступила бы девушка-которая-не-имеет-к-этой-проклятой-истории-никакого-отношения.

Когда Ивон вернулся в воскресенье вечером, Лу поинтересовалась его поездкой. Она приготовила ризотто.

— Эти водные выставки всегда проходят удачно, — сказал Ивон. — Я видел образцы новых моделей, повстречал знакомых.

И вдруг — словно бы он размышлял об этом весь день и вечером решил-таки сказать:

— Ты изменилась, Лу. Ты изменилась в один день, я даже могу тебе сказать, когда именно. В тот день, когда произошла авария леди Ди. Ты провела все воскресенье в постели и стала другой.

Лу встала из-за стола, подошла к нему, взъерошила его волосы и сказала:

— Что ты мелешь?

И решила расстаться с ним. Она старалась говорить спокойно и с трудом сдерживалась, потому что впервые осознала, что любит его.

Полночи она думала, как поступить. Она не собиралась выставлять его за дверь. Лучше бы он свалил сам. Но по нему не скажешь, что у него такие намерения. Надо вынудить его уйти. Тактика

ясна — устроить маленький ад, стать стервой, пилить, доканывать, в конце концов ему это надоест. Противно было даже думать об этом, она представила себе: слова, взгляды, всевозможные ухищрения.

*

То в жар, то в холод, то в жар, то в холод. Холоднее, совсем холодно, горячо, опять холодно. Шла третья неделя сентября, кольцо сжималось.

В понедельник, пятнадцатого, в "Фигаро" появилась небольшая заметка. "Судьи и полицейские работают не покладая рук. Началась третья неделя расследования", — говорилось в статье. Третья неделя моих пряток, сказала себе Лу. Состояние Тревора Рис-Джонса пока без изменений, он по-прежнему не может говорить. Теперь все ждали, о чем расскажет "мерседес". "В ближайшие дни эксперты собираются полностью разобрать машину. На сегодняшний день, — сообщала газета, — единственный след — царапина на кузове "мерседеса", происхождение которой до сих пор не установлено". Но экспертиза только началась. Посмотрим, что она покажет.

Во вторник экспертиза не показала ничего. И в среду тоже немного. Если Тревор и сможет дать

показания, то не раньше пятницы.

А в четверг — щелк, ловушка захлопнулась.

Заголовок на первой полосе "Фигаро": "Смерть леди Ди: неясный след другой машины", однако впервые этот след выглядел отчетливым. "Полицейские по-прежнему не исключают вероятность того, что на пути "мерседеса" оказалась пресловутая машина-помеха, — говорилось в статье. — Криминалисты смогли установить происхождение осколков заднего фонаря, обнаруженных в тоннеле Альма. Они принадлежат "фиату-уно".

"Фиат-уно". Марка названа. Было без четверти три, когда Лу увидела эти слова, черным по белому. Как и накануне, вовсю светило солнце. Она вернулась за "Монд" в тот же киоск, где купила "Фигаро". "Монд" еще не привезли. Она взяла утреннюю "Либерасьон".

"Либерасьон" не только подтверждала сведения "Фигаро", но и сообщала подробности. Им было посвящено добрых полстраницы. "Примечательные осколки в тоннеле Альма", — гласил заголовок, набранный огромными буквами. Подзаголовок, немногим мельче: "Полицейские разыскивают "фиат-уно", который мог столкнуться с "мерседесом" леди Ди".

Лу услышала голос Ивона: "Ты изменилась в один день. В тот день, когда разбилась леди Ди". Голос Мари-Но: "У тебя новая машина".

Статья была предельно ясной. "Исследование обломков, найденных возле разбитого "мерседеса" в тоннеле Альма, показало, что фрагменты заднего фонаря принадлежат не автомобилю Доди аль-Файеда и леди Дианы, но неустановленному "фиату-уно". Кроме того, эксперты лаборатории криминалистики обнаружили царапину и крупицы краски на правом крыле "мерседеса". Изучение улик может занять около месяца".

Я не выдержу месяц, сказала себе Лу. Не может быть и речи о том, чтобы и дальше ездить на "фиате".

А впрочем, почему месяц? — подумала она. Что это значит? Это предупреждение водителю "фиата": у вас есть месяц на то, чтобы явиться в полицию, потом мы сами придем за вами? Месяц... Что там изучать? Они и так все знают: задний фонарь принадлежит "фиату-уно", на поцарапанном правом крыле "мерседеса" остались частички краски. Куда уж яснее!

"Все владельцы "фиатов-уно", которые когда-либо пострадали от столкновения с "мерседесом-280-

S", должны явиться в полицию", — напоминали следователи.

Пора бежать, решила Лу. Она удивлялась собственной выдержке. На этот раз лай раздавался совсем близко, но она почти не испытывала волнения. Наверно, потому, что давно уже готовилась именно к этому. И потом, ей было о чем подумать, нужно разработать план действий, и быстро.

Она стояла на солнце, сунув под мышку свернутые газеты.

Избавиться от "фиата", расстаться с Ивоном и уехать из Вирофле. Все это можно сделать разом и одновременно — исчезнуть, раствориться. И для начала проще всего будет уехать на "фиате", чтобы не оставлять улик.

Она размышляла, не приступить ли к делу прямо сейчас, не заходя в ресторан, но потом решила дождаться вечера и вернуться в Вирофле, в потоке других машин. За нее решал страх, страх ребенка, который что-то украл, и ему кажется, что все на улице смотрят только на него. Она не смогла бы ехать по открытым местам, по свободным дорогам.

У Анжелы она за весь день не произнесла почти ни слова. Руки занимались своей работой: выгла-

дили двадцать скатертей, затем лепили сладкие пирожки с каштанами, а голова разрабатывала детали бегства.

Когда бежать, сегодня вечером? Может, и нет, размышляла Лу. Действовать нужно не только быстро, но и незаметно, покинуть Ивона и Вирофле так, чтобы сразу чего-нибудь не заподозрили, не сочли это бегством, и потом избавиться от машины без свидетелей. Надо все сделать как следует, без спешки.

Она дала себе двадцать четыре часа.

Сбежать так, чтобы это не выглядело побегом, нетрудно. Лу беспокоило и занимало весь день другое — куда девать машину.

— Эй, — крикнула Мари-Но с порога кухни, — ты меня слушаешь? Я спрашиваю, ты еще долго?

— Нет, нет, — ответила Лу, — уже иду.

Да. Избавиться от "фиата". Все три недели Лу спотыкалась именно об этот вопрос. Продать — значит выдать себя. Подарить — то же самое, если не хуже. Сбежать на машине за границу? Рискованно, учитывая пограничный контроль. И потом, заграница, заграница. Никакая катастрофа не наделала в мире столько шуму, как это авария в тоннеле Альма. Иностранные газеты перепечатали сведения о малейших уликах, най-

денных в Париже, слова "фиат-уно" уже известны тамошним полицейским. Интерпол наверняка начал розыск.

Можно еще бросить ее ночью в какой-нибудь глухомани. Лучше в лесу. И не забыть свинтить номерные знаки. Но Лу вспомнила, что номера, по которым устанавливают машины, выбиты на разных частях двигателя, она не знала, на каких именно.

Нет, правильно писали в детективах, самый простой и, пожалуй, единственный выход — машину утопить.

До сегодняшнего дня Лу думала, что не способна на это. Но сегодня, когда ей некуда отступать, она готова попытать счастья.

— Иду, — повторила она. — Еще две минуты.

Она попробует сегодня ночью. Надо будет выехать из Парижа, поехать вдоль Сены или Марны, найти какое-нибудь укромное место. Но остались ли еще такие места в пригородах Парижа? И если даже остались, как узнать глубину реки? Она не может рисковать, загнав машину на глубину в один метр.

Я найду, повторяла она. Я всегда нахожу. Для начала вернусь в Вирофле. Посмотрю атлас. Есть еще озера. Например, то большое озеро, где Ивон

со своим братом катаются на "пятерке", в Муассон-Лабакуре.

Она сложила гладильную доску, убрала ее в шкаф и присоединилась к Анжеле и Мари-Но на кухне, где пять килограммов каштанов противились чистке, упрямые, как настоящие маленькие корсиканцы.

Сначала надо было аккуратно снять ножом коричневую скорлупу, потом отделить от мякоти тонкую бурую кожицу, плотно обтягивающую каждую извилинку этого крохотного мозга.

Вдруг Лу подумала о мысе Канай, рядом с Касисом. Она забиралась на него раза два-три за те четыре года, что прожила на юге, у матери. Говорили, что это самый высокий мыс во Франции, четырехсотметровая скала над морем. Туда вела красивейшая дорога.

Лу вспомнила те несколько десятков метров, которые надо было пройти в сторону от дороги, как она отошла полюбоваться морем и крик матери: "Дальше не ходи, это опасно!" И правда, один неверный шаг — и рухнешь с высоты в четыреста метров. Когда она смотрела вниз на море, кружилась голова, внизу бились волны, но наверху не слышно было ни звука. Говорили, что там собирается марсельская шпана, — самое подходя-

щее место, чтобы скинуть в море предательскую машину. Перед глазами Лу стояли эти места, и впрямь самые подходящие. Новая дорога, что ведет к вершине скалы. Заросшая травой поляна, по которой автомобиль сможет проехать сам. И море, море. Никакого пляжа внизу, никаких выступов, которые могли бы помешать падению. Отвесный утес.

— О чем ты думаешь, Лу? — спросила Анжела.

И Лу глубоко рассекла себе левый указательный палец острым ножом, который держала в другой руке.

Когда она перевязала палец, выпила глоток чудовищной инжирной настойки, улеглась на одну из банкеток и укрылась одеялом, Анжела положила ей руку на плечо и сказала:

— С тобой что-то творится последние дни.

— Да, — ответила Лу, не открывая глаз. А потом, открыв глаза, добавила: — Мне нужно немного отдохнуть. Анжела, как вам кажется, я могу взять неделю отпуска?

— Я думала об этом, — сказала Анжела. — Бери, когда хочешь.

— Можно с сегодняшнего дня? — спросила Лу.

— Никаких проблем, — уверила ее Анжела. — В ресторане все идет по накатанной. Сейчас Мари-

Но и сама справится. Иди и отоспись недельку.

Вечером Ивон вернулся домой ужасно возбужденный. Шеф предложил поехать с ним на старт гонки "Уитбред" в Саутгемптон, в воскресенье.

— Куда? — переспросила Лу.

— На "Уитбред", лучшую океанскую парусную гонку, — объяснил Ивон.

Та гонка, в которой он мечтал когда-нибудь поучаствовать, знаменитая кругосветка. Участники отправляются из Саутгемптона, Мекки английского парусного спорта, — дивное место на южном побережье. Жерар дал им приглашение на лодку сопровождения, которая довольно долго будет следовать за парусниками.

Жаль было омрачать такую радость. Лу постаралась улыбнуться.

— Соблазнительно, — сказала она. — Как добраться до Саутгемптона?

— На мотоцикле, — сказал Ивон, на мгновение сжав ее в объятиях. — А через Ла-Манш на гидроглиссере, всего три-четыре часа от Парижа.

Неужели я снова стану когда-нибудь такой же цельной? — спрашивала себя Лу. Скроенной из одного куска, ясной и открытой, не похожей на ящик с двойным дном.

Ивон не заметил ее повязки на левой руке. Она

ничего не сказала о неделе отпуска.

Ночью она решила, что всю пятницу посвятит исследованию берегов Сены, поедет на запад, так далеко, как это понадобится. Она просыпалась, повторяла про себя свой план, снова засыпала. Одного дня должно хватить. Она дождется ночи и избавится от "фиата". А если этот план не удастся, если она не найдет укромного места, куда можно проехать на машине, она не станет терять времени и сразу отправится на мыс Канай. Тем же вечером доедет до Касиса, по южной автостраде. К утру субботы будет на месте. И если повезет, управится затемно.

Она уже видела, как спускается пешком через густые заросли на маленький вокзал в Касисе. Садится в первый же поезд, идущий на восток. В Каннах или в Ницце она подыщет себе работу. В этих местах полно ресторанов, и итальянская граница совсем рядом.

II

Когда Ивон встал, она сделала вид, что спит. Перед уходом он подошел к ней и поцеловал в затылок.

— Хороший прогноз, — прошептал он.

— Там солнце? — спросила Лу, уткнувшись лицом в подушку.

— Я говорю про воскресенье, — сказал Ивон, — на Ла-Манше обещают ветер, будет здорово. До вечера.

Лу услышала, как хлопнула входная дверь. Она встала, поразмышляла, стоит ли убирать постель, все-таки убрала. Было полдевятого.

Вечером она не вернется в Вирофле, независимо от того, получится найти подходящее место на Сене или нет. Она вынула из тайника дорожную сумку. Погода была совсем летней. Она твердо решила уехать как можно быстрее и не оглядываться напоследок. Это только вещи, только мебель, твердила она себе всю ночь напролет и сейчас опять повторяла то же самое.

Она не стала слушать радио. Там могли прозвучать слова, которые она не в силах услышать, и,

кроме того, она должна быть предельно собранной. Но она также знала, что не сможет долго выносить тишину.

Она надела одежду, висевшую на спинке стула, ту же, что была на ней вчера: серо-бежевые штаны, котоновую черную рубашку с короткими рукавами.

Одеваясь, она спрашивала себя, не опасно ли ехать туда на "фиате". Могут увидеть, как она рыщет по берегам Сены. И даже если сегодня это не будет выглядеть подозрительно, то потом, когда объявят розыск, многие вспомнят: слушай-ка, а не тот ли "фиат-уно" мы видели в пятницу, он еле полз вдоль реки?..

Я что-нибудь придумаю, сказала себе Лу. Решено. Она оставит машину в Сен-Жермен-ан-Лэ или в Пуасси, возле вокзала, на целый день. На железнодорожных вокзалах есть прокат велосипедов. Она поедет на велосипеде. Порез на пальце будет ей мешать, ну и пусть. Никто не обратит внимания на девушку с велосипедом на берегу Сены прекрасным сентябрьским днем.

Она засунула в сумку мишленовский путеводитель по пригородам Парижа, проверила, на месте ли запас наличных денег, и замерла. Она давно решила уехать, не оставив никакой записки, но

сейчас, когда пора было выходить, это показалось ей неосмотрительным. Ивон может подумать, что с ней случилось какое-то несчастье, начать ее искать. Это уж явно лишнее, ее и так ищут.

Она взяла на кухне блокнот и ручку и присела за стол в столовой. Несколько секунд она туда-сюда раскачивалась на стуле. Сейчас не стоило быть нежной. Решившись, она быстро написала: "Не ищи меня".

Потом добавила: "Пожалуйста". Она быстро встала, вырвала страницу, положила ее на стол, на самом виду, возле блокнота.

Взяла обе свои сумки, вынула из сумочки ключи и открыла дверь на лестничную площадку.

— Луиза Леруа? — произнес из темноты мужской голос.

Зажегся свет, и Лу увидела перед собой узкое и острое — точно лезвие бритвы — лицо механика из автомастерской в Сен-Сире.

Она захлопнула за собой дверь.

— Что вам надо? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Что мне надо? — переспросил он. — Ты не узнаешь меня?

— Я вас прекрасно узнала, — сказала она, пытаясь выгадать минуту, чтобы собраться с

мыслями. — Почему вы разговариваете со мной на "ты"?

— Не обращай внимания, — ответил он, — я со всеми так разговариваю. Что мне надо... Ты не догадываешься?

— Не имею ни малейшего представления, — сказала она. — Дайте мне пройти, я тороплюсь на работу.

Механик показал взглядом на дорожную сумку в руке Лу.

— Заметно, — проговорил он, — торопишься смыться? Я тоже должен был быть на работе. Но иногда что-то нарушает наши планы. Такое случается.

Лу развернулась и начала трезвонить в дверь.

— Я позову мужа, — пригрозила она.

Механик только усмехнулся.

— Твоего мужа нет дома, — сказал он. — Я видел, что в половине девятого он уехал, как всегда, на своей "ямахе". Впрочем, он тебе не муж. Я навел справки. Я знаю часы работы его лавки, с девяти до девятнадцати, я туда даже наведался, "Ботик", в Монруже. Давай войдем, это хорошая мысль. Надо поговорить.

Боясь, что их кто-нибудь услышит, Лу открыла дверь. Руки у нее дрожали. Механик вошел за

ней, закрыл дверь. От него пахло кожей, потом и табаком.

Лу подошла к столу, обернулась и встретила взгляд механика. Она готова была поклясться, что у него с собой нож.

— Не дергайся, — сказал он, — я не сделаю тебе ничего плохого. Но вот в чем штука: я знаю, кто был за рулем машины-помехи, которую ищут все полицейские, в ночь с тридцатого на тридцать первое августа на въезде в тоннель Альма. Полагаю, об этом мало кому известно. И нахожу это несправедливым, потому что на свете очень много людей, которым хотелось бы это узнать.

— А при чем здесь я? — спросила Лу.

— Дай мне договорить, — продолжал механик. — Не впадай в панику, я не прошу тебя заявлять в полицию, я и сам не люблю легавых. Нет, я просто хочу, чтобы ты пошла со мной к одному человеку из "Пари-матч" и все рассказала, в обмен на миллион франков, которые мы поделим, ты и я, перед тем как окончательно распрощаться. Три четверти мне, потому что это я придумал, и четверть тебе, чтобы ты смогла нормально устроиться где-нибудь в другом месте.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Лу быстрее, чем следовало бы. — Я не имею к этой

аварии никакого отношения.

— Из-за тебя мы попусту теряем время, — с расстановкой произнес механик. — Ты можешь объяснить, где грохнула задний левый фонарь тридцать первого в первом часу ночи? И где поцарапала кузов?

— Я обнаружила свою машину в таком состоянии в понедельник утром, — сказала Лу. — Кто-то въехал в нее ночью. Я оставила ее на улице.

— Ну конечно, — начал он. — Машина, которую ты всегда оставляешь в гараже, внизу…

— В ночь аварии я была дома, — перебила она, — здесь. По субботам я не работаю, я отдыхаю.

— Обычно не работаешь, — уточнил он. — Не старайся, я все знаю. Это не совсем правда, что ты не работаешь по субботам. Ты работаешь через субботу, большей частью по утрам, а иногда всю субботу целиком, в те дни, когда Анжела открывает ресторан вечером, для всяких торжеств. И как раз в субботу, тридцатого, в ресторане отмечали день рождения. Было тридцать пять человек.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Лу. — Это какая-то ошибка.

Она увидела, как сузились глаза Индейца.

— Если ты будешь продолжать в том же духе,

мы заявим копам, что у "фиата-уно" номер 1904 VK 92 в понедельник первого сентября был вдребезги разбит задний левый фонарь и поцарапана левая сторона кузова. Все. Я не собираюсь сидеть тут целый день. Да, я сообщу также, что хозяйка "фиата", Луиза Ориган, в автомастерской назвалась чужим именем.

Лу не нашлась что сказать. Она посмотрела на записку, оставленную на середине стола, и перевернула листок.

— К тому же у меня в руках бесценная бумага, — продолжал Индеец. — Бумага, которая послужит доказательством. У моего босса есть тетрадь на спирали, в которую он записывает все машины, которыми мы занимаемся, марку, номер, владельца. Отдельная страница на каждый день.

Он похлопал ладонью по своей куртке из коричневой кожи, где-то возле сердца.

— Тут как раз страница за первое сентября, где записано все, что многих интересует: "фиат-уно", номер 1904 VK 92, заменить задний левый фонарь, перекрасить левую сторону кузова, Луиза Леруа…

— Я предпочитаю все-таки пойти к копам, — сказала Лу.

— Ну и славно, — сказал Индеец, — хватит ва-

лять дурака. Думаешь, я любезно подвезу тебя до ближайшего комиссариата? Думаешь, что все решаешь ты? Ошибаешься. Через пару дней ты у меня станешь паинькой, дорогуша. Незачем дарить информацию, которая стоит таких денег.

— Я не хочу встречаться с журналистом, — сказала Лу, — не хочу, чтобы меня фотографировали.

— А ты полагаешь, что копы защитят тебя от журналистов? — спросил Индеец. — Ошибаешься. Если ты обо всем расскажешь полиции, тебя не только осудят за побег и неоказание помощи пострадавшим при автоаварии, а это тянет на несколько лет, но делу дадут максимум огласки. Копы себе в этом не откажут. Им тоже нужны деньги, а ты как думала? Пресса будет ходить за тобой до конца твоих дней. Еще бы: девчонка, которая стала причиной смерти леди Ди! За тобой будет ходить *вся* пресса, пресса всего мира. Тогда как у меня ты засветишься всего один раз, и баста. Расскажешь, как было дело, и мы смываемся. Устроишься на новом месте, где тебя знать не знают. Да, у меня есть один канал, чтобы получить новый паспорт, — дороговато, конечно, но зато очень быстро и надежно.

— Мне надо подумать, — сказала Лу.

Она села за стол, откинулась на спинку стула, свесив руки. Она чувствовала себя разбитой, в голове было пусто.

— Думай, — сказал Индеец. — Я не тороплюсь.

Он прислонился к окну, не сводя с нее глаз.

— Ваш план не сработает, — сказала Лу, избегая его взгляда. — Вы же понимаете, что все линии "Пари-матч" прослушиваются. Полиция поймает журналиста, и мы окажемся за решеткой, я за… а вы за похищение, насильственные действия…

— Не думай, что имеешь дело с салагой, — сказал механик. — Я все учел. Ты права, конечно, ты выдашь свою сенсацию не по телефону. Мы назначим встречу, ты, я и журналист, в каком-нибудь тихом местечке. Ты расскажешь свою историю. Имя называть не нужно, просто скажешь: Луиза Леруа, или как там ты хочешь. Он, наверно, запишет твой рассказ и сделает несколько фотографий.

Лу покачала головой, она по-прежнему смотрела в стол перед собой.

— Все, — сказал Индеец, отходя от окна. — Хватит думать, пошли. Сматываемся, вместе с твоим фиатишкой.

Лу словно бы ожила.

— Мы не можем ехать на этой машине, — сказа-

ла она, — от нее нужно избавиться, и как можно быстрее.

— Избавиться, избавиться, — повторил Индеец. — Я согласен, сейчас не время подставляться. Но эта тачка тоже ценится на вес золота, мы не можем сбагрить ее. Мы ее аккуратненько спрячем, мне она может понадобиться — как вещественное доказательство. Допустим, журналист будет сомневаться, потребует фактов. Или, положим, тебе удастся от меня сбежать, и я тут же напишу копам: хотите знать, где "фиат"? Ничего проще…

Лу выпрямилась и посмотрела ему в глаза:

— Я предлагаю вам сделать по-другому. Вы откажетесь от своего плана, а я… я буду вашей.

Индеец расхохотался. Во дает! Он покачал головой:

— Ты ошиблась, цыпочка! Не хочу показаться тебе высокомерным, но надо совсем меня не знать, чтобы попытаться взять этим. Давай, давай, поторапливайся. Еще одно, прежде чем смыться, — записка. Пару слов на прощание.

Он перевернул листок из блокнота и прочел то, что Лу пыталась утаить от него.

— Прекрасно, — сказал он, положив листок на видное место, на стол. — Я собирался заставить тебя написать твоему мужику, чтобы он не очень

беспокоился, но вижу, ты догадалась сама. Не буду тебе диктовать ничего другого.

— Я забыла подписаться, — сказала Лу, пододвинув к себе листок, и дописала: "Луиза". Не успела она положить ручку, как он ударил ее кулаком в плечо так, что она чуть не упала со стула.

— Ты издеваешься надо мной, — прошипел Индеец. — Твои уловки шиты белыми нитками. Ты все перепишешь и подпишешься: Лу, а не Луиза. Я навел справки, говорю же тебе.

Он схватил бумагу.

— Давай, — велел он, — живо. Не тяни время.

— Вы не видите, что меня трясет? — сказала Лу. — Если хотите, чтобы мы все сделали быстро, не пугайте меня.

— Давай, — сказал Индеец чуть мягче. — Пиши то же самое.

Лу переписала намеренно жестокие слова — обоюдоострые, от которых было больно ей самой. Индеец сравнил оба листка.

— Ты не изменила почерк, — заметил он, — это хорошо.

Он смял первый листок и засунул в карман джинсов.

— Сиди, — сказал он. — Я посмотрю, что за барахло ты взяла с собой.

Он поставил на стол ее дорожную сумку, открыл, посмотрел, что внутри, вытащил косметичку и изучил ее содержимое. Не говоря ни слова, вынул оттуда маленькие ножницы и тоже сунул к себе в карман. Закрыл косметичку, убрал ее обратно, застегнул сумку.

— Пошли, — сказал он.

Лу встала. Ее сумка-торбочка так и висела у нее на плече, все те десять минут, что она пыталась договориться с Индейцем. Он отобрал и ее, дернув за узкий ремешок. Лу не ожидала этого, он застал ее врасплох.

— Эту сумку я тоже возьму, — заявил Индеец. — Кое-что оттуда мне скоро понадобится: ключи от твоего "фиата", от гаража, пульт для ворот…

— Там есть вещи, которые мне нужны, — сказала Лу, — особенно если придется уехать за границу: мое удостоверение личности, бумажник.

— После разберемся, — сказал механик.

Он протянул Лу открытую торбочку:

— Вынь мне для начала ключи от гаража и машины. И от квартиры, естественно.

Лу повиновалась. Индеец повесил торбочку себе на плечо, левой рукой взял дорожную сумку. Перед дверью он замедлил шаг.

— Спокойно пойдешь со мной до гаража, — предупредил он. — И если мы кого-то встретим, ты не пикнешь. Только попробуй заорать! Если мне придется бежать, если меня сцапают, знаешь, что я скажу копам? Я скажу: я как раз уговаривал ее пойти в полицию. Ей есть что рассказать, а у меня есть бумага, которая вас наверняка заинтересует.

Он пропустил Лу вперед и держал ее за руку, пока закрывал дверь.

В лифте он сразу нажал на кнопку "подвал", словно знал дом как свои пять пальцев. Лу старалась не упустить ни одного его движения. Они вышли в темный коридор с гаражными отсеками. Индеец не стал нашаривать выключатель, казалось, он все здесь давно изучил.

В гараже он зажег свет, взял Лу за локоть и подвел к багажнику.

— Наверно, тебе это не очень понравится, — сказал он, — но ехать придется здесь.

Он открыл багажник.

Лу шагнула назад:

— Вы не можете запереть меня там!

— Всего на пару часов, — ответил Индеец. — Его рука держала локоть Лу словно тиски.

— Но я не понимаю зачем, — закричала Лу. —

Давайте я сяду назад. Если вы хотите, чтобы меня не было видно, я… я лягу на пол…

— Ты слишком много споришь, — сказал Индеец.

Он вынул из кармана что-то вроде ремешка — видно было плохо, он все делал быстро — и связал ей запястья. Лу понимала, что, если она закричит, он убьет ее. Потом он два раза обернул ей лицо какой-то косынкой и завязал узел. Движения его были быстрыми и точными. Без особых церемоний он затолкал Лу в багажник, немного сдвинул ткань, чтобы освободить нос, и захлопнул крышку.

Лу заплакала навзрыд. У нее болело правое бедро, наверно, падая она ударилась о край багажника. Она услышала, как завелся двигатель; машина тронулась, вырулила и стала набирать скорость.

*

Она долго плакала в темноте. Щеки были мокры от слез. Она крепилась изо всех сил, когда обнаружила на своей лестничной площадке механика из мастерской, и потом, когда поняла, что ему от нее нужно, — именно от этого она всячески пыталась увернуться последние три недели. Но

когда ее схватили, связали, и, как сверток, швырнули в багажник, она сдалась. Ей вспомнилась старая истина: мужчина и женщина могут быть наравне до тех пор, пока мужчина не поднимет на женщину руку. Правило, знакомое сызмала, — ей казалось, она уже вытравила его из памяти.

Она пошевелила подбородком, насколько это было возможно, и после долгих усилий чуть ослабила узел.

Машина двигалась ровно, наверно, они уже выехали из города и катили куда-то в сторону полей и лесов. Понемногу Лу успокоилась.

Когда он закинул ее в багажник, она упала на спину, ноги оказались притянуты к животу, колени прижаты друг к другу. Крышка захлопнулась, и она очутилась в ящике, как будто подогнанном под ее размеры. Этот багажник, который раньше казался таким большим, багажник ее машины, был ей едва впору, по длине, ширине, высоте, и то если подобрать ноги. Она лежала в такой позе, потому что никак иначе лежать не могла. Она попробовала перевернуться, но ничего не вышло. Невозможно было лечь на бок, свернувшись калачиком, ни вытянуться, ни распрямить спину. Спина упиралась в пол багажника, но поскольку места было мало, пришлось согнуть шею и при-

поднять голову.

Хорошо хоть косынка завязана впереди, около рта. С узлом на затылке лежать было бы еще неудобней. Очевидно, Индеец все продумал, все просчитал: ее рост метр семьдесят три, вес шестьдесят шесть килограммов, размеры багажника "фиата-уно", как лучше завязать косынку…

Все не так ужасно, сказала себе Лу. Я могу дышать, мне не так уж и плохо. Шума меньше, чем она себе представляла, он не оглушал ее. Даже хорошо, что багажник тесный. На поворотах она упиралась в стенки то ногами, то головой. В "мерседесе" было бы куда хуже, говорила она. В огромном багажнике меня бы мотало туда-сюда, било бы о стенки — я точно свихнулась бы.

Ее беспокоило только, что придется пролежать так несколько часов, не меняя положения. Каждая выбоина отдавалась в ее теле; прижавшись спиной к железному полу, она чувствовала каждую неровность дороги, каждый камешек на шоссе. Ничего, повторяла она. Все нормально.

Время, которое она провела в багажнике, казалось ей бесконечным, трудно было понять, сколько часов прошло — два или шесть. Проносились в памяти какие-то обрывки рассказов о людях, побывавших в плену или долгое время

находившихся под завалом. Когда ты один в темноте и невозможно узнать, который теперь час, надо попытаться сохранить представление о времени, включить свои внутренние часы, определиться во времени суток, потом в календаре, потом… Пятница, девятнадцатое сентября, — начала Лу. Он заявился ко мне около девяти, мы вышли из дома примерно через полчаса. Сейчас, наверно, почти полдень. Пятница, девятнадцатое сентября, середина дня, где-то так.

Она вспомнила еще, что расчеты всегда оказывались неверны. Освободившись из заточения, люди удивлялись своей ошибке — в действительности времени прошло гораздо больше или гораздо меньше, чем им казалось.

Она попыталась определить и свое местонахождение — по звукам, которые доносились снаружи. Это оказалось еще труднее — она слышала только ближайшие звуки: шорох колес по асфальту, стук мелких камешков по машине. Вот если бы двигатель перестал работать и автомобиль надолго остановился, догадаться было бы проще. Но водитель не собирался останавливаться. Лу не могла даже различить на слух, одни ли они на дороге или в потоке других машин на забитом шоссе.

У нее болели колени — ноги приходилось держать согнутыми; болел затылок и плечи. Это не так страшно, снова подумала она. Моей жизни ничто не угрожает. Этот человек не может просто избавиться от меня: не убьет же он курицу, несущую золотые яйца. Я нужна ему, я должна постоянно помнить об этом. Я — его деньги.

Но перед глазами тут же возникала картина: она стоит перед журналистом, охотником за сенсациями, он заставляет ее говорить, повторять, перечислять подробности, фотографирует ее. Она этого не хотела.

Она этого не хотела. Она не будет говорить. Вот как она поступит — дождется встречи с журналистом и объяснит ему: "Мне нечего вам рассказать, я ничего не видела, этот человек шантажирует меня ради денег, и ему наплевать, что я не имею к этой аварии никакого отношения; он похитил меня, но с таким же успехом мог похитить кого угодно..."

И что тогда? Шантажист может съехать с катушек, разозлиться и наброситься на Лу и на журналиста. Или сбежит, поняв, что его план провалился.

Так он тебе и сбежит. Эта скотина все обдумал и, конечно, не растеряется. С него станется при-

влечь журналиста на свою сторону, и Лу окажется лицом к лицу с двумя тварями вместо одной. "Строит из себя невинную, — скажет Индеец. — Естественно. На ее месте вы бы делали то же самое. Она три недели молчала, она, понимаете ли, *не хочет* ничего говорить. Как вы думаете — почему? Потому что ей есть что скрывать, кой-какие грешки… Вот что я вам предлагаю: проверим, все очень просто, и вы увидите, кто говорит правду".

В эту минуту "фиат" сбросил скорость. Секунда, еще одна — и двигатель затих.

Лу вся сжалась от страха. Она услышала, как дверца открылась и закрылась, щелкнул замок. А потом ничего.

Никогда еще ей не было так страшно. Она подумала: машина в огне, услышала треск пламени. В нос ударил запах бензина.

Проходили минуты или часы. Она как-то обмякла, может быть, потеряла сознание. Очнулась она от легкого прикосновения и долго не понимала, что это: ее обдувал ветерок.

Где-то в отдалении послышался гул двигателя. Она вздохнула с облегчением — гул приближался. Вскоре машина остановилась, двигатель заглушили. Прошла еще одна бесконечная минута,

потом хлопнула дверца, и багажник распахнулся. Перед ней стоял Индеец; Лу закрыла глаза.

— Давай, — сказал механик, — небольшой передых.

Лу открыла глаза. Она увидела над собой листву, лиственный свод, где-то далеко. Пахло лесом, землей. Можно было наконец разогнуть ноги. Индеец снял с ее рук ремень, а заодно снял и часы — их он сунул к себе в карман. Развязал платок.

— Выходим, — сказал он.

Когда Лу села, у нее вновь заболело бедро. Кружилась голова. "Фиат" стоял на какой-то поляне, в лесу. Рядом стояла еще какая-то машина темно-синего цвета. Солнце проглядывало сквозь ветки деревьев. Слышалось только, как ветер гулял между веток и пели птицы.

— Где мы? — спросила она.

— В Гренландии, разве не узнаешь? — ответил Индеец. — Вылезай, я остановился из-за тебя, чтобы ты могла размять ноги. Поторапливайся. У тебя пять минут, не больше.

Лу кое-как вылезла из багажника, ступила на землю и рухнула. Ноги ее не держали.

— Это пройдет, — невозмутимо сказал Индеец.

Лу вытянула сначала одну ногу, затем другую. Ноги слушались.

— Суставы одеревенели, — сказал он, — вот и все.

— Откуда вы знаете? — спросила она, пытаясь выпрямиться. Она не хотела лежать у ног этого человека. — Вас тоже запирали в багажник?

— Не твое дело, — ответил Индеец. — Хочешь есть, пить?

— Нет, — проговорила Лу. — Все, я больше не выдержу.

— Советую тебе походить немного, — сказал он, — мы пока не приехали. Тебе придется еще сколько-то времени побыть взаперти.

Лу с трудом сдержала слезы. Она встала на колени, потом на ноги, держась руками за багажник. Повязка на ее левом пальце была в крови. Она медленно сделала несколько шагов. Как мало нужно, чтобы превратить человека в развалину, подумала она. В калеку.

Сколько же раз она видела фильмы, где пленники выпрыгивали из своих нор, как чертики из бутылки, тремя мастерскими ударами сбивали с ног тюремщиков и те, словно кегли, валились на землю один за другим. Индеец не спускал с нее глаз и курил, облокотившись на "фиат".

Он посмотрел на часы, раздавил сигарету и хлопнул в ладоши.

— Все, перемена закончилась, — объявил он.

Лу вернулась к нему, не сказав ни слова. У нее не было сил посмотреть ему в лицо.

— Нет, — сказал он, когда она подошла к "фиату", — теперь у тебя будет другая карета, принцесса.

Он открыл багажник темно-синей машины:

— Тебе тут будет лучше. Это "пежо", в нем больше места.

Видно было, что багажником много пользовались. В нем валялась старая канистра, обрывки картона, пожелтевшие газеты.

Лу не решалась залезть туда.

— Ты сама залезешь или тебе помочь? — резко сказал Индеец.

Она с трудом вскарабкалась внутрь.

— Дай руки, — потребовал он и, увидев повязку на пальце, спросил: — Что это у тебя?

— Вам это правда интересно? — ответила она.

Он снова стянул ей руки, завязал платок. Она испугалась, что крышка багажника ударит по голове, и забилась в самую глубину. Пахло бензином и грязью. Индеец поднял руку и сказал:

— Мне надо кое-что сделать, это не займет много времени. — И захлопнул крышку.

Лу услышала, как он завел "фиат" и уехал.

Здесь можно свернуться калачиком, все остальное не имеет значения. Она потерлась щекой о пластмассовую канистру под головой, пытаясь ослабить косынку на лице. Мысленно она видела, как "фиат" медленно тонет в мутной воде. Ей было все равно.

Она мельком подумала об Ивоне, словно вспоминая о давно ушедшей жизни, далеком прошлом. Ивон ничем не мог ей помочь. Она сама решила уехать.

Открывшаяся дверь заставила ее вздрогнуть. Должно быть, она заснула. "Пежо" тронулся с места, машину затрясло, наверно, свернули на лесную дорогу. Потом начался ровный путь, без ухабов. Лу снова упиралась то головой, то ногами в стенки на поворотах. Ей было плохо в этой машине, она все время скользила туда-сюда. И совершенно не представляла себе, который теперь час.

Ей пришло в голову, что в эту самую минуту десятки людей, как и она, заперты в багажник. Люди, которых похитили, люди, которые скрываются. Кто знает, не для того ли существуют автомобильные багажники.

И для трупов, подумала она, чувствуя, как пульсирует кровь в левом пальце, на месте пореза.

Конечно же Индеец может ее убить. Это даже в его интересах, когда он покончит со своими делами. Уберет ненужного свидетеля и прикарманит весь куш.

Я вцеплюсь в журналиста, подбадривала себя Лу. Попрошу у него помощи. Буду кричать.

Чего уж там, Индеец предусмотрел, конечно, и такой вариант. Их отъезд он продумал в мельчайших подробностях, продумал и все остальное. Тошнота подступила к горлу, рот наполнился кислятиной. Ее охватило отчаяние.

В конце концов, это расплата за цепь жестокостей, поняла она. Одна жестокость влечет за собой другую.

Чарльз вел себя с Дианой по-скотски, женившись на ней и продолжая в открытую ей изменять. Диана отплатила ему тем же, она публично смеялась над ним. Способная ученица быстро обогнала учителя. Она не щадила никого — ни мужа, ни его семью. Дальше — больше, рядом с ней без конца мелькали какие-то ничтожные плейбои: она как будто дразнила этих скотов из Виндзора, подсовывала им пилюлю за пилюлей, предвкушая, как вытянутся их чопорные физиономии.

Но в Париже этот маленький зверек попался в

лапы настоящих хищников. Папарацци не пощадили ее. Она никогда не скрывала, что ненавидит их. Месье Поль тоже особо не церемонился, зверски выжал газ на своем зверском автомобиле, еще бы немного — и от Лу осталось бы мокрое место…

И Лу одолел страх, животный страх быть растерзанной прессой и телевидением, оказаться на арене этих цирков современного мира, где одни звери убивают других.

Она уже свыклась со своим страхом, пока механик не вздумал ее шантажировать. Что я, дурак отказываться, дорогуша… Он знал, что в редакции самой читаемой во Франции газеты все будут на его стороне.

Звери, повторяла себе Лу. А разве сбежать с места аварии — не зверство? Не зверство — скрыться, не оказать помощи раненым людям?

*

Машина снова остановилась, и после долгой тишины багажник открылся. Наверно, Индеец осматривался и выжидал какое-то время, желая удостовериться, что вокруг никого нет. В темноте смутно виднелись деревья, должно быть, снова какой-то лес.

— Мы возвращаемся в город, — объявил Индеец. — Я встречался с людьми из "Пари-матч". Сказать, что они заинтересовались, — значит ничего не сказать. Я договорился о встрече в полдень. Повторяю, все будет очень быстро.

У Лу по-прежнему был завязан рот, но глаза говорили вместо нее.

— Видишь, какой я добрый, — сказал Индеец, — я не стану запирать тебя на ночь в багажнике. Но ты должна слушаться беспрекословно… Кровать я тебе обеспечу, если сделаешь все, что скажу. Слушай внимательно. Ты сядешь рядом со мной, впереди. Мы приедем на место где-то через минут двадцать-двадцать пять. Выйдешь со мной под руку. Уже поздно, на улице будет мало народу, но не вздумай к кому-нибудь обратиться. Ты помнишь наш уговор. Если все сорвется, ты знаешь, что я скажу легавым. Вы как нельзя кстати, мы только что о вас говорили, я из кожи лез, уговаривал ее пойти к вам… Понятно?

Он наклонился к Лу и снял платок, но руки развязывать не стал. Она попыталась вылезти из багажника сама. Он схватил ее за плечи и поставил на ноги, поддерживая, чтобы она не грохнулась. Она снова поразилась точности его движений.

Он довел ее до переднего сиденья, усадил, пристегнул ремень поверх ее связанных рук и, быстро обежав машину, сел за руль.

Видимо, они были в настоящем лесу, а не в рощице, поскольку выбирались из него добрых десять минут. Фары освещали проселочную дорогу. Индеец отлично знал, куда ехать.

Они выбрались на узкое шоссе и оказались на открытой местности. Появились дома, их становилось все больше, замелькали освещенные квадратики окон. Машины почти не встречались. Лу ничего здесь не узнавала.

Она подумала, что лучше не задавать вопросов. Индеец посмотрел на нее:

— Я бы не хотел, чтобы ты знала, куда я тебя везу. Поэтому откинься на спинку и сделай вид, что спишь. Давай.

Лу откинула голову назад и закрыла глаза. В одном она была согласна с этим бандитом: в ее интересах притвориться паинькой.

— Я скажу, когда открыть глаза, — предупредил он. — Отсчитай пять минут.

И в самом деле, вскоре Лу почувствовала, что машина остановилась, потом опять тронулась, сдала назад; похоже, он искал место для парковки. Потом выключил двигатель.

— Можешь открыть глаза, — объявил Индеец, — приехали.

Они остановились в конце какой-то тихой улочки, идущей под уклон. Все казалось фиолетовым из-за света фонарей и витрин. А так — обычные здания парижского пригорода, какого-то совершенно незнакомого пригорода, скверные старые постройки.

— Видишь эту дверь? — спросил Индеец, не двигаясь с места. — Мы идем сюда, в дом номер девять. Я открою тебе дверь, развяжу руки, и ты пойдешь вперед. Безо всяких фокусов подойдешь к двери, войдешь, там справа кнопка. Не бойся, я пойду за тобой. Я включу свет, и ты поднимешься по лестнице, по-прежнему впереди, на седьмой этаж. И чтоб было тихо. Ясно?

— Да, — ответила Лу.

Индеец достал с заднего сиденья обе ее сумки, вышел из машины, открыл дверь с ее стороны. Развязал кожаный ремень, которым стянул ее запястья, и наблюдал, как она вылезает из машины. Лу, как было ей велено, пошла к дому номер девять и толкнула дверь. На лестнице пахло овощным супом.

— Наверх и по коридору, — полушепотом сказал Индеец. Пока он открывал выкрашенную в

серый цвет дверь, он придерживал Лу за локоть, потом втолкнул ее внутрь и включил свет.

Пахло затхлостью. И тем не менее комната имела вполне жилой вид. Это была достаточно большая комната — серый пол, из мебели — кровать, стул, шкаф; повсюду коробки, красный и очень грязный рюкзак, нейлоновый чемодан. Ставни единственного окна были закрыты. Здесь живут, но не постоянно, точнее — наведываются время от времени, скорректировала Лу свое первое впечатление.

— Сортир там, — показал Индеец на дверь в углу. — Извини, не запирается.

По более светлому отпечатку на краске Лу поняла, что замок изнутри сняли совсем недавно. Лу прежде и не догадывалась, какое это счастье — облегчиться спокойно и без спешки. Она протерла глаза, пошевелила всеми пальцами, круговыми движениями помассировала голову.

— Ты там заснула? — спросил Индеец, когда она вернулась в комнату. Он снял свою куртку. На нем была серо-синяя мятая рубашка навыпуск и джинсы. Худой, даже худосочный, как будто всю жизнь недоедал, но в этом заморыше чувствовалась несгибаемая твердость.

— Не будем терять времени, — сказал он, — нам

обоим надо отдохнуть. Ты ляжешь здесь.

Он показал на кровать. Лу улеглась прямо на полосатое покрывало, постеленное поверх матраса. На этот раз механик связал ей ноги тем же кожаным ремнем. От него сильно пахло потом, почувствовала Лу; ее мать называла это "пахнуть мужчиной". От Ивона пахло лосьоном после бритья и туалетным мылом.

— Сейчас мы чего-нибудь съедим, — сказал Индеец. Из небольшой картонной коробки, лежащей на полу, он вынул несколько упаковок печенья и две бутылки минеральной воды. Потом подошел к Лу. — Настоящее печенье. — Он протянул ей две пачки и бутылку воды.

Лу принялась за еду, уставившись в потолок. Она по звуку поняла, что механик сидит рядом с ней и тоже жует печенье. Только это она, пожалуй, и может сейчас есть, сказала она себе. Вода была теплой, очень вкусной.

В доме стояла почти полная тишина. Изредка с улицы доносился звук проезжавших машин. Индеец, похоже, прочитал ее мысли.

— На этаже никого нет, — проговорил он, — тебе, наверно, интересно об этом знать.

Лу ничего не ответила. Она как-то незаметно для себя доела первую пачку. Она подняла голову

и стряхнула крошки с себя и с покрывала. Ничего ей так не хотелось, как вытянуть ноги и поспать. Она обернулась. Индеец сидел на стуле и смотрел на нее.

— Вам так нужны деньги? — спросила она.

— Если хочешь знать, — ответил он, — я давно ждал возможности изменить свою жизнь. Я не знал, что в мастерскую придешь ты, — это мог быть капитан какого-нибудь грузового судна, ищущий матроса, или…

— Вы пытаетесь меня убедить, что бандитами становятся случайно? — оборвала его Лу.

— Тебе никогда не хотелось все бросить и начать с нуля? — спросил Индеец.

— Ничего не выйдет, — сказала Лу.

— Спорим, что наоборот? — ответил механик. — Ставлю двести пятьдесят тысяч франков, что все получится. Пока что все идет как по маслу. Должен заметить, у тебя хватило ума ничего не усложнять.

— Даже если все получится, — возразила Лу, — вы так просто не выпутаетесь из этой истории. Вас будут искать. Кто-нибудь заявит о вашем исчезновении.

Индеец пожал плечами:

— Кто-нибудь? Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь

заметил мое отсутствие.

— По крайней мере, ваш босс, — сказала Лу, — хозяин мастерской.

Индеец встал.

— Мой босс, если я не вернусь, не будет долго переживать. Он подумает, что у меня были причины сбежать, и не станет докапываться, какие именно, он меня поймет.

Он подошел к кровати. Лу резко отодвинулась. Механик издал короткий смешок.

— Не сходи с ума, — сказал он, — не в моем стиле насиловать девочек, особенно если они связаны. Мне нравится, когда девушка приходит сама, сама делает первый шаг. А сейчас я гашу свет.

— Здесь можно помыться? — спросила Лу.

— Это не предусмотрено, — ответил Индеец. — Здесь есть раковина…

— Ладно, — сказала Лу. И через мгновенье: — Я замерзну, я хотела бы чем-нибудь укрыться.

Механик открыл шкаф, достал коричневое одеяло и, не разворачивая, набросил на Лу.

Лу села на кровати, сняла туфли и завернулась в одеяло. Механик выключил свет. По звуку она поняла, что он снова устроился на стуле, в трех метрах от кровати.

Она не могла заснуть. Она пыталась переключиться на что-то другое, не думать о запахе, который источала кровать. Прошло, наверно, полчаса, по дыханию и движениям она поняла, что Индеец тоже не спит.

Потом она почувствовала, как чья-то рука трясет ее за плечо. Тащит наверх, из глубокого провала сна.

— Подъем, — сказал Индеец. — Надо уходить, пока не рассвело, но сначала я хочу попросить тебя о небольшом одолжении.

Лу разом вспомнила, где она, и отчаяние придавило ее как плитой. Все это было выше ее сил.

— Можно мне взять свои туалетные принадлежности? — с трудом произнесла она.

Индеец принес ее сумку и развязал ей ноги. Она села на кровати и какое-то время растирала себе лодыжки. Горел отвратительный желтый свет. Она надела туфли, увидела прилипший к грязной подметке листок.

Подошла к раковине, с дорожной сумкой в руках, почистила зубы, промыла глаза холодной водой. Ей было наплевать, как она выглядит.

— Хочешь есть? — спросил Индеец за ее спиной.

— Нет, — ответила Лу.

Она попила воды из-под крана, уединилась на пару минут в туалете, вернулась, расчесывая волосы с затылка вперед, как она с детства привыкла делать. Встала, отбросила волосы назад, проведя по ним пальцами, как расческой.

В полотняных штанах и рубашке было холодно. Она вынула из сумки единственную теплую вещь, которую взяла с собой, — короткую ветровку цвета хаки из ворсистой ткани.

— Готова? — спросил Индеец.

— Да, — ответила Лу, застегнув молнию на куртке.

— Хорошо, — сказал он. — Я тебя кое о чем хочу попросить, не бойся, ничего особенного. В полдень у меня встреча с парнем из "Пари-матч".

— Я не хочу встречаться с журналистом, — отрезала она.

— Не начинай сначала, — рявкнул механик. — Ты сейчас и не будешь ни с кем встречаться. В первый раз я пойду один, чтобы договориться о цене, о месте, где мы встретимся во второй раз, и так далее. Для разговора мне нужна какая-нибудь приманка. Мне нужно, чтобы ты рассказала вкратце то, что видела тридцать первого в тоннеле Альма. Всего несколько фраз на магнитофон, чтобы у парня разыгрался аппетит.

— Нет, — сказала Лу, — я расскажу все. Я не хочу встречаться с журналистом, но я готова записать на пленку весь свой рассказ, про все, что я видела…

— Не доводи меня, — перебил Индеец. — Вчера ты была паинькой, продолжай в том же духе, или я разозлюсь. На первое время мне не нужен подробный рассказ. Только чтобы закинуть наживку. И все, хватит, мы теряем время, делай что сказано.

Механик достал из шкафа маленький кассетный магнитофон, какую-то старую модель. Лу заметила, как бесшумно он ходит, и взглянула ему на ноги — он носил кроссовки, настолько истершиеся, что невозможно было догадаться об их первоначальном цвете.

Он вернулся к ней, держа в руках магнитофон.

— Садись сюда, — велел он, показав на стул. Лу села, он положил магнитофон ей на колени. — Нажимаешь на красную кнопку и говоришь, ничего сложного, — сказал Индеец.

— Я стесняюсь говорить перед вами, — сказала Лу. — Вы не могли бы смотреть в другую сторону?

Механик ухмыльнулся:

— Отвернуться? Нет. Можешь сесть в угол, ли-

цом к стене, если хочешь. Давай. Быстрее.

Лу встала с магнитофоном в руках. Индеец взял за спинку стул и поставил его в углу комнаты около окна с закрытыми ставнями, повернув к стене.

— Вот увидишь, — сказал он, — все получится само собой. Я тебе оказал услугу, раскрыв твою тайну, я тебя освободил. Такое невозможно держать в себе. Если бы ты не встретилась со мной, то рано или поздно выложила бы все кому-нибудь другому. Сбеги ты от меня, все равно когда-нибудь не выдержишь и выдашь свой секрет. Ты не сможешь молчать всю жизнь. А теперь поехали, начинай.

Лу попыталась собраться с мыслями.

— Решилась? — бросил механик ей в спину.

Она нажала на красную кнопку и начала:

— Моя жизнь рухнула. В это трудно поверить, и тем не менее это так. Из-за того, что однажды вечером "мерседес", который вел какой-то вдрызг пьяный человек, налетел на меня, а потом разбился, я все потеряла. А ведь у меня была своя налаженная жизнь, квартира, работа, муж. А теперь нет ничего. Я и не думала, что все это настолько хрупко, я считала, что твердо стою на ногах, что у меня…

— Все не то! — в ярости рявкнул Индеец. Он схватил магнитофон и остановил запись. — Никто не станет слушать это часами.

Он перемотал кассету.

— Давай сначала. Оставь свои душевные терзания при себе, факты, только факты. Я ехала в тоннеле, в своем "фиате-уно", и так далее. Не надо подробностей, только суть. Давай еще раз, и без глупостей.

Лу вновь поставила магнитофон на колени, набрала в грудь воздуха и начала:

— Я возвращалась домой, за рулем своего "фиата-уно", в субботу, тридцатого августа, нет, уже в воскресенье, тридцать первого августа, сразу после полуночи. Я ехала через тоннель Альма, я думаю, со скоростью пятьдесят километров в час. Я едва успела заметить в зеркале заднего вида черную машину, которая неслась прямо на меня, как тут же раздался скрежет по кузову, я страшно испугалась, но та машина отлетела в сторону и врезалась в столб. Только на следующий день я узнала, что это была за машина и кто находился внутри.

— Сойдет, — сказал Индеец и нажал на кнопку "стоп". — Уходим.

Он убрал кассету в карман своих джинсов, взял

обе сумки Лу и окинул взглядом комнату.

— Я не могу остаться здесь? — спросила Лу.

— Остаться здесь? — переспросил Индеец.

— Где вы меня собираетесь прятать во время вашей свиданки? И до нее? Вы же говорили, вы встречаетесь в полдень?

— Что я собираюсь делать, тебя не касается, — ответил механик. — Вернешься в свою норку и будешь дрыхнуть до упора, тебе повезло.

— Оставьте меня здесь, — взмолилась Лу. — Вы же сами сказали, что на этаже никого нет, куда же я денусь? А если вы меня свяжете…

— Хватит, заткнись и иди за мной, — сказал Индеец. Он выглядел крайне взвинченным. — Поступим как вчера, только в обратном порядке. Ты садишься на переднее сиденье, закрываешь глаза, ведешь себя тихо. Я не хочу больше ничего слышать. Вчера все было прекрасно, ты молчала. Помолчи и сейчас.

*

На улице было темно и холодно. Лу села на переднее сиденье. Индеец крепко связал ей руки.

— Не надо так туго, — сказала она. И сразу получила по правой скуле, так что брызнули слезы. Она откинулась на спинку сиденья и, не дожида-

ясь приказа, сделала вид, что спит.

Индеец вел машину очень быстро, более нервно, чем накануне. Лу прислушалась. Машина покружила, сбросила скорость и наконец остановилась.

— Открывай глаза, — сказал Индеец, — пересадка. И чтоб я не слышал ни слова.

Они остановились на каком-то пустыре, возле забора. Светало. Сегодня суббота, подумала про себя Лу. Суббота, 20 сентября. Первый день выходных, все спят.

Несмотря на кляп во рту, несмотря на связанные руки и запах в багажнике, она испытала облегчение, оставшись одна. Я проведу здесь много часов, говорила она себе, самое лучшее было бы заснуть.

Она попыталась устроиться поудобнее. Приходилось менять позу каждые пять минут. До первой остановки ехали долго. Лу показалось, что пахнет бензином, послышался шум насоса. Но она ни в чем не была уверена, ей было все равно. Она больше не сопротивлялась, не пыталась определить, где они едут и который теперь час. Наоборот, она старалась отключиться.

"Пежо" вновь тронулся, покатил дальше, потом — сколько это тянулось? — вновь остановил-

ся. Наверно, встреча с журналистом назначена здесь, предположила Лу, не задерживаясь на этой мысли.

В конце концов она все же заснула, ее разбудил звук заведенного двигателя. У нее все болело.

Машина ехала долго, потом сбросила скорость. Сотрясаясь от толчков, Лу подумала: свернули с дороги. И не ошиблась. Выключился двигатель, и через несколько минут багажник открылся. Пахло лесом, мхом и землей.

Индеец молча развязал Лу. Она с трудом смогла сесть. На сей раз они были в какой-то чащобе. Машина свернула с проезжей дороги и проложила себе путь между деревьев. Неба не было видно. Лу показалось, что дело близится к вечеру.

— Говори шепотом, — предупредил Индеец. — Все идет отлично, сейчас нельзя по глупости все провалить. Вылезай. Тебе надо быть в форме, скоро твой выход. Давай походи чуть-чуть.

Лу медленно выбралась из багажника, сделала шаг, другой и повалилась на спину. Земля была холодной. Были слышны все голоса леса: щебетание птиц, шорохи и движения в зарослях — тот звонкий и плотный воздух, сотканный из едва различимых звуков, который зовется тишиной. Мертвый воздух, вдруг подумала Лу, все мертвое

кругом. Если этот кошмар когда-нибудь кончится, ноги ее больше не будет в лесу.

Она заметила, что Индеец подошел и наклонился над ней. Сев на корточки, он протянул ей бутылку воды.

Лу села к нему вполоборота и накинулась на воду. Механик дал ей плитку шоколада. Она молча взяла ее и принялась есть.

— Я встретился с парнем из "Пари-матч", — сказал Индеец. — Он жутко заинтересовался, готов помочь. Одна только проблема, он не может встретиться с тобой раньше завтрашнего дня…

— А он хочет со мной встретиться? — перебила Лу. — Кассеты ему недостаточно?

— Слушай, хватит, а? — продолжал Индеец. — Естественно, он хочет с тобой встретиться. Но просит немного подождать. Я хотел бы, чтобы все было кончено сегодня вечером, но сегодня суббота, и это несколько усложняет дело — ну, в смысле денег. Я не могу брать что попало, мне нужны не новые купюры, чтобы номера в них шли не по порядку. Он сказал, что в субботу не сможет найти такие купюры за два часа. Договорились встретиться завтра утром, в шесть. Все продумано, мы заедем за ним на нашей машине, я выбрал такое место, где все просматривается, мы

сразу увидим, один он пришел или нет. Он сядет к нам в машину, ты облегчишь душу, я пересчитаю деньги. У него будет камера. Если все пройдет хорошо, если ты не будешь валять дурака, если он спокойно выйдет там, где я ему скажу, тогда через двадцать четыре часа он получит сообщение, из которого узнает, как найти твой "фиат". Но к этому времени мы уже будем далеко…

— Вранье! — сказала Лу. — Когда эти люди найдут мой "фиат", по номерам они тут же выяснят, кто я. Вы сказали, что они не узнают моего имени. Но номер "фиата" — это мое имя.

— Нет больше доверия в этом мире! — ответил Индеец. — Когда ребята из "Пари-матч" заполучат твою тачку, они обнаружат, что номера сняты, дорогуша, равно как и некоторые детали двигателя. Им все это ни к чему, они и так смогут убедить жандармов, что это тот самый "фиат". Что касается номеров, они кое-где закопаны, в таком месте, которое знаю только я. Хочешь знать зачем? На тот случай, если ты вдруг сдуреешь, от усталости или еще из-за чего, и все завалишь. Тогда, где бы я ни был, мне достаточно будет дать телеграмму: копайте в таком-то месте, хорошенько копайте, и найдете два номерных знака, которые представляют для вас огромный интерес…

— Да уж, с доверием у нас хорошо, — отозвалась Лу.

Она покачала головой, глядя на белесые корни у себя под ногами.

— Ничего не получится, — сказала она. — Журналист тут же сообщит обо всем в полицию, возможно, уже сообщил.

— Он не настолько глуп, — заметил Индеец. — Он знает, что если у меня появится малейшее подозрение, если после того, как мы с ним расстанемся, у нас, у тебя и у меня, возникнет хоть малейшая проблема, он не получит указаний, как найти "фиат-уно". Не будет фактов — сенсация лопнет как мыльный пузырь, никому не нужен такой материал. А что касается того, чтобы сдать нас в полицию, еще не выслушав тебя, то пораскинь мозгами: с его стороны это будет действительно глупо. Журналист и полицейский — не одно и то же. У них разная работа и разные цели. У этого парня нет никакого интереса засадить нас; наоборот, он напрямую заинтересован в том, чтобы дать нам сбежать.

— Но у него тоже будут проблемы с полицией, — сказала Лу.

— *Небольшие* проблемы, — уточнил Индеец. — Ты все-таки не уголовница, ему не надо

покрывать убийцу. Небольшие проблемы и огромная выгода.

Лу уронила голову на руки, лежавшие на коленях. Шоколад упал на землю.

— Ладно, не кисни, — сказал Индеец. — И не пытайся меня разжалобить, многие были бы счастливы оказаться на твоем месте. Завтра у тебя будет вагон денег и сама ты будешь свободна как ветер, что тебе еще надо? Вставай, походи немного. Мы не собираемся торчать тут весь день.

Лу подняла голову:

— Что мы будем делать до завтрашнего утра?

Индеец засунул руки в карманы.

— Ты будешь и дальше дрыхнуть, а я вести машину. Куда — не твое дело.

— Я не хочу снова в багажник, — сказала Лу, — я больше не могу. Каждый раз мне кажется, что заколачивают крышку моего гроба.

Индеец закатил глаза:

— Ой-ой-ой, прямо кино! Крышка моего гроба! Какого еще гроба, ты просто не въезжаешь. Ты мне нужна, и нужна свеженькой. Что я буду делать без тебя завтра утром? А? Ну, поторапливайся, походи пять минут, пока мы не уехали. Хочешь яблоко?

Лу взяла яблоко и съела его, не почувствовав никакого вкуса. Потом поднялась и медленно сделала несколько шагов вокруг машины, держась за стволы деревьев. Индеец стоял и курил, не сводя с нее глаз.

Вдруг он свистнул.

— Что такое? — спросила Лу.

— Непонятно? — Он показал подбородком на багажник. — На место!

— Придурок! — не сдержалась Лу.

У него вырвался короткий смешок.

— Не такой уж я придурок, — проговорил он. Похоже, он не очень-то верил в свои слова, слишком напряженное у него было лицо.

Лу снова залезла в багажник. Когда Индеец поднес тряпку к ее рту, она оттолкнула его руки. Ударом больше или меньше — не все ли равно. Индеец ударил ее кулаком в предплечье, но ударил не зло; скорее, этот удар означал: да ладно тебе, в конце концов, дай мне это сделать. И, связав ей руки, сказал:

— Вечером остановимся, когда стемнеет. Поужинаем где-нибудь в спокойном месте.

*

Снова то ехали, то стояли. Катаемся, сказала себе Лу. Машина часто останавливалась, один раз надолго. Индеец, должно быть, решил вздремнуть на водительском сиденье. Или наблюдал за чем-то, следил за каким-нибудь домом.

Лу уже не сопротивлялась, но каждый час ожидания давался ей все труднее. Это был не страх. Ей больше не было страшно. Она уже не боролась, но и не отступала. Где-то в глубине, внутри она отказывалась смириться.

Я не хочу, чтобы меня фотографировали. Этот тип морочит мне голову. Позволяя сфотографировать меня, он меня *выдает.* Пусть он закопал мои номера или разрешил мне назваться другим именем — все равно выдает. Он подписывает мне приговор. Неслучайно во время процесса обвиняемых не разрешают фотографировать. Сфотографировать — значит вынести приговор.

Что со мной будет после того, как меня покажут по телевизору, ославят на весь мир? Ведь эта история не на один день. Как работать в ресторане, когда посетители шушукаются за спиной, пока идешь между столиками? А соседи? Почтальон? Банковские служащие, булочник? Как я буду

смотреть им в лицо? Мне что, ходить в черных очках? Или сделать пластическую операцию?

Допустим, я перееду, но все это переедет вместе со мной. В любой точке мира, где бы я ни оказалась, будут коситься на меня. Всюду меня будут узнавать. Как можно жить, если ты беглец номер один? Как можно выжить? Сколько можно выдержать?

Я не позволю себя фотографировать, вновь и вновь повторяла себе Лу. И снимать для телевидения, разумеется, тоже — это еще хуже.

Она так и скажет этому парню из "Пари-Матч": не снимайте меня. Вы не имеете права снимать меня без моего согласия, а я вам запрещаю. Я вам все расскажу, вы — первый, кому я рассказываю, разве этого недостаточно?

Нет, наверняка ответит он. Мы обо всем договорились, я должен вас снять. Нет съемки — нет денег. Индеец придет в ярость. Ей не поздоровится.

Но она будет твердо стоять на своем, она не желает, чтобы ее снимали, и точка. Эта мысль поглотила ее целиком; Лу больше не было, только одна мысль пульсировала в темноте.

Они остановились еще раз, надолго. На этот раз крышка багажника открылась. Опять этот

чертов лес, тупик, съезд с дороги. Темнело. Пахло листьями и мокрой землей. Индеец не включил фары — или погасил их, заглушив двигатель.

Он развязал руки Лу и помог ей сесть. Посмотрел на нее как-то по-особенному, раньше он так не смотрел.

— В чем дело? — спросил он.

— А что? — в свою очередь спросила Лу, вылезая из багажника. — У меня что, круги под глазами? Я бледная?..

— Не говори так громко, — сказал механик. — Есть хочешь?

— Не знаю, — сказала Лу. — Я уже ничего не знаю.

Она села на землю, прислонилась спиной к дереву. Индеец протянул ей треугольный сэндвич в легкой пластиковой коробке. Она его не взяла. И начала говорить глухим голосом, сбивчиво:

— Вот что, я вам уже сказала, я не хочу, чтобы меня фотографировали. Потому я и пряталась с самого момента аварии — я не хочу. Ни съемок, ни фотографий. Видеть, как газеты обсасывают твою жизнь, видеть свои фотографии в витринах киосков, повсюду натыкаться на свое имя, смотреть, как вытаскивают наружу то, что ты пытаешься скрыть, — это все равно что быть

изнасилованной.

Индеец присел рядом с ней на корточки, его лицо было в тени.

— Выпей чуть-чуть, — сказал он, протянув ей бутылку, которую она тоже не взяла. — Ты необычная девушка. Я бы даже сказал, что ты не из сегодняшнего мира. Все только спят и видят, чтобы их показали по телевизору и напечатали в газете их фотографию. Есть и такие, которые готовы за это заплатить, а ты…

Лу перебила его:

— Для меня это все равно что умереть. Вывернуть душу, опустошить себя. Я не хочу.

— Замолчи, — сказал Индеец. — Ты сама себя накручиваешь. Нам обоим нужно успокоиться, осталось продержаться еще сутки.

— Успокоиться? — Лу охватил истерический смех, до икоты: — И в самом деле, что тут такого: ну похитили, угрожали, связывали, возили в багажнике? Ну потеряла ты все и вынуждена сматываться за границу!

И глухим, безжизненным голосом, сбивчиво:

— Я не хочу до завтра валяться в багажнике, я не хочу снова туда, у меня на спине не осталось живого места, я схожу с ума, скоро я начну орать и не смогу остановиться, мне необходимо принять

ванну, вымыть голову, я грязная, разбитая, я не могу встречаться с журналистом в таком виде…

— Хорошо, — сказал Индеец. Он положил руку на затылок Лу и потрепал ее по голове, как ласкают лошадей и детей.

Лу отдернула голову, он убрал руку.

— Хорошо, — повторил он. — Я найду тебе какую-нибудь хату. Примешь ванну, выспишься.

Он поднялся:

— Ясное дело, если мы возвращаемся в цивилизацию, ты должна держать себя в руках. Сможешь?

И не дожидаясь ее ответа:

— Давай садись вперед.

Уже было совсем темно. Открывшаяся дверца осветила кусочек леса.

— Это в последний раз, — сказал Индеец, связывая руки Лу. — Предпоследний, — поправился он.

Покорно, не дожидаясь его приказаний, Лу откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Кукла, повторяла она про себя. Тряпичная кукла. Жалкая тряпка.

*

Должно быть, она задремала — впрочем, какая разница: дремать, повиноваться, сидеть взаперти в темноте, закрывать по приказу глаза. Она вдруг поняла, что машина остановилась, и подняла голову.

Индеец смотрел на нее. Давно ли он так стоит? — спросила она себя.

Они находились на какой-то кривой полутемной улице. Лу не смогла бы сказать, был ли это пригород Парижа или один из его отдаленных кварталов. Или окраина другого города? Однако что-то говорило ей: нет; по каким-то неуловимым признакам она догадалась, что это Париж.

Метрах в десяти от машины, на другой стороне улицы, вертикальная неоновая вывеска гласила: "Отель".

— Я выйду из машины и открою тебе дверь, — сказал Индеец.

Он схватил сумки с заднего сиденья, вылез, открыл дверь со стороны Лу, развязал ей руки, помог подняться с сиденья. До самых дверей отеля он держал ее за локоть.

Для проститутки я слишком плохо выгляжу, подумала Лу, падая в кресло из красного дерматина.

Холл не ремонтировали, наверно, лет тридцать. У стойки никого не было, тишину нарушали только отзвуки какого-то телефильма — американского, судя по неестественности голосов, тому особенному тону, каким произносят дублированные наспех голливудские диалоги.

Индеец позвонил. На звонок наконец вышла женщина средних лет, филиппинка или индонезийка, всем своим видом выражая недовольство, что ее побеспокоили.

— Номер? — автоматически спросила она. Она говорила сильно в нос.

— Да, — сказал Индеец, — на двоих, с ванной. Я заплачу сразу.

Он вынул купюру или две, Лу не разглядела. По всей видимости, сдачи не предполагалось, или он ее не взял.

Номер был на четвертом этаже: асимметричная комната с большим окном, по старинке закрытым тюлевой занавеской. Лу смотрела только на это окно. Равно как и механик: закрыв дверь на два оборота, он засунул ключ в карман и сразу подошел к окну, распахнул его настежь, выглянул наружу и снова закрыл.

Потом сбросил на пол сумку, торбочка осталась висеть у него на плече.

— Не слишком шикарно, — заметил он.

Лу рухнула на кровать прямо в туфлях и куртке; в отличие от него, она чувствовала себя словно во дворце — так здесь было чисто и просторно, и жалела лишь о том, что не успеет насладиться всей этой роскошью. Что бы такое придумать, чтобы он не вставлял кляп, повторяла она про себя, и ничего не приходило в голову. В отеле он не может рисковать, вдруг я заору посреди ночи.

Индеец пошел в ванную. Проверяет, нет ли там лазейки, подумала Лу. В Париже ванные комнаты обычно без окон. Раздался какой-то металлический звук, потом хлынула вода.

— Твоя ванна набирается, — сказал Индеец, вернувшись в комнату. — Топай. Расслабляйся. Потом я тоже залезу в ванну. Извини, но ключ я вытащил, ты не сможешь запереться.

— Боитесь, — спросила Лу, — что я вскрою себе вены? Интересно, чем бы я могла это сделать…

— Давай, — оборвал ее Индеец. — Оставишь дверь открытой, я должен слышать каждый звук.

Лу взяла дорожную сумку, вошла в ванную, слегка прикрыла дверь и все же испытала облегчение. Может быть, звук льющейся воды отгораживал ее от остального пространства.

В ванной не было окон. В ней едва помещались старомодная ванна, умывальник, маленький столик и стул. Туалет был в закутке, отгороженном пластиковой занавеской. Тоскливое освещение, тусклое и резкое одновременно. У Лу не хватило духу посмотреться в зеркало. Из крана текла горячая вода. На сушилке она нашла грубое банное полотенце, сложенное пополам, а рядом два полотенца для рук. Был даже маленький банный коврик, Лу расстелила его поверх линолеума.

Она сняла куртку, туфли, вытряхнула содержимое сумки на стол. Она наденет чистую футболку, чистые трусы, чистые брюки, — это все, о чем она была в состоянии думать.

Она бросила одежду на пол, сняла повязку с пальца, залезла в воду и завернула кран. Ей было наплевать, откроет ли Индеец дверь, но она чувствовала бы себя неловко, если бы он услышал, как она забирается в ванну; поэтому она сначала улеглась, потом завернула кран и замерла.

Настала полная тишина. И сразу же раздался голос из комнаты:

— Как дела?

— Лучше, — ответила Лу.

— Издавай там какие-нибудь звуки, или нам придется болтать, а я не очень-то это умею, — ска-

зал Индеец. — Я не любитель молоть языком.

Разлеживаться было некогда. Лу погрузилась в воду, не обращая внимания на шум и плеск, намылилась с головы до ног, отчистила ногти, вымыла волосы. Потом вытащила затычку и, пока сливалась вода, ополоснулась под душем.

Вылезла из ванны, вытерла тело и волосы, завернулась в банное полотенце, как на пляже, и только теперь решилась взглянуть на себя в зеркало. Я даже не выгляжу усталой, заметила она. Бледная, но ни темных кругов под глазами, ни синяка на скуле, — пожалуй, она выглядела так же, как и всегда. Даже щеки не ввалились, почти с сожалением отметила Лу, она никогда не любила своего круглого лица.

Рана на пальце так и не затянулась. Вода с бульканьем вытекала из ванны. Лу сполоснула ванну, вновь заткнула отверстие и до упора открыла кран. Она собрала свою грязную одежду, комом запихала ее в сумку вместе с туалетными принадлежностями, взяла чистые вещи, которые заранее приготовила, и, прикрываясь сумкой как щитом, прошла в комнату.

— Все, — сказала она. — Вторая ванна набирается.

Теперь уже Индеец лежал на кровати, скрестив

ноги в серых ботинках, подложив руки под голову. Он встал.

— Спасибо, — сказал он, — но ты ведь не думаешь, что я оставлю тебя здесь одну. Ты пойдешь со мной, будешь рядом. А то с тебя станется звать на помощь, колотить в дверь.

Он скинул ботинки, не нагибаясь, даже не посмотрев на них.

— Давай, — сказал он, — иди вперед.

— Да пожалуйста, — ответила Лу, кладя вещи на кровать, — я не ханжа. К тому же мне надо высушить волосы.

Она вынула из сумки фен и вернулась в ванную. Индеец вошел туда вслед за ней, закрыл дверь, повернул в замке ключ и бросил его в ванну.

В считанные секунды он разделся и залез в воду. Лу не смотрела на него. Она нашла рядом с умывальником розетку и стала сушить волосы, как всегда начиная с затылка и двигаясь снизу вверх, чтобы придать им объем.

Индеец закрыл кран. Из ванны он окликнул Лу:

— Ты знаешь, что ты очень ладненькая?

Он произнес это спокойно, но громко, чтобы перекрыть жужжание фена.

— Как девушка сложена на самом деле, — про-

должил он, — можно узнать, только увидев ее голой. Есть такие, что выглядят как модели, а вообще-то они далеко не модели. И наоборот, бывают приятные сюрпризы.

Лу все еще была замотана в полотенце.

— Значит, обо мне ты пока что судить не можешь, — сказала она так же громко, не сводя глаз с зеркала.

— Видишь? — сказал механик. — Ты сказала мне "ты". Час пробил.

Лу повернула голову, посмотрела ему в лицо и улыбнулась. И бросила фен в ванну.

От резкого движения с нее упало полотенце, но Индеец уже не мог этим воспользоваться. Его тело выгнулось дугой, почти полностью выступило из воды, потом плюхнулось обратно и опустилось на дно ванны. В ту же секунду волна перехлестнула через бортик и разлилась по полу. Лицо оказалось почти полностью под водой, до самых глаз. Лу увидела, что они открыты.

Какое-то время она стояла не шевелясь. Фен отключился. Механик не двигался.

Быстро, подтолкнула она себя, скорей. Двумя пальцами она вытащила из розетки штепсель от фена и подошла к ванне. Фен лежал на дне, у темной ступни. Лу вытащила его за шнур, стрях-

нула воду, потом завернула в одно из полотенец и положила на стол.

Она снова открыла кран. Чтобы вода затопила эти глаза. Она смотрела только на кран. Ей хотелось поскорей наполнить ванну, чтобы тело ушло под воду целиком.

Быстро. Она вытерла пол банным ковриком, ей пришлось несколько раз отжимать его в раковине. Взяла второе полотенце и вытерла краны, бортик ванны, розетку. Одежда механика была свалена на стуле. Лу снова замоталась в полотенце, вытерла сушилку и дверную ручку.

Она разом потеряла самообладание или то, что заменяло его, — спокойствие на грани паники: дверь была заперта на ключ.

С огромным трудом она заставила себя подойти и посмотреть в ванну. Блестящий ключ был хорошо виден, он лежал под ногами механика. Лу закрыла кран, сунула руку в воду и схватила ключ.

До конца, повторяла она себе. И шла до конца. Она еще раз вытерла кран ванны, бортик. Вода теперь покрывала труп с головой. Только пряди волос покачивались на поверхности.

Лу открыла дверь, протерла краем полотенца выступающую из замка часть ключа. Но все она

не вытрет, надо остановиться. Она схватила фен, одежду со стула, проверила, не осталось ли в ванной каких-нибудь вещей — ее или Индейца.

В комнате было прохладно. Быстро, твердила себе Лу. Она положила все, что держала в руках, на кровать, рядом с дорожной сумкой, взяла чистую одежду и оделась. Ей было совершенно ясно, что надо делать. Она унесет из комнаты все, что принадлежит ей и механику, кроме тех вещей, с которыми пришел бы сюда человек, решивший покончить с собой. Одежда, ботинки, немного денег и все, сказала она про себя.

Она ни разу не видела у Индейца ни пакета, ни сумки. Наверно, он все носил в карманах.

Она их вывернула, перетряхнула всю одежду. Сев на кровать, начала с куртки, с наружных карманов. Кожа была мягкой и теплой, ей показалось, что она трогает животное. Кляп и ремень, которым он связывал ей руки, она, не глядя, засунула в свою сумку. Потом свои часы. И швейцарский нож — его она несколько секунд подержала в руках. Часто она твердила себе, что у Индейца есть нож; часто — что нет, нож ему ни к чему. Но когда она думала о ноже, то представляла его себе по-другому — большим, отточенным и не складным.

Во внутреннем кармане на груди лежала сложенная бумажка, Лу развернула ее. Тетрадный листок из авторемонта, возликовала она, быстро сложила снова и добавила к тому, что возьмет с собой.

Из пяти карманов джинсов она вынула черные часы, толстый бумажник, ключи от машины, по-видимому — от "пежо"; два других ключа — один от комнаты в отеле, на нем был выбит номер, и ключ побольше, наверно, от той комнатушки на седьмом, где они ночевали накануне; расплющенную пачку сигарет, зажигалку. И свои маникюрные ножницы — они так и лежали у него в кармане, с самого отъезда из Вирофле.

Она вытащила из бумажника две купюры, положила себе в правый передний карман брюк, а все остальное запихнула в сумку.

Следовало проверить, нет ли на его одежде меток, вроде нашитого имени или какого-нибудь знака, позволяющего установить личность владельца. Она внимательно рассмотрела всю одежду, задыхаясь, перебирала вещь за вещью: быстрее, быстрее, так, рубашка, полосатые трусы.

Она встала, глубоко вдохнула, взяла свою большую сумку и, закрыв, поставила на пол. Все,

ухожу. Торбочка висела на спинке кровати, она надела ее себе на плечо. Сердце стучало громко и медленно, словно отсчитывало секунды.

Она зашла в ванную, положила одежду Индейца на стул, повесила на место полотенце. В ванну она не смотрела. Вернулась в комнату и снова окинула ее взглядом. Прокрутила в голове все свои движения. Взяла дорожную сумку и подошла к двери.

Еще раз бросила взгляд назад и тремя пальцами, замотанными в край футболки, бесшумно повернула ключ в замке. Закрыла дверь, оставив ключ внутри.

В коридоре горел свет. Казалось, в отеле было пусто. Лу медленно спустилась по лестнице, увидела, что у стойки никого нет, прошла через холл. Для того чтобы открыть входную дверь, ей пришлось нажать на кнопку; раздался дребезжащий, отвратительно громкий звук. Лу выскочила на улицу, прошла метров двадцать до поворота и со всех ног бросилась бежать.

III

Нельзя бежать, повторяла она себе, но остановиться не могла. Пробежала одну улицу, другую, более широкую, и только увидев прохожих, заставила себя перейти на обычный шаг. Было тепло. Должно быть, уже двенадцать. На часы она посмотрит потом, а сейчас нужно идти вперед.

Она дошла до ярко освещенной улицы и зашагала по ней — прямо, все время прямо, не имея ни малейшего представления о том, где она находится и куда идет, и спустя пять — десять минут увидела то, что надеялась увидеть, выскочив из гостиницы, — станцию метро. Увидела, что двери еще не закрыты, и быстро нырнула внутрь.

Она ринулась по ступенькам — один пролет, еще один, — повернула в переход и остановилась у турникета. Привычным движением открыла сумочку, вынула кошелек. Билетики, которые она носила с собой, лежали на своем месте, она достала один и сунула его в турникет.

Кто-то рядом с ней делал то же самое, Лу не взглянула в его сторону.

Тоннель. Десять метров, и попадаешь на плат-

форму. С обеих сторон висели привычные белые и синие указатели станций в том и другом направлении. Скользнув глазами по названиям, Лу выбрала ту линию, которая длиннее.

На платформе было пятнадцать — двадцать пассажиров. Лу прочитала название станции: "Обервилье-Пантен-Катршемен". А теперь — который час, сказала себе она. Она нашла часы в глубине своей сумки. Двадцать минут двенадцатого. Подошел поезд, она вошла в вагон, по-прежнему держа часы в руке.

Понятно, что нужно делать, — спрятаться, на много дней и много ночей. Из таблички в центре вагона с названиями станций она узнала, что едет к Иври или Вильжюифу. Да, здесь вилка, вспомнила она, линия разветвляется. Ей было все равно, куда идет поезд, в Иври или Вильжюиф. Она просто сойдет как можно дальше, на конечной станции. Времени достаточно.

Одна мысль не давала ей покоя: не забыла ли она какой-нибудь мелочи, которая выдаст ее с головой. Прижав к себе сумочку, положив дорожную сумку на колени, она перебирала в памяти те полчаса или час, что провела в гостинице.

В какой гостинице — она не знала; на какой улице — тоже не знала, и это ее отчасти успока-

ивало, как будто незнание того, где произошел этот ужас, делало ее к нему непричастной, стирало начисто ее присутствие там — я не знаю, я там не была — и поможет со временем стереть из памяти все воспоминания. Не понимаю, о чем речь, понятия не имею.

Если она и вправду не оставила за собой ничего, что могло бы выдать ее, если нет никаких улик, то кому придет в голову, что она имеет какое-то отношение к человеку, который утонул в ванне, судя по всему — покончил с собой, к этому утопленнику или к статной блондинке, разбившейся в "мерседесе". Немыслимо: она, Луиза Леруа, Луизон, без работы, без денег, без жилья, причастна к таким событиям? Немыслимо.

Поезд остановился. Подняв глаза, Лу увидела на стене название станции "Восточный вокзал-Верден". В два прыжка она оказалась на платформе. Конечно же вокзал! Сесть на поезд, уехать. Если сейчас нет поездов, переночую на вокзале. Рядом с вокзалом. В привокзальной гостинице. А завтра сяду в первый же поезд.

Чтобы выйти к вокзалу, нужно было подняться наверх, по эскалаторам, через оранжевые тоннели. Стены были облицованы оранжевой плиткой, до того яркой, что Лу на какую-то секунду засо-

мневалась, не ошиблась ли она и не попала ли в какой-нибудь торговый центр или кинотеатр. Никогда она не видела в метро такого оттенка.

Она вышла на свежий воздух, к зданию вокзала. Вошла в зал и невольно ускорила шаг. Чтобы попасть на перрон, надо было пройти около ста метров, у всех на виду, при полном свете.

Но не раздалось ни одного свистка, никто не устремился за Лу. Среди людей, бродивших по вокзалу, многие были без вещей и никуда не спешили, но немало было и таких, как Лу, — на перепутье.

Ее затрясло. Озябла, сказала она про себя. Хочу есть.

Она прошла до конца длинный и узкий зал, вышла в более просторный — а дальше темнота и перрон. Кажется, никто не провожал ее взглядом. Она поискала в сумке ветровку, похолодев при мысли, что ее там нет. Но она была на месте, скомканная, превратившаяся в жалкую тряпку, от нее пахло бензином и тоской. Лу с облегчением надела ее, придерживая коленями обе сумки.

Она подошла к огромному табло с расписанием отбывающих поездов. Утренний поезд в Базель в 6.40, в Вену в 7.49, в Бонн в 6.55 и единственный ночной поезд, который уже подали на перрон, в

Страсбург, в 0.21.

Базель, Бонн, Вена — эти поезда не для нее. Другая страна, граница, паспортный контроль, нет.

А вот Страсбург — это да, это легко. Она вдруг задумалась, на месте ли деньги, которые она день за днем складывала в кошелек в последние недели той, прежней жизни. Она открыла торбочку. Три тысячи с чем-то, все на месте. Скот, бандит, шантажист — но не вор.

Поезд Париж—Страсбург шел через Коммерси, Туль, Нанси-город, Люневиль, Сарбур, Саверн и дальше уже в Страсбург. Так было написано на табло. Почему Нанси-город, а не Туль-город или Страсбург-город, Лу разберется потом. Сейчас в голове ее сидел другой вопрос, она не знала, где выйти, в Нанси или в Страсбурге, — неосознанно она выбирала большие города и отвергала другие.

В поезде будет время подумать. Она купила в единственной открытой кассе билет до Страсбурга в одну сторону, второй класс, да, нет, сидячее место. Лучше для некурящих. И, если есть, расписание, пожалуйста.

Еще она купила в автомате "Оранжину" и мадленки из Коммерси. Не иначе как потому, что прочитала на табло "Коммерси", сказала она

себе. Она никогда не покупала мадленки — вот еще, зачем они ей. Впрочем, она к ним и не притронулась, засунула в сумку вместе с банкой "Оранжины".

Без трех минут двенадцать. До отхода поезда оставалось достаточно времени, больше двадцати минут. Лу бросила взгляд на рисунки-указатели: метро, автобус, такси, справочная, туалеты. А туалеты в полночь открыты?

— Закроются в час, — сказала служащая. — Как и все на вокзале. Два франка. В час закрывается все.

Это была какая-то блеклая блондинка, с подстриженными ежиком волосами, которая как будто окунулась в хлорку, судя по виду и запаху. Что-то вроде безжалостной медсестры — она наверняка унюхает запах дыма. Черт с ней, подумала Лу. Два разных вида дыма она различить не сможет.

Лу закрылась, опустила крышку унитаза и села на нее. В глубине своей большой сумки, перевернув вверх дном все вещи, нашла сигареты и зажигалку Индейца. Закурила, затянулась, и ее чуть не вывернуло наизнанку. Успокойся, урезонила она себя. Ты куришь не *его* сигарету. До этой сигареты он не дотрагивался, это просто

"Житан", обыкновенные "Житан". Но затянуться второй раз не смогла. Она положила на пол зажженную сигарету, вынула из сумки листок из гаража и поднесла к нему зажигалку. Листок, вырванный из толстой тетради на спирали. Порвать на мелкие кусочки. Но она остановила свой порыв. Надо прочитать, что там написано. Простой шариковой ручкой крупно и жирно выведено: *"Фиат-уно" № 1904 VK 92, Луиза Леруа. Перекраска левой стороны кузова (царапина 2 метра). Замена заднего фонаря.*

Лу встала, развернулась, подняла крышку унитаза, подожгла бумагу и держала листок над водой до тех пор, пока огонь не лизнул ей пальцы. Она спустила воду, подождала, спустила еще раз.

Она пошла к выходу, все еще с зажженной сигаретой в руках, ожидая, что сейчас ей напомнят о правилах поведения. Но мадам Хлорка ожесточенно надраивала умывальник, повернувшись спиной, и просто ответила: "До свидания".

Лу отошла на десять метров и раздавила сигарету. На вокзале появились пассажиры другого сорта, с сумками в руках, и решительным шагом направились к поезду Париж—Страсбург. Она влилась в толпу и вошла в свой вагон, второй класс, для некурящих, единственный в поезде,

состоявшем в основном из спальных вагонов.

Это был вагон старого образца, с купе. Лу позаботилась о том, чтобы разместиться в пустом купе, но едва она села, как к ней присоединился еще один пассажир, какой-то брюнет, который поприветствовал ее начальственным кивком головы. Жгучий брюнет.

Ей захотелось пересесть, но она запретила себе даже думать об этом. Она считала минуты до того, как поезд тронется, и уже боялась этого пассажира, еще немного, и она выскочила бы из поезда, но куда ей было идти? Лу забилась в угол, около окна. Даже когда в купе никого нет, хочется забиться в угол. Она посмотрела в окно: темный перрон в черной ночи.

Сейчас начнутся бесконечные вопросы. В Нанси, к матери — сразу пришло в голову Лу. У меня в Нанси живет мать, я езжу туда каждое воскресенье. На этом спокойной ночи, месье, я так хочу спать, что валюсь с ног. Спасибо, вам тоже.

Но мужчина молчал. Вид у него был совсем не сонный, он достал газету из небольшого портфеля и развернул ее перед собой. Классика жанра, подумала Лу. Так даже лучше.

Брюнет испанского типа в поезде на Страсбург, и думает, я ничего не замечу. Поезд тронулся,

Лу прижала к себе обе сумки, как мамаша своих детей, откинула голову назад и закрыла глаза. Тяжело бодрствовать четыре часа, притворяясь спящей, сидеть не шелохнувшись, с закрытыми глазами. Может быть, холод не даст заснуть.

Она выпрямилась, сняла куртку, положила ее в сумку и вновь содрогнулась от страха. Сверху, рядом с мадленками, она увидела бумажник Индейца. Если сосед вдруг скажет: "Таможенная служба Франции, предъявите багаж", — готово, ее песенка спета. Или таможня Германии, Бельгии — все равно.

Насколько можно небрежнее она встала, сказала: "Простите", изобразив что-то вроде улыбки, и пошла в конец коридора. Снова закрылась. Дикость какая-то, подумала она, беглец чувствует себя на свободе, только запершись в туалете.

Она потратила не больше минуты на то, чтобы изучить содержимое бумажника. Купюры, много купюр — она не стала считать. Из документов — лишь водительские права на имя Пьера-Мари Мерсье, и у Лу тут же возникло убеждение, что имя это не настоящее. На правах была фотография Индейца, но слишком новая для старых прав, слишком белая и слишком черная. И кроме того, в любом случае Индеец не мог быть Пьером-Ма-

ри. Его не могли так звать. Тем более Пьер-Мари Мерсье.

Лу вынула водительские права неизвестного покойника из потускневшей пластиковой обложки, нагнулась над унитазом и разорвала их на крошечные кусочки. Она чуть не заплакала, разрывая на четыре части фотографию. К счастью, сказала она себе, прошли те времена, когда вода сливалась прямо на рельсы. Даже в вагоне старого образца. Все, покончено с этим острым взглядом, с этой маской ирокеза. Конец, подчистую.

Она порылась в сумке, рассмотрела все вещи Индейца, которые забрала с собой. Ключи тоже могут послужить уликой, ключи от "пежо" и от той хаты. И черные часы. И пачка "Житан", и зажигалка — на них уйма отпечатков пальцев.

Она прошла еще два вагона, пока не дошла до спальных мест. В середине коридора она приоткрыла окно и вышвырнула ключи в темноту. Самая главная улика. Вроде никого рядом нет, все, наверно, спят. Лу выбросила также обложку от водительских прав, часы, сигареты, зажигалку. Она замерзла и почти услышала рядом голос испанца с газетой: "Что, дышим воздухом? Любуемся пейзажем?"

Покоя не будет, говорила она себе, все время на-

чеку, вечное подполье. Без конца просчитывать, предупреждать опасность и опережать ее. Всегда наготове, днем и ночью. Из последних сил.

Она вернулась в свое купе, избегая встречаться взглядом с соседом, который по-прежнему делал вид, что читает газету, и снова пристроилась спать, как мамаша с детьми. Нет, это ясно как день, его не могли звать Пьер-Мари. Такое имя могли носить Ивон или Ренан, в их семействе сплошные Жан-Мари и Эрве-Мари, есть и дедушка Мари-Пьер, и дядя Мари-Армель.

Парень, которому нечего было терять, — только это Лу и знает о нем. И который решился потерять все, до последнего. Отрезать себе путь назад — это единственное, чем он тешил себя.

Сколько ему лет? Трудно сказать. Где-то за сорок, не меньше, хотя выглядел он моложе. Наверно, потому, что был худой, мускулистый, хоть сила и не бросалась в глаза.

Злой? Да нет, скорее холодный, чем злой. Скорее желчный.

Лу почувствовала движение воздуха на руке и открыла глаза. Испанец стоял над ней.

— Я хотел только узнать по вашим часам, сколько времени, — сказал он. — Не беспокойтесь, я уже увидел. Мои часы остановились, а мне надо

выйти в Нанси. Я, похоже, заснул. Но все хорошо, сейчас половина четвертого, мы еще не проехали Туль. Простите, я вас разбудил.

Он снова сел. Лу проспала три часа кряду, не заметив, что дорожная сумка соскользнула на пол. Она проснулась только в Коммерси.

Когда поезд остановился в Туле, она встала. С огромным трудом заставила себя, проходя мимо, сказать испанцу: "Счастливо доехать". Она ожидала услышать что-нибудь вроде: "Для вас путешествие закончилось, мадемуазель", но нет: "Спасибо, — ответил мужчина, — вам повезло, вы уже приехали".

Лу увидела, что еще двое пассажиров, как и она, выходят в Туле. Как называются здешние жители, тульянцы? Она знала, который час — без четверти четыре, но все-таки подняла глаза, посмотрела на вокзальные часы, висевшие над закрытыми кассами, и со всей отчетливостью поняла: в это время невозможно выйти в незнакомом городе и остаться незамеченной.

Она приглядела себе скамейку в углу. Но свет стал гаснуть, послышался звон ключей, очевидно, вокзал закрывался. Она вышла в ночь. Нужно найти комнату, где-нибудь скрыться, запереть за собой дверь.

Рядом с автостоянкой на привокзальной площади она не заметила ни одной гостиницы. Несколько минут она шла куда глаза глядят, миновала отель "Европа", явно закрытый, и начала уже думать, что ей так и придется бродить до утра, как вдруг обнаружила более гостеприимное заведение. "Комнаты в любое время" — написано было на картонке, висевшей на гвозде около двери.

Она нажала на звонок, дверь открыл старик в серовато-голубом пепельном костюме, с голубовато-серыми пепельными волосами.

— У вас написано "комнаты в любое время", — пробормотала Лу.

— Прекрасно, — любезнейшим тоном ответил старик, — в любое время означает именно без десяти четыре. Вы одна?

— Да, — ответила Лу.

— Я хотел спросить, вы одна сошли с этого поезда? — уточнил хозяин комнат.

— Нет, — сказала Лу.

— Тогда оставим дверь открытой еще на пять минут, — сказал старик. — Одноместный номер с горячей водой вам подойдет? Вы предпочитаете с душем? С ванной?

— Нет, ванны не надо, — нервно сказала Лу. — С

горячей водой, прекрасно. Там есть радио?

— Во всех номерах есть радио и телевизор, — сказал старик, протягивая руку за сумкой. — Я провожу вас.

— Нет, — сказала Лу, отшатнувшись, — не поднимайтесь, видите, у меня нет другого багажа.

Старик протянул ей ключи.

— Номер двадцать один, третий этаж, — сказал он. — Спокойной ночи, мадам.

Лу поискала частоту "Франс-Инфо" на радиоприемнике, стоявшем на ночном столике, и попала на нее как раз в тот момент, когда заканчивался четырехчасовой выпуск новостей. Сегодня воскресенье, вспомнила она. Впрочем, воскресенье не воскресенье, после полуночи новости выходят каждые полчаса. Она подождет половины пятого.

Она пошла в туалет почистить зубы, мысленно подсчитывая: и шести часов не прошло с тех пор, как она приняла ванну.

Вид эмали и кранов был для нее почти невыносим, она быстро закончила с умыванием и легла в кровать, в футболке, оставив свет и радио, которое заливалось песнями в двадцати сантиметрах от ее правого уха.

*

Она проснулась без малого в семь, свет по-прежнему горел, по радио уже не пели, а говорили, все так же над самым ухом. Она послушала с полчаса.

В Иерусалиме сохраняется напряженная обстановка после нападения в пятницу на еврейских поселенцев. Израильское правительство пока никак не отреагировало на происшедшее. В Польше проходят парламентские выборы. Похоже, ни одна из крупных политических партий не сможет набрать большинства голосов. Голосуют также в Сербии, выбирают нового президента вместо Слободана Милошевича, который не имел права выставить свою кандидатуру в третий раз. В Сербии также должны переизбрать депутатов законодательного собрания: и вот здесь у партии Милошевича неплохие шансы на победу. В это воскресенье отмечают День культурного наследия. Вход во все государственные музеи бесплатный, разрешено посещать даже те памятники культуры, которые обычно закрыты для публики.

Иерусалим: сохраняется напряженная обстановка, ситуация остается взрывоопасной.

Проходят выборы в Польше, в Сербии…

Ничего о… Ни слова о… Лу представила себе, какой шум сейчас поднимается на кривой безымянной улице, полицейские машины, беготня туда-сюда, соседи снуют, расспрашивают друг друга, страж порядка оттесняет их: проходите, проходите.

Воскресенье. Ей оставалось лишь затаиться в своей норе. Лу погасила свет и выключила радио. Она не думала, что снова заснет, но проснулась, когда комнату заливал солнечный свет, просачивавшийся сквозь задернутые занавески, и увидела, что уже больше одиннадцати.

Комната молодой девушки, с белой лепниной и голубыми обоями. Где это?

В Туле. Лу прямо в кровати съела мадленки из Коммерси, выпила теплую "Оранжину". Сказать, что у нее полно времени, — значит ничего не сказать. Ей совершенно нечего делать — даже не так, в ее интересах не двигаться, не высовываться, ни с кем не разговаривать.

Однако и сидеть целый день взаперти тоже нельзя. Этим она разом выдаст себя.

Времени пропасть, никаких дел, размышляла Лу, но не разбежишься. Возможности сужены до предела. Нельзя пойти прогуляться, как про-

стому туристу в конце сентября, нельзя зайти пообедать, даже наскоро, в какую-нибудь забегаловку. Но нельзя и слишком отличаться от других, например, провести день на вокзале или посмотреть три раза подряд один и тот же фильм, сидя на одном и том же месте в кинотеатре.

Во всяком случае, Лу начнет с того, что уйдет из гостиницы. Она не собирается проводить здесь две ночи подряд.

Что она будет делать дальше, что с ней станется, как принято говорить, — ну, этот вопрос может и подождать. Были вопросы менее глобальные, но тоже важные: что у меня есть? Сколько у меня денег?

Лу достала обе сумки и, сев по-турецки на пол, вытряхнула на паркет свой кошелек и бумажник этого человека, о котором она ничего не знала. В одном три тысячи франков с чем-то, в другом — чуть меньше десяти тысяч; у нее редко бывала при себе такая наличность.

Она поколебалась, но потом положила все деньги в свой кошелек. А бумажник незнакомца она выкинет, и как можно быстрее.

Лу перешла к содержимому своих сумок. Начала с дорожной. Грязная одежда: ее она больше никогда не наденет. Нужно купить новую, — Лу

посмотрела на часы: завтра. Кляп, который часами затыкал ей рот, — от него она тоже избавится. Она увидела, развернув платок, что это был всего лишь большой квадратный кусок набивного хлопка, каких немало продается в "Монопри", новый — то есть он раньше был новым, до четверга. Нет, до пятницы. Это в пятницу все рухнуло. Похищение длилось меньше двух дней. Без радио, без расписания работы магазинов и других временных отметок, задающих ритм современной жизни, Лу сказала бы, что прошло две недели.

Надо еще выкинуть мишленовский путеводитель: теперь он ей не нужен. Ремень. Мерзость. Захлебнувшийся фен. В смысле — сломанный, поправилась Лу.

Пока все, что она разобрала, шло на выброс.

Косметичка ей еще понадобится. Она вернула на место маникюрные ножницы. Швейцарский нож — поколебавшись, она все же положила его рядом с косметичкой: надо оставить. Имущество совсем небольшое, займет немного места. Косметичка и швейцарский нож.

Теперь торбочка. С ощущением, что она вскрывает древнюю могилу, Лу перебирала разные штучки из своей прежней жизни: солнечные очки, плетеный браслет, наполовину исполь-

зованная упаковка бумажных платков, флакон туалетной воды с пульверизатором. Тут были и ключи от квартиры в Вирофле, но не было… Лу быстро вытряхнула на пол все содержимое: не было ее бумажника с документами.

Он испарился, и это значило, что у нее больше нет ни удостоверения личности, ни кредитной карты. На остальное ей было наплевать — удостоверение избирателя, удостоверение донора, где указана ее группа крови, две-три дисконтные карты — на химчистку, бассейн, музыкальный магазин.

Наплевать ли? Вовсе нет. Потому что эти ненужные бумажки свидетельствовали о ней так же непреложно, как удостоверение личности и кредитная карта — документы, которые поначалу казались ей единственно важными.

Однако, важное или нет, где все это? Лу откинулась назад и вытянулась на полу.

Либо она не заглянула в один из карманов, документы остались там, и теперь ее ищут все полицейские, какие только есть во Франции. Это была ошибка, случайных промах, кошмарная глупость, о которой она не переставала думать с тех пор, как села в метро на станции "Обервилье-Пантен", но без таких ошибок никогда

не обходится. Либо этот парень, о котором она почти ничего не знала, где-нибудь спрятал ее документы, предпочитая не носить их с собой в те достаточно опасные часы до, во время и после встречи с репортером из "Пари-матч". Возможно, он собирался вернуть их Лу, когда они разойдутся каждый своей дорогой.

Одно из двух. Или тот человек оставил ее бумажник в своей халупе на седьмом этаже, предполагая напоследок наведаться туда; раньше или позже документы найдут и выйдут прямо на Лу. Или он сбагрил его куда-нибудь, зарыл, например, в глухом лесу, куда вряд ли ступит чья-либо нога.

Лу села, обхватив руками колени. В конце концов, это даже хорошо, что при ней нет никаких документов. Надо взглянуть правде в глаза: она не может оставаться Луизой Ориган, жить так, как жила прежде. Она должна стать другим человеком, начать новую жизнь. Собственно, она уже начала. Уже вступила в эту новую жизнь.

Вступила на новую дорогу, которой совсем не знала, — вот в чем парадокс. Ладно, пора двигаться, сказала себе Лу. Скоро все станет ясно.

Она расплатилась за комнату наличными, стараясь не показывать, как набит ее кошелек. В

глубине души она понимала, что в ее интересах сохранить бумажник того человека, о котором она ничего не знала, даже имени. У нее будет два кошелька, один для текущих расходов и другой — как чулок для заначки. Итак, три, решила она, я оставляю три вещи: нож, бумажник и косметичку.

В Туле стояла хорошая погода, градусов двадцать, не меньше; легкие облачка не предвещали ничего дурного. Лу вошла в старый город, миновав крепостные стены, и прогулялась по маленьким улочкам. Мец, Туль и Верден, повторяла она про себя, что это? Может быть, три битвы? Воспоминания из начальной школы.

Она прошла мимо красивой церкви темно-серого цвета. Справа от ступеней стоял контейнер, куда благотворительные общества предлагают класть старые вещи. Выглядит вовсе не зловеще, сказала себе Лу, но ведь башни, где оставляли брошенных младенцев, тоже не выглядели зловещими. Не додумав эту мысль, она сделала вид, что специально принесла сюда целую сумку одежды, подошла к контейнеру и разом избавилась от ненавистного шмотья и оттого, что выглядело как обыкновенный квадрат ткани из набивного хлопка.

Заодно уж она рассталась и с мишленовским путеводителем — сунула его в водосточный люк, двумя улицами дальше, даже не посмотрев по сторонам.

Туль оказался очень маленьким городом. Ощущение было такое, что на нее направлен гигантский прожектор и она движется в круге света, как полуголые девушки на арене цирка. Трудно будет найти работу в таком небольшом городке. Она обойдет по очереди все рестораны и магазины, ее очень быстро запомнят — "да-да, темненькая такая, и, похоже, нетвердо знает, как ее зовут".

Ясно — отсюда надо уезжать. Осталось решить, в какую сторону. Лу колебалась: двигаться дальше в Нанси или вернуться в Париж.

Из расписания она узнала, что поезд в Нанси отправляется в 15.53, парижский — в 14.57. Она выбрала Париж. Так она выиграет целый час. Зачем выиграет, у кого выиграет, станет ясно в последующие дни.

Она открыла для себя и другой парадокс, известный всем беглецам: прятаться лучше в знакомых местах — теперь она была этом уверена.

В поезде она проглотила несколько очень тонких и очень сладких ломтиков пирога — все, что

осталось из еды в баре. Она не могла заставить себя сесть где-нибудь и пообедать и сомневалась, будет ли это еще когда-нибудь в ее жизни. А в тюрьме едят за столом? Лу, конечно, знала, как и все, что заключенным приносят поднос с едой. И как они едят? Держат поднос на коленях, присев на койку? Или в углу стоит стол?

В 15.12 поезд остановился в Коммерси. Около 16.00 Лу воспользовалась тем, что никто на нее не смотрит, и выбросила отвратительный кожаный ремень, плотно свернув его, в маленькую съемную урну под окном, возле сиденья. В 17.59 она была в Париже.

Шесть часов вечера, а светло, как днем. Не выходя на улицу, Лу нырнула в метро. На станции "Восточный вокзал" выбор не так уж и велик: всего три линии. Она не поедет в сторону Иври или Вильжюифа, не сядет на разветвляющуюся линию, по которой ехала вчера и выскочила на "Восточном вокзале". Слишком похоже на возвращение в прошлое. Порой мечтаешь об этом, но сейчас ни за что на свете Лу не согласилась бы вернуться во вчерашний вечер. Она выбрала "четверку" — линию в сторону "Орлеанских ворот", — подальше, подальше от "Обервилье-Пантена".

*

Она вышла из метро на конечной, радуясь, что так быстро выбралась из Парижа. Ей нужно срочно избавиться от сломанного фена: во-первых, это серьезная улика, а во-вторых, из него продолжала сочиться вода — на дорожной сумке расплывалось влажное пятно, зловещее и предательское, как те нестираемые пятна, о которых говорится в сказках. Как поступить с феном? Напрашивалось единственное решение: просто-напросто вышвырнуть на помойку. И желательно, чтобы эта помойка была не в Париже.

Логики тут не было, она и сама это понимала. Вряд ли они уже установили орудие преступления, еще менее вероятно, чтобы подмоченный фен искали по всему городу. Впрочем, Лу даже не знала, где это случилось, где фен нахлебался воды, — в Париже или нет. И все-таки лучше выбросить его где-нибудь в пригороде. Ей это придаст уверенности. Может быть, оттого, что у Парижа есть четкие границы, тогда как пригород — понятие растяжимое.

Она перешла через мост над кольцевой дорогой и оказалась в неизвестном месте. Но хоть не в Орлеане, уже хорошо. Потом, миновав указатель

на Монруж, поняла, что идет прямо к "Ботику", пристанищу тех, кто помешан на парусах и мачтах, — магазинчику, где работал Ивон.

Она повернула на девяносто градусов и двинулась на восток по внешней стороне кольцевой дороги. По улице Барбеса, потом по длинному шоссе Вайан-Кутюрье, вверх, вниз. Архитектура этого местечка наглядно демонстрировала заранее проигранное сражение между цепью маленьких предместий, с налетом беспорядочного и добродушного урбанизма, и мегаполисом, которому настолько тесно в его границах, что он выступает за них и заглатывает соседние территории. Со стороны Парижа здесь были только новехонькие отели и офисы разных компаний, чьи аббревиатуры все до единой начинались на букву "S". Пригород сопротивлялся, защищая свою честь. Особняки 1900-х годов держались по-стариковски стойко, выделяясь на общем фоне своим тускло-красным или палевым цветом. Через каждые тридцать метров располагались допотопные забегаловки, сообщавшие не в меру большими буквами свое название и гастрономическую специализацию: "Ретро", "Гасконец".

Народу по пути встречалось немного: мусульманские женщины в белых платках, в черных

платках, негритянки в тюрбанах, окруженные детьми. Она шла дальше и по табличкам с названиями улиц, на которых теперь значилось название городка Жантийи, поняла, что попала в другой пригород. Жантийи был весь на холмах. Улица Жана Жореса круто шла вверх; на середине подъема Лу заметила зеленый контейнер с надписью: "Упаковки и небольшие электробытовые приборы". Лучше не придумаешь. Она поспешно отделалась от своего фена — мог же он просто перегореть и окончить свой век на здешней специализированной свалке, — и решила провести ночь в городке Жантийи, который как будто отнесся к ней вполне доброжелательно. Затем сказала себе, что именно так поступают пироманы: бросив зажженную спичку, остаются поблизости, чтобы наблюдать за тем, что будет дальше. И пошла вперед — на восток, по-прежнему на восток — до соседнего пригорода, который, как она узнала, прочитав надпись в алюминиевой раме, назывался Кремлен-Бисетр.

Она добралась туда в половине восьмого. Дневной свет сменялся зеленоватыми сумерками. Лу не помнила, чтобы она когда-нибудь видела такой закат, золотисто-зеленый. Она походила, осматриваясь, какое-то время, обошла сквер

Жюля Геда, площадь Воина, улицу Дантона в поисках ночлега. В конце концов зашла в кафе на улице 14 Июля и спросила, действительно ли в Кремлен-Бисетре нет гостиниц.

— Да они теперь все на кольцевой дороге, — ответил хозяин кафе, — ближайшие у Итальянских ворот. Там есть "Ибис", "Кампаниль"...

— В самом Кремлене осталась только одна гостиница на улице Салангро, — вмешался официант. Но он не стал бы рекомендовать ее, потому что она не ахти какая.

Через две минуты Лу была на улице Салангро. Не ахти какая гостиница называлась "Центральная". Хотелось спросить, центром чего она является. "Все удобства" — было написано на табличке около стеклянной двери — надпись, призванная опровергнуть впечатление, возникавшее при взгляде сквозь стекло.

У стойки, если можно назвать стойкой клетушку с окном, в которой молодая женщина с чуть раскосыми глазами коротала время за телевизором, Лу предоставили широкий выбор разнообразных комнат; она решила взять одноместный номер с умывальником за сто шестьдесят франков и заплатила еще двадцать за дополнительную услугу — телевизор.

Все удобства, повторила она раз двадцать, оказавшись в маленькой темной комнатке. "Телевизор вам сейчас принесут", — сказала молодая азиатка, дежурившая у стойки. Это "сейчас" не означало ровным счетом ничего, и Лу провела добрых десять минут, лежа на кровати и размышляя, как лучше поступить — попросить, чтобы телевизор принесли побыстрее, или, наоборот, промолчать, чтобы никто не заметил, с какой жадностью она стремится получить его — точно наркоман свою дозу.

Наконец, всего-то в три минуты девятого, она нажала на кнопку "пуск/стоп". В программе "Двадцать часов на Втором канале" продолжали говорить о серьезных мировых проблемах, в данном случае о выборах в Восточной Европе. Было еще слишком рано подводить итоги выборов в Польше, но католики, ведомые "Солидарностью", по всей видимости, должны были победить. Что касается Сербии, нужно ждать еще несколько дней, прежде чем появятся цифры.

Она посмотрела репортаж о демонстрациях в Венеции и Милане, в которых приняли участие более миллиона человек, выступающих против сепаратистских планов "Лиги Севера". В первый раз Лу услышала название Падания. Никогда еще

она не смотрела так внимательно выпуск новостей, все подряд, включая репортаж об экскурсии на старинную шоколадную фабрику Менье в Нуазьеле. Культурное наследие — это ведь не только замки и соборы. Выпуск заканчивался потрясающими кадрами начала парусной гонки Уитбред, в Саутгемптоне. Лу вспомнила, что, сложись все по-другому, она бы сейчас была там.

"Приятного вечера", — сказал ведущий с уверенностью прилежного ученика, сдавшего свой устный экзамен на отлично. Куда уж приятнее! Лу не стала выключать телевизор, но продолжение программы смотрела одним глазом, да и слушала вполуха.

Где-то она прочла или услышала, что огромное количество преступлений так никогда и не получают огласки. О них не говорят ни слова в прессе — либо потому, что не позволяет полиция, предотвращая возможную утечку, либо потому, что об этом просят родственники и добиваются своего.

В моем же случае, сказала себе Лу, которая вот уже несколько недель не верила в свою добрую звезду, штука в том, что эта история слишком свежа. Прошло меньше суток. Они еще не установили личность этого неизвестного, найденного

мертвым в гостиничном номере; у них нет материала даже для пятисекундного эфира; прежде чем дать делу огласку, они постараются разузнать о нем побольше.

Ближе к часу ночи она посмотрит последний выпуск на Первом канале. А пока что найдет программу передач и где-нибудь перекусит. Она взяла дорожную сумку, открыла ее, поколебалась немного и в конце концов три четверти своей наличности переложила обратно в большой бумажник, сунула его в косметичку, вместе со швейцарским ножом, выключила телевизор и вышла из комнаты с торбочкой на плече.

Смеркалось. На улице ей не встретилось ни одной женщины. Лу не хотела слишком выделяться, она зашла в первую попавшуюся забегаловку, крохотную, с режущей глаза неоновой вывеской. Чуть позже она заметила, что других женщин среди посетителей нет, и пока усатый мужчина в черной рубашке стругал тушу неведомого животного, поджаривавшегося на вертикальном шампуре, думала только об одном: хорошо, что она не пышная блондинка. Хотя брюнетка — это тоже неплохо, кричали ей со всех сторон черные глаза.

Шаурму она съела на ходу, на улице. Она не

решилась даже присесть на скамейку и пошла обратно к гостинице. Изменить жизнь, изменить жизнь, твердила она себе. Подумать только, есть люди, которые мечтают об этом.

Она решила не искать газету, предпочла не просить телепрограмму у женщины за стойкой, которой, кстати, там уже не было, поднялась в свою комнату, выпила воды из-под крана и устроилась на своем посту на кровати, перед телевизором.

Напряженная обстановка сохранялась на всех каналах без исключения. На Пятом Носферату преследовал Изабель Аджани; на Втором некая Тереза неустанно твердила о том, чего ей стоило пережить войну; на Третьем умирал судья; на Первом терминатор мочил все, что движется. Следующий фильм назывался "Восемь миллионов способов умереть". Это было уже слишком, и Лу сбежала на Шестой, где какая-то молодая швейцарка нанялась гувернанткой в богатую семью из Сайгона.

Периодически она переключалась на Первый или Второй канал, чтобы проверить, не начался ли выпуск новостей.

Где-то после полуночи она сделала над собой усилие и посмотрела сколько-то из восьми мил-

лионов способов уйти из жизни. Чтобы скоротать сорок пять минут до ночных новостей на Первом. Было слишком поздно для того, чтобы делать звук громче, поэтому она села прямо перед телевизором, на единственный в комнате стул, и обратилась в слух, как духовник на исповеди.

Она знала, как бы она сама отреагировала, если бы услышала о таинственной смерти неизвестного в отеле. Сведение счетов, подумала бы она. Хулиганские разборки. А еще вероятнее — самоубийство.

Ничего, по-прежнему ничего. Конечно, по большому счету, это не делает погоды в мире, сказала себе Лу, укладываясь в кровать. Повторяла еще раз и еще: в мире есть более важные вещи, и вообще, что это меняет?

И однако не могла заснуть. Ну же, говорила она, у тебя есть кровать, настоящая кровать, твоя кровать, есть комната, которая закрывается на ключ. Она долго плакала, не сдерживая слез. Выплачусь, думала она, станет легче. И ей действительно стало легче.

*

Рано утром ее разбудил шум воды и хлопанье дверей — для гостиниц "со всеми удобствами"

вполне характерные звуки. Ей нужно многое сделать в этот понедельник. По порядку: найти лейкопластырь в аптеке и кого-нибудь, кто посмотрел бы ее порезанный палец, купить во что переодеться с головы до ног, выбрать в каком-нибудь другом пригороде место для ночлега, прочитать пару газет, для того, разумеется, чтобы следить за ходом событий, а также ради объявлений. Потому что надо найти работу.

Особой спешки не было, но она все же подсчитала свои расходы. Ночевка в отелях по двести франков, хоть сколько-то на еду — за день получается по меньшей мере двести пятьдесят франков, то есть десяти тысяч ей хватит на сорок дней. Еще одежда, непредвиденные расходы, без которых не обойдется; и еще плата за квартиру, вдруг вспомнила Лу, надевая туфли. Плата за квартиру в Вирофле, мне надо заплатить за нее в начале октября, если я не хочу, чтобы в агентстве подумали, будто я исчезла, испарилась, уехала тайком; после двух телефонных звонков в пустоту и одного неотвеченного письма они разорвут мой арендный договор, выставят во двор мебель и все мое барахло, а значит, весь квартал узнает, что я куда-то пропала. Четыре тысячи франков за квартиру придется внести через несколько дней:

остается всего месяц финансового благополучия. Месяц, иначе говоря — только-только, чтобы найти работу.

В восемь часов открыты были только аптеки, булочные и кафе. Службы первой необходимости, сказала себе Лу. Она показала палец седеющему аптекарю, и, естественно:

— Как это вас угораздило? — спросил фармацевт, промывая рану и не особенно церемонясь.

— Ножом, — сказала Лу, — я чистила каштаны.

Аптекарь нахмурил брови:

— Каштаны, в сентябре?

— Корсиканские каштаны, они рано появляются, — сказала Лу, с благодарностью думая, что в жизни предостаточно несуразностей.

Она вышла из аптеки с упаковкой перевязочных средств и адресом ближайшего магазина "Монопри", в Вильжюифе, чувствуя спиной упорный и недоверчивый взгляд, словно ожог между лопатками. Лу всегда предпочитала покупать одежду в больших магазинах, а не в маленьких модных лавках с неизбежным возгласом единственной продавщицы: "На вас сидит просто идеально!" Но до открытия магазинов, больших или маленьких, у нее достаточно времени, эти службы второй необходимости открываются не

раньше девяти, даже половины десятого. Она купила "Паризьен" в киоске на улице Генерала Леклерка и устроилась в дальнем зале соседнего кафе, на вывеске коего значилось имя того же прославленного вояки.

Ей потребовалось немало мужества, чтобы открыть газету. Она вдруг поняла, что в телевизионных новостях редко говорят о преступлениях и самоубийствах. Либо потому, что полиция не разрешает снимать, либо потому, что пресса считает это своим исключительным правом: о подобных происшествиях, утверждает она, лучше читать на бумаге, чем видеть их на экране. Короче, тому, что не удостоилось внимания Первого или Второго канала, "Паризьен" вполне мог посвятить полполосы.

Лу теперь безумно боялась газет. Но она удвоила свою решимость и открыла сразу страницу "Происшествия". Там сообщали о похоронах Анри Поля в Лорьяне, о денежных растратах Ксавье Дюгуэна в Эсонне, о потушенном уже почти год назад пожаре в тоннеле под Ла-Маншем. И ничего о собственно парижских происшествиях. На четырнадцатой странице одна колонка была посвящена трем убийствам и нескольким насильственным смертям. Преподаватель английского

языка двадцати восьми лет был найден мертвым с многочисленными ножевыми ранениями у себя дома, в Кулёвре (Алье). На мужчину и женщину, возвращавшихся к себе в Мез (Эро), напали один или два мотоциклиста. В наши времена уже небезопасно находиться дома или возвращаться домой, автоматически отметила Лу. Альпинист сорвался с высоты пятьсот метров в горном массиве Экрен. Вооруженный огнестрельным оружием безумец окопался в своем доме в Сен-Манде с утра пятницы. Утро пятницы, произнесла про себя Лу, я как раз выходила из своей квар…

При виде официанта она вздрогнула от неожиданности. Должно быть, он уже секунд пятнадцать-двадцать наблюдал за ней, она же с головой погрузилась в описание этих жутких событий и не слышала ничего вокруг.

— Мне кофе со сливками и круассан, — сказала Лу, раздумывая, сможет ли она когда-нибудь произносить эти невинные слова, не умирая со страху.

Она вернулась к хронике происшествий, перечитала страницу, перешла к разделу "Город" и рубрике "Кварталы Парижа". О чем тут только не писали, но ни слова о… нет, прервала себя Лу, я не скажу "о том, что меня интересует". Скорее

"о том, что не интересует меня совершенно". Об истории, похожей на кино, да, именно, что-то подобное я видела в кино, уж и не помню когда.

Ее путь лежал в сторону Вильжюифа. Кофе и круассан она проглотила в минуту, у нее даже не было времени пробежать глазами объявления о вакансиях. Теперь, сказала она себе, все в моей жизни зависит от случая. Нет, поправилась она, случай занимает в ней ровно такое же место, как и в прошлом году. Изменилось лишь то, что сейчас решаешь не ты, а он.

У человека, который работает в кафе "Генерал Леклерк" официантом, есть свои привычки. Например, по вечерам в субботу он встречается с друзьями в ночном клубе в Марэ. Тридцать первого августа в известный час он тоже был в тоннеле Альма, только ехал с запада на восток. Он во все глаза смотрел на "мерседес", летящий по встречной полосе, и видел лицо женщины, сидевшей за рулем машины-помехи. Он описал ее следователям, да, молодая, вроде бы брюнетка или шатенка, нет, больше ему нечего добавить. И вот сегодня, в понедельник, он вновь увидел это лицо. В кафе, где он работает шесть дней в неделю, он подошел к посетительнице, чтобы принять заказ, она не отрывалась от газеты, он

ждал, пока она поднимет голову, смотрел на нее сбоку, и — чудо! — он ее узнал.

Лу обернулась. В толпе служащих, идущих в сторону метро, не было ни одного человека, мало-мальски похожего на официанта из кафе. Кажется, никто не следил за ней. Сколько пройдет времени, пока ей на плечо не опустится тяжелая рука: мадемуазель Ориган? Сколько еще времени — месяцы, годы — это будет мерещиться ей каждую минуту?

На улице Жана Жореса — на улице Жана Жореса в Вильжюифе — магазин "Монопри" был еще закрыт. Лу посмотрела расписание на двери. Пятнадцать минут десятого, ждать еще полчаса. Прямо напротив увидела объявление: "Монопри" набирает продавщиц, кассирш, менеджеров. Направляйте резюме в дирекцию магазина".

Она развернула "Паризьен" на странице "Объявления — работа". То же самое. "Пришлите резюме и фотографию в приемную "Лезур", авеню Оперы…", "Направляйте вашу краткую биографию в отдел кадров…". Конечно. Фамилия, имя, адрес. *Адрес.* Мы вам напишем… Номер карточки социального страхования, опыт работы, адрес предыдущей работы… Сведения о судимостях…

Есть еще нелегальная работа, сказала себе Лу.

Куча людей так и работает. Мелкие магазинчики и их мелкие договоренности с полицией сразу выросли в ее глазах.

За утро она постучалась примерно в двадцать мест. Гардероб она обновила, но относительно работы положение никак не изменилось. В магазине "Лавлинь" в Вильжюифе она купила темно-коричневый кашемировый свитер под горло, стопроцентная синтетика, и в первый раз задала вопрос: "Вам не нужна продавщица?" В "Ку-де-Фоли" ей ответили:

— Нам не требуются, но продавщиц ищут все большие магазины. Кстати, возможно, даже и в "Монопри" на улице Жана Жореса…

В "Дженифер" где она нашла белые джинсы на каждый день, сразу же надела их на себя и заодно воспользовалась примерочной, чтобы облачиться в подделку под кашемир, продавщица посоветовала ей искать работу в Париже.

— Там заработки больше и хозяева не такие уроды. Уверяю вас, если бы владельцем здесь не был мой муж… — Она не договорила фразу до конца.

В тунисском магазине на авеню Мориса Тореза в Иври, настоящей тунисской лавочке с продавцом-тунисцем, где торговали пластмассовой

посудой made in Tunisia и шмотками, без особых формальностей привезенными из Туниса, — вещами вполне одноразовыми, хозяин объяснил ей, что здесь работают семьями, что у него есть две дочери и их мать, то есть его жена, и еще мать его жены.

В двух шагах от мельницы Иври, в "Биржит", где все продавалось со скидкой, о чем покупателей извещали огромные желтые ярлыки, мужчина в черном — весь в коже и весь в черном, — рассказал ей, ни на минуту не прекращая складывать футболки, что у него была продавщица, ее звали Биржит, он дал своей лавке ее имя, и не только имя, чего бы он только не отдал этой девушке, но она предпочла ему… ну, он, конечно, не собирается рассказывать всю свою жизнь, но эти продавщицы, с ними покончено, он слишком к ним привязывается, слишком сильно и слишком быстро, а кроме того, дела идут не совсем хорошо, особенно после 93-го года, да и до 93-го тоже, а что касается Биржит, я бы на ней женился, понимаете, я был готов на ней жениться, но у меня даже времени не было на… Лу купила комплект из четырех пар трусиков за десять франков, лишь бы прервать этот поток.

Днем она решила изменить тактику и обошла

рестораны, кафе и закусочные. Сверху, с холмов Иври, она заметила низину, манившую голубой дымкой, спустилась, перешла один из мостов-близнецов, носящих имя Нельсона Манделы, откуда видно было место слияния Сены с другой, такой же широкой рекой — Лу без особой уверенности нарекла ее Марной, — и оказалась в Шарантоне.

Она попала в другой мир. Слева и справа от дороги тянулась бесконечная стройка. Здесь дюжинами возводились жилые комплексы, тут — "Дом на холмах", там — "Прекрасная деревушка", из желтого, белого или розоватого камня.

Наконец она выбралась на давно достроенный широкий проспект, классическую парижскую улицу с обычным набором баров и ресторанов. Она предложила свои услуги в "Божоле", в "Зеленом бамбуке", в "Альянсе", в "Париже". "Оставьте ваш адрес", — сказали ей в "Бальто", и она не смогла сдержаться: "А вы бы оставили на моем месте?" Надежда мелькнула только в "Опушке", да и то всего на минуту. Это заведение было определенно побогаче предыдущих, да и сам квартал тоже, за "Опушкой" виднелся парк, деревья, лужайки. "Работа? — переспросила дама неопределенного возраста в костюме рубинового цвета. — В прин-

ципе, это возможно".

Это невозможно, повторяла про себя Лу, у нее такой взгляд, словно она меня раздевает. Так оно и было. "Что касается одежды, — сказала дама, — понадобится что-то более кокетливое, понимаете, о чем я? Что-то более женственное", — и Лу решила отложить поиски на следующий день, на сегодня с нее довольно.

Нельзя сказать, что положение совсем отчаянное, по крайней мере с финансовой точки зрения. "Последний день, — кричал с карусели Пьеро, — последний день лета, не пропустите, не пропустите!" Небольшое ярмарочное гулянье около церкви притягивало взгляд и слух. Лу съела порцию жареной картошки в какой-то пивной; метров через двести, в баре "Эколь", медленно-медленно выпила лимонадного пива. Погода была хорошей, в такие дни она обычно устраивалась на террасе. Но теперь в ее жизни не было ничего обычного, нормального, само самой разумеющегося, и Лу спряталась от посторонних взглядов в дальнем помещении. Там она оказалась в одиночестве. Никогда в жизни я не была так одинока, вынуждена была она добавить, и потом — ну же, шевелись, действуй. На стене висел план городка, она поднялась, чтобы рассмотреть

его вблизи, и увидела, что парк с высокими деревьями — не что иное, как Венсенский лес. Она никогда не бывала там, но слова бандерши в рубиновом костюме навели ее на мысль, что ближе к вечеру в этом месте должно быть большое скопление полицейских; она решила отложить лесную прогулку на следующий день.

Она пошла дальше в поисках пристанища на ночь. В новой части Шарантона из гостиниц ей попались лишь "Ибис" и "Новотель".

— Маленький недорогой отель? — переспросила какая-то дама в возрасте. — Но в Шарантоне не осталось ничего дешевого. Все теперь дорого, из-за леса.

В конце концов на самой окраине, на авеню Маршала де Латра, служившей местной окружной дорогой, Лу обнаружила третьеразрядный отель. Она попросила номер подешевле, увидела, что за такую цену не предполагается наличия окон, и вышла из номера, даже не оставив там вещи. В шесть часов вечера, в последний день лета, слишком рано усаживаться в темноте перед телевизором. И кроме того, дневные газеты уже поступили в киоски, она достаточно откладывала, нужно заставить себя прочитать хотя бы одну.

Повернув обратно в сторону Сены, к уцелевшей части старого Шарантона, она прошла мимо прачечной, выглядевшей, вопреки обыкновению, не слишком угрюмо, и решила зайти туда на минутку. Я начинаю учиться убивать время, как иммигранты, осознала она. Это я-то, без пяти минут эмигрантка! Впрочем, эмигранты, иммигранты — не все ли равно; вопрос лишь в том, с какой стороны смотреть: те, кого называют иммигрантами, сами себя, наверно, считают эмигрантами.

Когда, с "Монд" в руках, она вернулась в прачечную, то поняла, почему ее так сюда тянуло. Из-за публики, состоящей в это время исключительно из негритянок, казавшихся сестрами, высоких веселых красавиц в кричащей одежде.

Лу провела там сорок минут, хотя чтение "Монд" не отняло у нее много времени: во всех газетах она мигом пробегала хронику и смотрела в рубрике "За рубежом", пишут ли еще о леди Ди. Вернее сказать, она провела там столько времени, сколько потребовалось стиральной машине, чтобы завершить программу №3 "Экономичная стирка". Лу казалось, что здесь она в надежном укрытии — среди смеха и гвалта черных Юнон, и еще, наверно, из-за шума стиральных машин.

Пока стирались ее футболка и джинсы — когда отжим закончится, это будут уже другие вещи, не те, что она надела на себя в гостинице на севере Парижа (гостиница на севере, гостиница из фильма, шум стиральной машины, несуществующая гостиница), — Лу убедилась, что газета больше ни словом не упоминает о принцессе в тоннеле Альма — барабан все еще крутился — и по-прежнему ни слова об утопленнике из Обервилье или о "фиате", вытащенном из воды, — барабан крутился с беспощадной неторопливостью стенных часов.

*

Следующий день был совсем летним. Лучезарный день, искрившийся синевой словно в насмешку над произвольностью и условностью календаря. Выйдя из своего темного номера, Лу на секунду представила себе, что оказалась в другом полушарии, в другом времени года. Всего на секунду, не больше: она запрещала себе мечтать, ей и так с огромным трудом давались попытки вернуть свою жизнь в нормальную колею.

Она прошла через Венсенский лес по песчаной аллее вдоль берега озера. Было очень странно слышать гул машин и не видеть их, вышагивая среди романтических островков и плакучих ив.

Вся в поту, она добралась до Сен-Манде. Из натурального кашемира ее свитер или нет, для него было явно рано. Лу вспомнила, что настоящий кашемир делали из шерсти гималайских коз. Ты прекрасно знаешь, что твой свитер — не натуральный. Возможно, но я все равно зажариваюсь. Наверно, это из-за названия. Название ведь много значит. Думаешь о кашемире, и тебе становится жарко.

И как нельзя более кстати на авеню Генерала де Голля, на стене перед входом в небольшую модную лавочку, в ряд были вывешены летние платья, под общей вывеской "Специальное предложение". Уже многие годы Лу не носила платьев, но сто франков за джинсовый наряд — это действительно дешево. К тому же оно прекрасно сшито, рассуждала Лу, разглядывая на себе в примерочной платье подходящей длины, с юбкой клиньями, с короткими рукавами и воротником-стойкой, на пуговицах сверху донизу по типу сутаны.

— Ну как? — спросила продавщица из-за занавески.

— Вроде бы неплохо, — сказала Лу, выходя из примерочной.

— Неплохо! — воскликнула разодетая дама лет

шестидесяти, всплеснув руками. — Вы хотите сказать, великолепно!

Звучало это искренне.

— Смотрите, как платье вас меняет, — взволновалась продавщица. — Вы стали совсем другой.

Из зеркала на Лу смотрела незнакомая девушка — высокая, с тонкой талией, с узкими бедрами. Ей вспомнилось, как мать говорила ей, сокрушенно покачивая головой: одежда и прическа — это пятьдесят процентов внешнего вида, надеюсь, когда-нибудь ты вспомнишь мои слова.

Наверно, я не носила платьев со времен первого причастия, сказала себе Лу. Юбка, развевающаяся не в такт шагам, мягкие волны у ног напомнили ей о давно забытых радостях. Внезапно она решила зайти в парикмахерскую, на той же стороне улицы. Культу красоты служили три женщины, блондинки в белых брюках и халатиках, все они были заняты своей работой, стояли перед зеркалами за спинами клиенток, но встречал пришедших мужчина. Он был небольшого роста, в провансальской рубашке с узором на черном фоне.

— Химию? — спросил он, увидев ее взъерошенные кудри.

— Как раз наоборот, — сказала Лу. — У меня во-

лосы сами вьются, так было всегда, и мне надоело. Хочу распрямить волосы и стать блондинкой.

Самая светленькая из трех женщин подошла к ней, чтобы глянуть опытным глазом. Лу провела левой рукой по лбу, показав, какой длины должна быть челка.

— Понимаю, — кивнула парикмахерша, — как у леди Ди.

— Нет, нет, — поспешно сказала Лу.

— Да, — повторила дама. — То, что вы показываете, это стрижка леди Ди, сейчас все просят такую, вам очень пойдет. Давайте вымоем голову, нет, вот сюда. Из вас мы сделаем более пепельную блондинку, не такого соломенного цвета, как у Дианы. Блондинкой нужно становится постепенно, чтобы вашему окружению и вам самим легче было привыкнуть. Успеете еще стать блондинкой цвета Мэрилин Монро, — добавила она тоном, который говорил: это стоит того.

Пятьдесят процентов, это как минимум, повторяла себе Лу в последующие часы, поглядывая на свое отражение в витринах. С этой прической и еще в платье я изменилась даже на шестьдесят, шестьдесят пять процентов.

Она почувствовала себя еще более одинокой, бесконечно оторванной от привычной жизни.

Следующим шагом будет амнезия, сказала она, понимая, что вот-вот переступит эту грань.

Амнезия или раздвоение личности? Одна, та, что живет днем, — обо всем забывает. За несколько недель она все забыла. Другая помнит. Та, ночная, что лежит с открытыми в темноте глазами. Посмотрим, сказала про себя Лу. Может быть, эти двое сумеют понять друг друга.

В Венсене она купила "Фигаро" и "Либерасьон". В Сербии партия Милошевича уверенно шла к победе на выборах. Банк "Лионский кредит" постепенно улаживал свои финансовые проблемы. Покончено с издевательствами над новичками в Школе искусств и ремесел. Сеголен Руаяль[3] бросает грозные взгляды, школяры только пожимают плечами.

Ни слова о погибших в тоннеле Альма и о трупе в Обервилье. Ни слова, по-прежнему ни слова.

Лу впервые в жизни съела шведский сэндвич, с зернистым хлебом. Мне захотелось его попробовать из-за нового цвета волос, предположила она. Под солнечными лучами она прошла весь Монтрёй, не упуская случая полюбоваться светленькой девушкой, которая так уверенно шагала

---

3 notes: 3

Сеголен Руаяль — французский политический деятель, в правительстве Л.Жоспена занималась вопросами школьного образования.

вперед своей дорогой.

*

Через два дня она пришла в Бекон-ле-Брюйер. Двигаясь против часовой стрелки, она обогнула пол-Парижа, ночевала в Роменвиле, в Клиши, загорела, сбросила добрых два килограмма, слегка успокоилась и сотни раз успела задать вопрос: "Вам не нужна продавщица (кассирша, официантка)?"

Хорошая погода установилась окончательно. Снова можно было видеть загорелые плечи. По правде говоря, Лу не была расположена идти пешком ни через Пантен, ни через Обервилье. На метро ехать тоже не хотелось, в Пре-Сен-Жерве она села на автобус, идущий по кольцу, и вышла только после Сен-Дени, в Сент-Уэне.

И снова пошла пешком, от двери к двери, снова искала работу и урывками читала газеты. И наконец в четверг, в половине двенадцатого, несолоно хлебавши, не зная, куда податься и что делать дальше, она села на скамейку в парке Бекона и почувствовала, что у нее нет больше сил. Она откинула голову назад, на спинку скамейки. Солнце жарило по-настоящему. Она закрыла глаза.

Вокруг щебетали птицы и дети. Пахло кашта-

нами, собаками и старым песком. Звонила ли Анжела в Вирофле, беспокоясь, куда она пропала? Заходил ли к ней Ивон? Возможно. Может быть, они посчитали, что нет необходимости обращаться в полицию: вряд ли там рьяно возьмутся за поиски взрослой девушки в здравом уме, которая вольна делать все, что ей вздумается. Ивон, конечно, ничего не сказал о короткой записке, оставленной на столе, — ему не слишком приятно вспоминать о ней. Но, рассуждая логически, из этой записки он должен быть заключить, что Лу не бежала со всех ног от какой-то опасности.

Подождем, решили они. "Она вернется", — говорила Анжела. "Может, и нет, — думал Ивон. — Она что-то скрывала". "Ей необходим был отпуск, она ужасно вымоталась", — вспоминала Анжела.

Если только они увиделись. Потому что Ивон мог очень болезненно воспринять ее отъезд, мог озлобиться, смотреть бирюком и ни с кем не разговаривать, даже с самим собой.

Ай, вскрикнула Лу, прерывая свои размышления. Малыш на трехколесном велосипеде с довольным видом глядел на пробоину, которую проделал его бампер у тетеньки в ноге. Лу схватила его за руку. Он ее укусил. И тут же голова его дернулась от сильной затрещины. "Ах ты, ах

ты..." — заорала огромная бледная женщина, ее волосы были спрятаны под косынкой, завязанной на затылке.

— Не бейте, не надо, — сказала Лу.

— Еще чего! — взревела женщина. — Паршивец такой!

К ним подошли еще десять малышей и уставились на кровь, стекавшую по ноге Лу.

— Живо домой! — закричала толстая дама. Она взяла Лу за локоть и помогла ей подняться. — Пойдемте ко мне, я обработаю вашу рану, — распорядилась она.

Возражать было бесполезно. Ну и хорошо, Лу уже надоело управляться одной. Хоть бы кто-нибудь взял ее за руку и сказал: "Сюда". Больше ей ничего и не нужно.

Вся орава устремилась в подъезд обветшалого здания, рядом со сквером.

— Это все ваши дети? — спросила Лу.

— Есть мои, есть чужие, — сказала дама. — Этот — мой, самый ужасный, — уточнила она, поддав коленом мальчику с велосипедом, а мальчик в ответ пнул ее ногой.

— Сколько ему? — из вежливости спросила Лу.

— Не помню, — проворчала женщина. — Знаю только, что не дорос до школы, иначе, не сомне-

вайтесь, я бы тут же его сбагрила.

Лу увидела, что на самом деле все дети были очень маленькими, не старше двух-трех лет.

Войдя вместе с ними в квартиру, она чуть не оглохла — такой стоял ор. Два крупных младенца, вцепившись в прутья кровати, визжали безостановочно.

— Заткнитесь, — с чувством сказала великанша. — Все будем кушать через пять минут.

Лу чуть не взвилась от боли, когда женщина приложила к ране ватку со спиртом.

— Так надо, — уверила она.

У Лу закружилась голова. Она опустилась на пол, покрытый линолеумом, черные точки замелькали в глазах.

Когда она очнулась, ее окружали дети.

— Я принесу вам кофе, — донесся из кухни лишенный какого-либо сочувствия крик.

— Я не пила такого кофе уже бог знает сколько времени, — проговорила Лу, сидя на полу и держа в руках горячую чашку.

— Будете обедать с нами, — объявила сердобольная женщина. — Помогите мне, так будет быстрее. Как вас зовут?

— Патрисия, — сказала Лу. — А вас?

— Айша, — ответила та, приветливо наклонив

голову.

Через десять минут Айша наполнила жареной картошкой большую эмалированную миску, ничуть не беспокоясь о том, сколь опасна жарка в трехкомнатной квартире, где вертятся десять — пятнадцать ребятишек. Когда детки уселись на пол в комнате, которая служила и для игр, и для еды, и для всего на свете, она раздала каждому по тарелке с картошкой. То же самое она дала Лу, без всяких приборов. И младенцам, которые блаженно задвигали челюстями в своих кроватках-клетках.

Лу чувствовала себя точно такой же, как эта мелюзга, не достигшая трех лет, ей тоже нравилось есть картошку руками, ей было почти хорошо.

— Трудно, наверно, управляться с такой оравой, — сказала она, чтобы что-то сказать.

— Иногда хочется сделать из них котлету, — подтвердила Айша.

— Мир устроен неправильно, — на всякий случай сказала Лу, — у вас слишком много работы, а я безуспешно пытаюсь ее найти.

Через минуту они договорились. Лу будет получать триста франков в день. Приходить будет в девять утра, когда детей уже привели, а уходить в четыре, до того, как детей забирают домой.

— Понимаешь, — объяснила Айша, — они своих детей доверяют только мне.

Лу понимала другое: что об этой работе никто не узнает, что ее резюме и ее имя нужны Айше как прошлогодний снег и что начинать можно прямо сейчас.

— Иногда, — сказала Айша, — ты будешь оставаться с ними одна на три-четыре часа, дома или в парке.

— Хорошо, — ответила Лу. — Для меня важны только две вещи. Мне нужна зарплата каждый вечер. И еще, если кто-нибудь чем-то заинтересуется, соседи, например, то я здесь временно, просто подруга.

Айша не нуждалась в подробных объяснениях.

Лу провела с ней всю вторую половину дня. Был тихий час. Айша расстелила в ряд поролоновые матрасы, закрыла ставни. Вопрос о сне даже не обсуждался, Айша и сама спала целый час вместе с ребятней.

Лу уложили на большую кровать, рядом с Айшей, храпевшей почище любого матроса, в невероятно загроможденной спальне, где пахло мятой и жасмином. Она заснула как младенец.

Триста франков, поняла она вскоре, не так уж и много за то, чтобы возиться семь часов кряду с

дюжиной пацанят, следить, кормить, подтирать и сюсюкать. Айша хорошо обращалась со всеми детьми, кроме своих собственных, — сколько их у нее было, четверо или пятеро, Лу так и не поняла. Им регулярно отвешивались подзатыльники, и они, кажется, воспринимали это как должное. Отвешивали подзатыльники и душили поцелуями, бранили на чем свет стоит и осыпали ласками.

"Обожаю малышей, — говорила Айша. — Они меня убивают, но все равно мне хочется, чтоб их было больше". Она не скрывала, что свободные часы посвящает трудам по увеличению их количества. Лу слушала ее и забавлялась. Айша рассказывала, рассказывала, болтала о себе и никогда не задавала никаких вопросов.

Конец сентября выдался великолепным. Светлую часть дня они проводили на улице, в пыли возле дома. Айша прекрасно сознавала нелегальность своего заработка и то, что он наказуем. "Штраф, — покатывалась она со смеху. — Да у меня за душой нет ни сантима!"

На худой конец лавочку прикроют. Но Айшу это не особенно беспокоило. "Мне будет только лучше — хоть передохну, — говорила она. — Подожду два-три месяца и открою снова".

"Иногда я даже мечтаю об этом, — прибавляла она. — Но мечты никогда не сбываются".

Лу меняла гостиницу каждый вечер. Расставшись с Айшей, она шла искать себе крышу над головой. Отправлялась в Коломб, Буа-Коломб, Ла-Гарен-Коломб, в Аньер, в Клиши. Положив себе расходовать не более трехсот франков в день, она тратила десять — двенадцать на газеты, тридцать на то, чтобы перекусить в мадагаскарской или пакистанской забегаловке. В свою заначку она залезала только по субботам-воскресеньям, — у Айши эти дни, разумеется, были выходными. Впрочем, ей все меньше и меньше хотелось есть. Она вполне понимала Айшу. "Весь год у меня рамадан, — говорила та, — я довольствуюсь едой один раз в день, вечером".

Она продолжала худеть и не хотела останавливаться. Купила себе брюки сорокового размера, а чуть позже еще одни, тридцать восьмого. Ей очень шло быть блондинкой. Она снова смогла смотреть на себя в зеркало.

Ей часто вспоминалась одна фраза, особенно ночью. Она просыпалась, и в ушах звучал мужской голос: невозможно держать такое в себе, когда-нибудь ты выложишь все. Рано или поздно ты заговоришь.

Нет, твердила Лу, просыпаясь. Только не я. Нет никакой нужды рассказывать о себе кому бы то ни было. У меня все хорошо, день ото дня лучше.

Тридцатого числа она внесла арендную плату за октябрь. Посчитала, пересчитала еще раз. Никаких сомнений, прошел ровно месяц со дня аварии, наделавшей столько шуму, со дня гибели этой сверхзнаменитой принцессы, этой звезды. Лу казалось, что она прожила уже целый год. Но нет, прошел всего только месяц. Она сходила на почту в Пюто, со своим мужским бумажником, пока еще наполовину полным, и отправила денежный перевод на адрес агентства, сдававшего ей квартиру в Вирофле.

Ее бывшую квартиру. Нет, поправилась она, мою квартиру. Я плачу за аренду, у меня есть ключи. Пока что это моя квартира.

Наступил октябрь. По-прежнему стояла летняя погода. Газеты восторженно писали: "Лето не кончается". Одна сенсация сменялась другой. Исламская вооруженная группа угрожала Франции террористическими актами. Всеобщая конфедерация труда отказывалась от тридцатипятичасовой недели со снижением заработной платы. Гигантская авария на автостраде в Нормандии — девять погибших и шестьдесят шесть

раненых.

Лу еще раз сходила в парикмахерскую. Не в ее привычках было заниматься своими волосами, да и с укладкой она всегда справлялась сама. Но она не могла купить новый фен. И не сможет. Немыслимо — держать в руках подобный прибор. Даже просто смотреть на него.

При мысли об Анжеле она испытывала небольшие угрызения совести. Анжела — образец пунктуальности и порядка. Она же ушла от нее, ничего не объяснив.

Если уж разрыв, подумала она, то в ее интересах сделать все мягко и как полагается. Чтобы про нее поскорее забыли, нужно пойти и сказать, что она увольняется.

В первую субботу октября она впервые за долгие недели поехала в Париж. В первый раз села в метро. Прямая линия: Пон-де-Левалуа — Катр-Септамбр.

В субботу утром она надеялась застать Анжелу одну. И не ошиблась.

— Лу! — завидев ее, вскричала Анжела и замерла на месте со стопкой тарелок в руках. — Ты, наконец! Как я рада!

Лу попыталась извиниться. Анжела подошла к ней и обняла ее. Видно было, что она взвол-

нована.

— Смотри-ка, ты похудела, — сразу же заметила она. — Что с тобой произошло? Между нами, тебе очень идет, ты просто красавица. К тому же загорела. И покрасилась.

Лу заранее приготовила свою легенду. Она много дней обдумывала ее.

— Вы когда-нибудь влюблялись с первого взгляда, Анжела? — начала она.

Она рассказала о случайной встрече, которая свела ее с ума. В одну секунду все прочее перестало существовать. Она даже не знала, сколько времени прошло. Они уехали, уехали далеко — она и этот человек-завороживший-ее-с-первого-взгляда. Все было прекрасно. Море, отель, ночи, которые перемешались с днями. Кино, да и только, вздохнула она.

— И длилось оно не намного дольше, чем сеанс в кинотеатре. Анжела, я не буду слишком распространяться. Я упала с небес на землю.

Неотразимый мужчина оказался женат, быстро сказала она. Я села на поезд и вернулась.

Анжела закрыла ей рот рукой.

— Я знаю, что это такое, — сказала она. — Расскажешь потом, если захочешь. Что касается внешности, эта история пошла тебе на пользу. Ты

преобразилась.

Лу беззвучно заплакала.

— Ну будет, — сказала Анжела. — Вот увидишь, со временем ты поймешь, что страсть — это кошмар. Смысл в том, что получаешь прививку. Ты свободна? Можешь начать работать прямо сейчас? В полдень я жду группу из двадцати японцев.

Через пятнадцать минут Лу поняла причину такой доброты. Мари-Но тоже ушла. Оставшись вдвоем с Анжелой, наслушавшись постоянных требований поменьше сплетничать, работать побыстрее и получше соображать, Мари-Но не выдержала и хлопнула дверью, заодно высказав все, что она думает о корсиканцах. Вот уже десять дней Анжела крутилась в ресторане одна. Она дважды звонила в Вирофле, никто не отвечал, и она решила, что Лу греется на солнышке вместе с Ивоном.

В конце дня Лу съездила в Пюто и забрала вещи из гостиницы. Айше она оставила записку в почтовом ящике: "Вы очень славная, вы легко найдете себе помощницу".

Бодро пустилась в обратный путь и остановилась на ночь в Левалуа-Пере. Она приближалась к Парижу.

На следующий день она вдруг задумалась, умеет ли Айша читать. По-арабски, возможно, умеет, но по-французски, скорее всего, нет. Это не страшно, Лу подписалась Патрисией. Если даже Айша решит разобрать записку с помощью своих ученых друзей, они не обнаружат ничего подозрительного, ни единой зацепки, по которой можно было бы найти эту самую Патрисию.

*

Работа у Анжелы давала хоть какое-то ощущение устойчивости. Лу по-прежнему меняла гостиницы, ночуя каждый раз в новом месте. Она продолжила свой тур вокруг Парижа, теперь уже в черте города. Останавливалась на ночь у ворот Пуэн-дю-Жур, у Версальских ворот, у заставы Ванв.

Между тем, несмотря на заработок, сбережения таяли. Она не сможет долго сохранять за собой квартиру, в которой не живет.

Как-то вечером она позвонила в Вирофле из автомата. Решив разорвать свой арендный договор, она хотела и этот вопрос уладить спокойно, предупредить Ивона.

Никто не подошел к телефону. И на следующий день тоже, ни рано утром, ни поздно вечером.

Еще через день, в семь часов вечера, Лу села в электричку на вокзале Сен-Лазар и отправилась в Вирофле. Семь часов вечера, почти осенние сумерки, — это было шестое октября, — Лу казалось, что она возвращается домой после летнего отпуска.

На станции она купила последний оставшийся в киоске номер "Либерасьон" и, не глядя, сунула в торбочку. Она думала о том, как они встретятся с Ивоном. Проигрывала возможные варианты, репетировала диалоги, свои реплики вслед за ремаркой: "Открывается дверь".

Ей показалось, что улица изменилась. Да нет же, сказала себе Лу. У тебя просто в глазах мутится от страха.

Она позвонила. Никто не открыл. Она повернула ключ в замочной скважине и вошла.

В квартире стоял незнакомый запах, и Лу тут же поняла, в чем дело. Не то чтобы царил полный бардак, но все как будто сдвинулось со своих мест. Не хватало некоторых вещей — тех, что когда-то принес Ивон, не стало его сигнального фонаря, превращенного в светильник, модели двенадцатиметровой яхты, его одежды, плаща, рюкзака, нескольких сумок, спального мешка. Это был сценарий номер четыре, она особо не

останавливалась на нем, наверно, потому, что он не предполагал слов.

Кровать в спальне была неубрана ("Да нет же, — сказал бы Ивон, — я ее застелил"). На полу валялся раскрытый номер "Парусов". В глаза ей бросились крупные буквы: "Как испечь хлеб на борту".

Надо было немедленно уходить. Она вытащила из шкафа матерчатую сумку-холодильник, которой они ни разу не воспользовались, и побросала в нее белье, пижаму, два свитера, любимую щетку для волос.

Бледная от страха, она решительно спустилась в гараж. Мотоцикла там больше не было. Не было и... Разумеется, и не могло быть, не ври, что ты этого не знала. Лу даже не стала заходить в гараж, лишь открыла дверь. И тут же закрыла.

Она вынула из почтового ящика несколько писем и конвертов с рекламными проспектами, адресованными как будто бы лично ей, и почти бегом вернулась на вокзал. В общей сложности она провела в доме не больше десяти минут.

Уже в поезде, по дороге в Париж, она вспомнила о дневном выпуске "Либерасьон", который даже не открыла.

Ее словно бы отбросило на много недель назад.

Целая полоса называлась "Диана, анализ обстоятельств аварии". "Вещественные доказательства подтверждают версию столкновения", — говорилось в подзаголовке.

Лу мгновенно пробежала все шесть колонок. На первый взгляд здесь не было ничего такого, о чем бы она не читала раньше. Она начала заново. Да, она не ошиблась. Ровно об этом же сообщали газеты в середине сентября: "фиат-уно", белого цвета, существуют доказательства, вскоре станет возможно восстановить обстоятельства столкновения.

Значит, это никогда не кончится. Лу решила, что завтра же, с самого утра, откажется от аренды и больше ноги ее не будет в этой квартире, она только зайдет забрать вещи.

Она позвонила в агентство в девять утра. Моросил дождь, впервые за долгое время; капли стекали по грязным стеклам телефона-автомата.

— Отправьте заявление по почте, — сказала девушка из агентства. — В принципе, вы должны оплатить квартиру на два месяца вперед, поскольку не предупредили заранее. Два месяца, подождите… да, это как раз равно залогу, который вы оставили при въезде. Мы вам его конечно же вернем, если быстро найдем другого квартиро-

съемщика. Когда вы рассчитываете освободить помещение?

— Когда? — переспросила Лу. — Сегодня вторник, вторник, седьмое октября, я думала переехать в эти выходные. Я верну вам ключи в воскресенье или даже в субботу вечером.

— В таком случае, — сказала девушка, — бросьте ключи в почтовый ящик агентства вместе с вашим новым адресом и новым номером телефона. Мы произведем оценку состояния помещения в понедельник или вторник, вы должны при этом присутствовать.

— Само собой разумеется, — ответила Лу, подумав про себя: можешь ждать меня, дорогуша.

После обеда она отправилась к "Бретонским грузчикам", на улицу Фобур-Пуассоньер. По справочнику она выбрала именно эту контору за ее относительную близость к ресторану — в окрестностях "Оперы", ясное дело, грузчиками и не пахло.

— Так, в субботу, — сказали бретонцы, — это возможно, если вещей и вправду немного. И при условии, что это будет ближе к вечеру.

В среду Лу купила газету с частными объявлениями и отметила из них два: однокомнатную квартиру на улице Берцелиуса, у ворот Клиши, и

двухкомнатную, но меньшей площади, на улице Луны, возле Сантье.

В тот же вечер она посмотрела сдаваемые двадцать три квадратных метра на улице Луны и подписала договор. Хозяин — оптовый торговец — продавал шмотки в магазине по соседству, на улице Борегар. Он попросил Лу как можно скорее оставить залог, в обмен она получит ключи.

Прежде чем прийти к нему в магазин, на следующий день, Лу купила себе мобильный телефон. Когда-нибудь она сможет отвечать по этому бродяжьему номеру.

Она не сказала Анжеле, что переезжает, но дала ей номер мобильника.

— Расскажешь потом, стоит ли обзаводиться такой штуковиной, — попросила Анжела. — Я пока что не надумала.

В перерыве, в середине дня, Лу подтвердила грузчикам день своего переезда — суббота, одиннадцатое, и дала адрес, куда везти вещи, — улица Луны. Еще раз заверила агентство в Вирофле, что освободит помещение до конца недели. Они договорились встретиться в понедельник в десять утра, чтобы произвести оценку состояния квартиры.

Вернувшись после перерыва, она застала Анже-

лу за чтением "Фигаро" — кто-то из посетителей оставил газету на столике. Фотография в правом верхнем углу страницы была хорошо видна, и Лу тут же узнала склоненную голову, взгляд исподлобья, светлую прядь, жемчуга в три ряда.

Чуть позже, когда Анжела большим ножом мелко строгала лук, она выскочила из кухни. Я выйду на минутку, Анжела, слезы текут.

"Диана: разыскиваются 112 000 "фиатов-уно", — гласил заголовок. Следователи приступили к тщательному изучению ста двенадцати тысяч "фиатов-уно", зарегистрированных в Иль-де-Франс. Они собираются побеседовать с каждым из владельцев".

Сто двенадцать тысяч, успокоила себя Лу. Такое не перелопатишь за пару дней.

Она провела в гостинице еще две ночи, в четверг и в пятницу. И в каждую из ночей звучал знакомый голос: ты заговоришь, это неизбежно, слишком тяжело хранить такую тайну.

Это мы еще посмотрим, каждый раз возражала Лу, просыпаясь. У нее много дел, ей надо думать о других вещах.

В пятницу Анжела вдруг спросила ее: "Ты уверена, что ты — Лу? Тебя словно подменили..." Она смотрела на Лу, а та в свою очередь смотрела на

картофельные очистки, змейкой опускавшиеся из-под пальцев на стол. Лу не вздрогнула, не порезалась. По равнодушию, с каким она выслушала эти слова, она поняла, что в некотором смысле уже неподвластна страху. Он достиг таких пределов, что сама она стала лишь тенью страха и ничто не может ее испугать. Приди сейчас за ней полиция, она бы и бровью не повела.

В субботу, в три часа дня, к ее дому в Вирофле подъехали грузчики. Их было двое.

— Вы ничего не приготовили? — спросил, войдя в квартиру, тот, кто говорил по-французски. — Ничего не сложили в коробки?

— Нет, — сказала Лу, — а зачем?

— Так все люди делают, — объяснил грузчик. Его звали Теофан, он был родом из Кот-д'Ивуара. — Берегут вещи, — сказал он с уважением, — то, что может разбиться, или бумаги складывают в коробки, заранее упаковывают, и все такое.

— У меня нет ничего бьющегося, — сказала Лу.

— Тогда начнем, — ответил Теофан.

Три часа подряд они как попало рассовывали вещи по пластмассовым ящикам и коробкам, в результате кастрюли были забиты ботинками, а книги запутались в простынях.

Ну и что, ничего страшного, повторяла себе Лу

три часа подряд, собирая ненужный хлам в пакеты и вынося их на улицу. Она вынесла заодно и телевизор и поставила его рядом с большим мусорным контейнером.

У подъезда она столкнулась с массажисткой с первого этажа, которая поздравила ее:

— Вот это форма, как говорится! Невероятно похудели! Были в отпуске?

В шесть часов все было сложено. Лу оставила ключи в условленном месте и села в грузовик к Теофану и Кемалю. Не прошло и часа, как все вещи оказались свалены в кучу в квартирке на улице Луны, их просто вытряхнули на пол посреди большой комнаты, между четырьмя предметами мебели. Коробы и ящики грузчики увезли с собой.

Когда они ушли, Лу посмотрела на кучу, всплакнула, ну, может быть, с полминутки, и решила в последний раз пойти ночевать в гостиницу.

В воскресенье она убиралась с девяти утра до одиннадцати вечера. Подбирала каждому ботинку пару — и подобрала, отыскала наволочку, банку "Нескафе" и провела свою первую ночь на улице Луны. Тишина ошеломила ее. Это был островок спокойствия, затерянный между Большими бульварами и Сантье.

*

В понедельник Лу закрыла свой счет в Парижском национальном банке. И не стала открывать новый — ни в этом банке и ни в каком другом. Ей захотелось испытать себя — попробовать жить без чековой книжки и кредитной карты. Вечером она легла в кровать в восемь и проспала двенадцать часов кряду.

Терзания начались во вторник. Еще два дня — в среду и в четверг — она боролась с собой. Ну почему, почему именно теперь, когда она наконец вырвалась из осиного гнезда, когда ее уже почти невозможно найти?

В пятницу она сдалась. Ночной голос был прав, такое не удержишь в себе. Между тремя и четырьмя Лу пошла в комиссариат полиции возле Гран Пале. Она посмотрела в справочнике: этот комиссариат был ближайшим к тоннелю Альма и к тому же центральным комиссариатом Восьмого округа.

Когда она вошла, то не заметила ничего особенного, народу почти не было. Толстый полицейский с отеческим видом выслушал ее показания.

— Итак, — спросил он, — что вас сюда привело?

Лу рассказала все. Что она была на въезде в тоннель Альма 31 августа, сразу после полуночи, за рулем своего белого "фиата-уно". Да, та самая машина-помеха. Вела ее она. Все произошло очень быстро, ей нечего добавить к тому, о чем писали газеты. Она перепугалась, сбежала. Шумиха, поднятая в прессе, чуть не свела ее с ума. С каждым днем она все больше терялась и запутывалась. Сейчас ей лучше, она пришла в себя и может наконец говорить об этом.

Полицейский выслушал ее, не делая никаких пометок, казалось, он даже не удивился.

— У вас есть техпаспорт на машину? — спросил он.

— Н-нет, — ответила Лу.

— Удостоверение личности?

Лу почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Тоже нет, я должна вам кое-что объяснить.

Полицейский склонил голову набок:

— Где он, ваш "фиат"?

— Если бы я знала, — ответила Лу. — Думаю, на дне какого-нибудь пруда. Потому что после аварии меня…

Полицейский перебил ее:

— Вы помните номер?

Лу совсем упала духом:

— Нет, это глупо, но я никогда не знала его наизусть, а сейчас, без техпаспорта…

— Естественно, — сказал полицейский. — Послушайте, вы правильно сделали, что пришли сюда. Теперь вам станет лучше. Иногда нужно выговориться. Вы работаете?

— Да, — сказала Лу. — Вы не запишете мое имя, адрес?

— Нет, почему же, — ответил полицейский.

— Луиза Ориган, — начала Лу, — я живу на улице Луны.

— Конечно, — сказал полицейский.

— Телефон 06.85.34.37.35, — продолжила она, — я пользуюсь им одна.

— Прекрасно, — сказал полицейский. Он записал только телефон. — До свидания, хорошего вам дня. — Он отодвинул свой стул. — Я все понял. Мы вам позвоним, если вашей информации дадут ход.

— Я бы удивилась, если бы этого не произошло, — заметила Лу.

— Когда дело касается полиции, не стоит ничему удивляться, — сказал полицейский. — Нужно просто довериться нам.

Лу встала. Он остался сидеть. Лу шагнула к

двери, не переставая гадать, что он хотел сказать этим своим "прекрасно".

Она вышла за порог и услышала, как он расхохотался. Но не поняла ни слова из того, что он говорил. Он говорил очень быстро, захлебываясь смехом. "Пятьдесят четвертая! — восклицал он. — Пятьдесят четвертая, в одном только нашем округе! Две приходили вчера, сегодня еще одна. В любом случае об этой я не стану докладывать ребятам из розыска. Ты ее видел? Совсем чокнутая… Работает под Диану, светлые локоны, затуманенные глаза, взгляд исподлобья. Сколько их небось сидит по лечебницам, таких вот девчонок с длинной челкой, в туфлях на низком каблуке, и каждая считает себя принцессой Уэльской…"

Лу надеялась, что теперь, когда она сняла с себя этот груз, тревога наконец-то ее отпустит. Хоть пару дней она проведет спокойно и умиротворенно. Так и вышло. В первый раз она смогла съесть пиццу, стоя на тротуаре и не думая о том, как на ее плечо опускается свинцовая рука. Она зашла к бакалейщику на улице Отвиль один раз, второй, десятый, не боясь, что попадется. Она потихоньку освоилась в новом квартале, немного мужском, несмотря на многочисленные магазины женской одежды, но очень, очень симпатичном.

Из полиции ей не перезванивали.

Лу поговорила с матерью. "Ну вот, наконец-то я все же купила себе мобильный. Запиши номер. Старый можешь зачеркнуть, у меня больше нет домашнего телефона, он мне не нужен. У тебя все хорошо? На Юге хорошая погода?.. Ивон... послушай, мама, нет. Все было не так, как я хотела. Потом расскажу... Это ты так думаешь. Хватит. Хватит. Не задавай мне вопросов, когда-нибудь я тебе все расскажу, да, обещаю".

К концу октября Лу купила себе фен в "Галери Лафайет". Постоянно ходить к парикмахеру было решительно не в ее стиле. Ей нужно научиться распрямлять волосы самой. Она попробовала сразу же, как вернулась домой. С ума сойти, подумала она, сколько всяких вещей хранится в памяти, лежит мертвым грузом, но как только приходит надобность, они вспоминаются сами собой. Когда-то она читала или ей говорили, что процент раскрытых преступлений крайне мал. Кажется, два из десяти. Восемь преступлений из десяти остаются неразгаданными. Новейшие методы расследования ничего, по сути, не изменили. Наверно, Мари-Но рассказывала об этом, все объясняя и рассусоливая, между чисткой и мойкой. На месте преступления в избытке

находят ресницы, волосы, частицы кожи, и современная наука позволяет установить, кому из двоих они принадлежат: жертве или убийце, составить генетическое досье преступника. Это женщина, молодая женщина, у нас есть ее ДНК.

А потом? А потом ничего, по крайней мере на сегодняшний день. До тех пор, пока не создадут полную картотеку генетических кодов всех людей, проживающих в стране, всех, кто мог бы в ней находиться в момент преступления, молодая женщина, если ей удалось скрыться незамеченной и если прежде она не попадала в полицию, может считать себя в безопасности: вероятнее всего, ее не найдут никогда.

В начале ноября толстый бумажник опустел. С легким сердцем Лу его выбросила: давно пора. Заодно выкинула и швейцарский нож. Она уже не помнила толком, почему эти две вещи для нее как-то связаны.

Телевизор она покупать не стала. Между тем выяснилось, что без чековой книжки, кредитки и удостоверения личности прекрасно можно обойтись.

По радио она теперь слушала только музыку. Порой бросала взгляд на жирные заголовки, когда ей под руку попадалась какая-нибудь газета,

оставленная кем-то в ресторане или в автобусе. Так она узнала, что следователи сетуют на свою участь. От них потребовали бросить на дело Дианы максимум людей, а значит, другие дела — убийства, тяжкие преступления — не расследуются должным образом.

Одиннадцатого ноября Лу проснулась поздно. Стояла настоящая осень, зарядили дожди, ветер стучал в окна. Она решила сходить в пассаж "Бради", пополнить запас индийских пряностей.

Переходя бульвар Сен-Дени, она вдруг услышала: "Лу!" Она узнала голос и мгновенно отыскала взглядом мотоциклиста в желтом плаще, поднявшего стекло шлема.

Она хотела убежать, но не решилась. Ивон встал рядом с ней, около тротуара.

— Ты изменилась! — сказал он, не слезая с мотоцикла. — Ты болела? Я с трудом узнал тебя.

— Бывает, — сказала Лу. — Последнее время со мной тоже случается, что я ничего вокруг не узнаю. Даже странно.

Непохоже было, что он на нее обижен.

— Думаю, я должна извиниться перед тобой, — сказала Лу.

— Не хочешь выпить что-нибудь? — спросил Ивон. — У тебя есть время?

Лу поморщилась:

— Нет. Тороплюсь.

— Может быть, вечером?

— Я бы не хотела, — сказала Лу.

Ивон спросил другим тоном:

— Ты по-прежнему работаешь у Анжелы?

— Нет, — ответила Лу, — я ушла, я…

— Ты и работу сменила? — перебил Ивон. — У тебя теперь другая жизнь!

— Так уж оно получилось, — степенно проговорила Лу, — потихоньку, шаг за шагом.

— Ну нет, все-таки быстро, — возразил Ивон.

— Ты считаешь? — спросила Лу.

Ивон нахмурил брови.

— Знаешь, — сказал он, — я тут думал о тебе, читая газеты. Ты в курсе, ну насчет этой истории с Дианой? Знаменитая машина-помеха, ехавшая на пути "мерседеса", — это белый "фиат-уно". В точности как твоя. Все владельцы "фиатов-уно" будут опрошены. Ты видела заголовок в "Либерасьон" на прошлой неделе: "Разыскивается фиат-уно"? Жди гостей. Или они уже приходили?

— Они не приходили, — сказала Лу. — Меня остановили на улице, несколько дней назад. Я была за рулем, на авеню Терн, меня попросили показать машину. Жандармы, похоже. Из мест-

ного отделения. Проверили всю машину, внутри, снаружи, это длилось не меньше пяти минут. Меня попросили заполнить бумагу, у кого я купила машину, что я делала в момент аварии. А потом отпустили. В общем-то, все правильно. Но я не очень верю, что они кого-то найдут. Сколько во Франции таких машин? Больше десяти тысяч…

— Не угадала, — поправил ее Ивон, — больше ста тысяч только в районе Парижа. Им еще искать и искать.